

В. П. Козлов

ОБМАНУТАЯ,
НО
ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ
Клио

Подлоги
письменных источников
по российской истории
в XX веке

В. П. Козлов

ОБМАНУТАЯ, НО
ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ

Клио

Подлоги
письменных источников
по российской истории
в XX веке

Москва
РОССПЭН
2001

- Козлов В.П.**
К 59 **Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 224 с.

Книга руководителя Федеральной архивной службы России члена-корреспондента РАН В.П.Козлова продолжает серию его исследований о подлогах письменных источников по истории России. Начало серии было положено работами автора о фальсификациях XVIII—XIX вв. В этой книге рассказано о подлогах XX в.

В специальной теоретико-методологической главе впервые дается развернутая типология подлогов и формулируются правила их выявления.

Книга была подготовлена автором при его работе в качестве преподавателя на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга является продолжением опубликованной работы автора, посвященной истории фальсификаций русских письменных исторических источников в XVIII — первой половине XIX в.¹ С ее выходом завершается первая сводная попытка проследить на российском материале историю этого своеобразного интернационального явления в общественной жизни, выявить закономерности и особенности его развития, обстоятельства, мотивы, технику изготовления подлогов, их воздействие на умы и чувства россиян, определить основные типологические черты подлогов, имеющие всегда отчетливые параметры общественно-политической, историографической, культурной значимости.

Автор стремился сохранить и в полной мере использовать всю ту методику рассказа и анализа фальсификаций, которая была применена им в предшествующей работе. Однако в какой-то степени неожиданно для себя он столкнулся с рядом таких моментов, которые вынудили его внести ряд коррективов в эту методику. Во-первых, выяснилось незначительное количество серьезной литературы, посвященной отдельным фальсификациям исторических источников XX в. или же их каким-то группам, а также авторам фальсификаций, отсутствует и сколько-нибудь ясное представление об их общем корпусе. Во-вторых, постулированная во введении к первой книге идея разграничения подлогов документов и подлогов исторических источников, довольно легко реализуемая в отношении фальсификаций в XVIII—XIX вв., применительно к материалу XX столетия встретила известные сложности, особенно по мере приближения рассказа к современности. В-третьих, усложняется сама процедура разоблачения подлогов и установления истории их бытования в связи с нередкими случаями интернационального состава их «авторских коллективов». В-четвертых, в XX столетии мы все реже и реже встречаем фальсификации исторических источников во имя доказательства неких исторических идей и концепций — все чаще подлоги преследовали откровенно политические цели, некие государственные интересы, выходя нередко из недр спецслужб. Следы многих фальсификаций ведут именно сюда, однако доступ к их архивным материалам не всегда бывает возможным.

Отчасти по этой причине книга не охватывает всех подлогов исторических источников, относящихся к России, изготовленных в России и за рубежом на протяжении XX столетия. Как знать, может быть, исследователи будущего обнаружат много новых подлогов среди тех документов, которые сегодня признаются подлинными и достоверными. Изошренность технологии подлогов, изго-

тавливавшихся нередко специализированными государственными структурами, является веским основанием для такого подозрительного предположения.

В этой книге, как и в предыдущей, читатель познакомится с фальсификациями сенсационными и малоизвестными, выполненными с высокой степенью технической и содержательной изощренности и торопливо-примитивно с расчетом на сиюминутный оглушающий эффект, с подлогами, разоблаченными почти немедленно после введения в общественный оборот и живущими по сей день, будоража воображение обывателя. Но по-прежнему в каждом замысле фальсификации довольно отчетливо прослеживается определенный «интерес» — от примитивного и низменного до фанатично благородного. Именно выявлением этого «интереса» замечательно разоблачение подлогов, оно дает возможность немедленно поставить их в общий контекст общественных движений своего времени, получить более объемное представление об их очевидных и скрытых мотивах. Фальсификации всегда обостряют наши представления об известных исторических явлениях, событиях, действиях и мыслях людей, позволяя выявить дополнительные черты их характеристик. В подлогах, как в капле воды, отражаются не только исторические процессы, современные времени их изготовления, но в случае реанимации фальсификаций даже после разоблачения — современные и периодам их бытования, неожиданного «возвращения» из небытия.

В историографическом плане история фальсификаций русских письменных исторических источников в XX в. разработана слабо. Даже анализ откровенных антикоммунистических и антисоветских подлогов мы редко встретим в советской исторической литературе, равно как, впрочем, и в зарубежной. Поразительно, что ряд таких подлогов не только просто игнорировался, но знания о них прятались в спецхраны. Дело в том, что многие из подлогов касались самых острых проблем отечественной истории, часто трактуя их совсем не в духе официальной советской историографии. Боязнь обострения исторического знания, зарождения неких альтернативных исторических выводов и концепций и заставляла умалчивать о фальсификациях.

Тем не менее ряд подлогов имел значительную историографическую традицию. Так, например, фальсификациям документов, связанных с деятельностью Коминтерна, была посвящена специальная (и единственная в советской историографии подлогов) книга, опубликованная в 1926 г.² Эта анонимная книга (таковой ее можно считать из-за отсутствия указаний на автора, если не считать того обстоятельства, что выпущена она издательством Народного комиссариата иностранных дел) оставляет двойственное впечатление. Безусловно, это первый наиболее полный свод фальсификаций с их достаточно подробным разбором, фальсификаций, появившихся на Западе в первой половине двадцатых годов как результат разгоравшейся идеологической и политической кон-

фронтации. Автору, очевидно сотруднику НКВД, удалось проделать большую работу по выявлению подлогов, их систематизации и отнесению к той или иной, как пишет он, существовавшей на Западе «фабрике» антисоветских фальшивок. Таковых автору книги удалось установить несколько, с присущими каждой из них приемами и техникой изготовления подлогов.

С другой стороны, книга оказалась острополемической. Она в полной мере отразила и передает атмосферу идеологических и политических баталий середины двадцатых годов. Справедливый дух разоблачения подлогов и праведный гнев против использования столь недостойных приемов в политических целях явно помешали автору объемно представить весь спектр мотивов, приведших к изготовлению тех или иных подлогов.

Серьезному научному анализу были подвергнуты фальсификации, к которым оказались причастны Б.Шергин и К.Бадигин³, «Влесова книга»⁴, «Дневник» Вырубовой⁵, «Протоколы сионских мудрецов»⁶. По целому ряду других подлогов имеется, как правило, оперативно реагировавшая на них литература в виде газетных и журнальных заметок, почти всегда доказательно показывающая их фальсифицированный характер.

Всеобщая изощренность XX столетия вряд ли может вызвать у кого-либо сомнения. История фальсификаций в этом смысле не стала исключением. Масштабы подлогов, равно как событий и лиц, которым они были посвящены, нередко соответствовали масштабам событий и деятельности лиц, которыми оказался богатым век. Достаточно вспомнить поразившую мир фальсификацию дневника Гитлера. Впрочем, такими же масштабами отличались и явления противоположные. Как не вспомнить в этой связи отрицание советским руководством подлинности протоколов Молотова—Риббентропа о разделе сфер влияния накануне Второй мировой войны и многолетние усилия советских историков, доказывавших их подложность. Можно напомнить и о примитивных, но преисполненных восхитительного упорства стремлениях доказать подложный характер документов, связанных с уничтожением польских военнопленных в 1940 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б).

Автор не смеет утверждать, что в этой книге собраны наиболее характерные фальсификации. Скорее наоборот, хотя автор и стремился к тому, чтобы выявить типологию подлогов, он все же имел в виду рассказать только о тех фальсификациях, которые в силу обстоятельств попали в поле его поиска.

Глава 1.

Разочарованный Ильич

В июле 1921 г. в секретариат В.И.Ленина через Стокгольм от агента «Просперо» поступила доверительная информация о том, что «германские секретные источники дают текст частного письма Ленина, датированного 10 июня 1921 г. и адресованного на имя проживающего в Берлине старого знакомого Ленина, брата одного из комиссаров». Далее следовал перевод текста письма с немецкого.

«Милый друг.: Вы меня спрашиваете, почему тон моих писем, или, вернее говоря, моих переговоров с Вами не так уж оптимистичен и спокоен, каким он был до сих пор. Я думаю, если бы мы опять встретились друг с другом, то удивитесь Вы еще более той перемене, которая произошла во мне и которая невольно отражается в моих письмах. Представьте себе человека, который в течение трех лет, изо дня в день, из часа в час, делает ту же самую работу, не имея ни минуты для себя и не имея возможности оторваться от этой громадной работы, которая поглощает все время, все силы и всю энергию. Все чаще и чаще вспоминаются мне счастливые дни в Цюрихе, когда мы вели длинные разговоры о предстоящем социальном сдвиге, о неизбежности социального переворота и о тех фазах изменения общественных форм, какие вызовет неизбежно революция. Ваш практический ум часто меня возмущал своей холодной критикой, так как он не соответствовал по моим взглядам реальной действительности, которой я и мои единомышленники посвятили все свои силы и понять какую, нам казалось, мы сумели. Вы, практики, даете себе отчет обо всем, что вас захватило, Вы видите в жизни один единственный путь, по которому должны идти реалисты, создающие жизнь. Вы признаете, что каждое дело должно рассматриваться с узкоэгоистической точки зрения в Ваших интересах и выгод[ах]. В то время как Вы никогда не углубляетесь в окружающую Вас среду и никогда ею не интересуетесь, если она Вам бесполезна, Вы считаете правильным для своей эгоистической морали жить только самим и завоевывать, бросая слабейшим лишь крохи, которые Вам не нужны, не считаясь с тем, достаточны ли эти крохи или нет. Если Вы еще помните, а, судя по Вашим письмам, Вы это не забыли, наши разговоры в читальне Цюриха и позднее в Женеве, где Вы с пеной у рта доказывали мне утопичность моих выводов, непримиримость таковых с настоящим мировоззрением европейского общества, в котором окристаллизовалась высшая форма капитализма и эгоистического миропонимания. Я хочу привести Вам небольшой

Письмо Ленина

одному изъ своихъ старыхъ знакомыхъ
отъ 10-го Юня 1921 года.

Въ полномъ крахѣ большевизма и коммунизма нынѣ никто уже не сомнѣвается. Совершенно ясно, что потеряли вѣру и идейные главари большевизма, но этому не было доказательствъ. Приводимое ниже полностью частное письмо Ленина къ одному его старому знакомому періода совместнаго эмигрантства въ Швейцаріи раскрываетъ въ полной мѣрѣ мысли и настроенія Ленина по поводу его 3½ лѣтняго опыта надъ несчастной Россіей по пересозданію всего міра на новый коммунистическій строй.

Содержаніе письма нижеслѣдующее:

„Вы спрашиваете меня, милый другъ, почему тонъ моихъ писемъ или вѣрнѣе моихъ бесѣдъ съ Вами не является такимъ оптимистическимъ и спокойнымъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ. Я думаю, если мы опять встрѣтимся другъ съ другомъ, то Вы удивитесь еще болѣе той переменѣ, которая во мнѣ произошла и которая невольно отражается на моихъ письмахъ. Представьте себѣ человѣка, который въ теченіи трехъ лѣтъ, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, дѣлаетъ ту же самую работу, не имѣя ни минуты для себя и не имѣя возможности оторваться отъ этой громадной работы, которая поглощаетъ все время, всю энергію и всѣ силы. Все чаще и чаще вспоминаюся мнѣ счастливые дни въ Цюрихѣ, когда мы оба вели длинныя разговоры о предстоящемъ социальномъ сдвигѣ, о неизбежности выполнения георетическихъ выводовъ, и о тѣхъ фазахъ, при ко-

Одна изъ первыхъ публикацій «Письма Ленина» за рубежом

факт, который я в то время упустил из поля зрения моих наблюдений, но который сейчас является косвенным доказательством в правильности моих выводов в споре с Вами и который особенно интересен потому, что еще раз подчеркивает превосходство наших теоретических тезисов и выводов над вашими практическими наблюдениями.

Три года непрерывного изучения революционных фазисов в России научили меня, что не везде надо искать гения классового сознания или коллективного инстинкта того или другого класса, толкающего своих членов к работе в необходимом направлении для них, но исключительно силу отдельных личностей, воля которых подымается выше уровня их класса, охватывает этот класс и диктует ему те методы, которые для этого класса в настоящий момент борьбы являются наиболее полезными и необходимыми. Мы ошибались, придавая классу такое большое значение, мы смотрели на класс, как на какой-то «интеллектуальный организм, способный на непосредственное, прямое выражение своих желаний». Класс является не чем иным, как организмом, лишенным всякого интеллекта, свободной воли и какой-либо способности к действиям. Предоставляемый самому себе, он управляется только классовым инстинктом и классовым самосознанием, которое никогда не диктует более глубоких для класса полезных методов, чем это требуют задачи текущего момента. Действия класса, как такового, лишены постоянного здравого смысла, так как они не рассчитаны на дальнейшую борьбу. Жизнь класса — это жизнь чудовищного моллюска, который защищается и борется с одинаковой энергией как против ничтожнейшего врага, так и против могущественнейшего врага, от которого зависит его дальнейшее существование. Воля отдельных лиц, созидательный дух свободного интеллекта — только они одни могут предвидеть дальнейшие фазы борьбы, могут суммировать все «за» и «против». Как я и мои ближайшие товарищи, так и Вы — люди практики — не учли этого важнейшего фактора общественной жизни, или даже если бы обратили на него свое внимание, то это произошло лишь настолько, что стало подтверждением наших неверных выводов относительно понятия о классе.

Бесконечные перспективы для наблюдений, какие открывает русская революция, дали мне возможность неоднократно убеждаться в ошибочности наших предположений, но если бы даже я подошел к разрешению этого вопроса с Вашей точки зрения, то я принужден сознаться, что Вы были более правы, чем я.

Теперь о себе. Я устал, я чувствую, что все более и более с каждым днем и меня невольно тянет на отдых, к моим книгам и к проверке тех выводов, к которым я пришел. Нервы стали уже не те. Меня буквально съедает ничтожество моих окружающих, так и их буржуазность, которая разъедает твердый организм партии. Государственная работа, в той форме, как она проводится у нас, — совершенно не возможна. Наша юная бюрократия переняла пол-

ностью ошибки своих предшественников и по наивности своей еще более увеличила пропасть между правящими и управляемыми. Наша ставка на коллективный инстинкт, который должен удерживать членов партии, оказалась ошибочной. Наши надежды на этот коллективный инстинкт и на классовое сознание рабочих и крестьян — также потерпели фиаско. Я теперь вспоминаю Вашу прощальную фразу, сказанную Вами в 1917 г., в момент моего отъезда в Россию. Вы сказали мне, что я не должен забывать, что окончательно разучился понимать дух русского крестьянина и рабочего, что годы эмиграции отняли у меня возможность непосредственно наблюдать за русским обществом и что я должен быть осторожным. Мы все были захвачены волною власти и успеха. Дав себя также увлечь, я имел возможность проверить мои выводы на практике, ибо я твердо верил в устойчивость и жизнь нашей партии. В то время как я бросил массам обещания широких перспектив социальных реформ, я старался пробудить в развитых слоях пролетариата, у рабочих и крестьян, чувство самостоятельности. Если бы на местах проводились директивы центра — был бы создан фундамент для грядущего социалистического государства, могущего послужить образцом для народов всего мира. Я должен Вам сказать, что я три года колебался, что три года я не мог решиться сознаться в том, что мы ошибались, что были выбраны неправильные приемы. Теперь же, когда я вижу сумму нашей деятельности, я должен сказать, что я был не прав, что я переоценил силы партии, а также русского крестьянина и рабочего. Скажу Вам короче: русский крестьянин и рабочий предали свои интересы; партия изменила — совершенно невольно — своей мягкостью и рабской психологией, которая, пересилив революционный порыв, на полдороге задержала развитие революционной психологии. Наивность, детская культура, детская жестокость, полное непонимание и отсутствие сознания необходимости работать на грядущий день, лень и неспособность воспринять новые мысли — все это является той плотиной, прорвать которую оказалось нам не под силу, несмотря на действительно героические усилия, сделанные партией в течение этих лет. Если мы держимся, — то исключительно усилиями партии, которая отдает все свои живые силы на сохранение власти, и этим некоторым образом поддерживает возможность перевоспитания социального мировоззрения, подготовив этим этап для дальнейшего развития международной революции.

Но я чувствую, что силы партии изо дня в день выдыхаются и что внутренние трения и мелкое самолюбие отдельных лиц, ставящих частные интересы выше общих, разъедают партию.

Я давно осознал неизбежность компромиссов, концессий с нашей стороны, компромиссов, которые дадут партии новые силы для той небольшой группы утомленных работников, действительно искренне преданных делу. Без этого у нас не будет возможности дальше существовать, т.е. мы не сумеем дальше держаться. Поставить ставку на революционный милитаризм, на наших «наполео-

нов» — это, по моему мнению, обозначает проигрыш, и это будет последним усилием партии, которая погибнет, израсходовав весь запас живой силы.

Я написал Красину о необходимости частным путем войти в переговоры с социалистическими группами эмиграции, о возможности какого-либо компромисса. С такой же просьбой обращаюсь я к Вам, моему старому другу, — как человеку внепартийному. Вам будет легче установить контакт с нашей эмиграцией и сговориться с ее вождями. Я очень надеюсь, что в ближайшем получу от вас какие-либо известия, так как время не терпит и лучше добиться сегодня соглашения, чем через полгода, — когда по всей вероятности будет слишком поздно. Я ожидаю Ваших писем в ближайшем. Читая их, я отдыхаю и вспоминаю Вас и наши споры в Цюрихе.

Всем сердцем Ваш В. Ульянов»¹.

«Письмо» Ленина характеризовало его психологическое состояние, философские размышления, политическое осмысление современной ситуации и программу дальнейших действий. Уставший от разрешения свалившихся практических проблем переустройства российского общества, разочарованный в классе, на который когда-то он возлагал все свои политические надежды, в ближайших соратниках и даже в партии, которую с невероятными усилиями создавал, уповающий на компромисс и даже союз с социалистическими группами российской эмиграции во имя торжества дела своей жизни, — таким предстал Ленин со страниц своего «письма» неизвестному корреспонденту.

«Письмо» оказалось на рабочем столе Ленина уже 27 июля 1921 г., и он прореагировал на него немедленно. «Т. Чичерин! — написал он. — Это — подлог. Кто прислал? Что предпринять? Верните с ответом»². 29 июля Чичерин сообщил Ленину свое мнение по поводу «письма». «Не ручаюсь, что осведомитель (т.е. агент «Просперо» — В.К.) сам не выдумал, — заявил он. — Этот подложный документ никогда и нигде не был опубликован, так что нечего его опровергать. Мы несчетное число раз заявляли, что теперь находится в обращении масса приписываемых нашим деятелям подложных документов. Если этот подлог где-нибудь попадет в печать, тогда займемся опровержением, но не за Вашей подписью, а просто от "Роста" (Российское телеграфное агентство. — В.К.)»³.

Уже 30 августа того же года в газете «Рижский курьер» письмо было опубликовано с несущественными разночтениями от полученного Лениным текста, без комментариев и с кратким примечанием: «Это письмо написано Лениным 10 июня 1921 г. одному из своих давних знакомых в Цюрихе»⁴. Характер разночтений говорит о том, что и текст «Просперо», и газетный текст восходили к одному и тому же источнику: разночтения носят исключительно стилистический характер и объясняются вкусовыми пристрастия-

ми переводчиков. Более того, они убеждают в том, что текст «Рижского курьера» представлял собой не оригинальный русский текст «письма» Ленина, а восходил к иностранному, по всей видимости немецкому, тексту. Приведем в качестве примеров ряд таких стилистических различий.

Текст «Просперо»	Текст «Рижского курьера»
<p>1. «...о неизбежности социального переворота и о тех фазах изменения общественных форм, какие вызовет неизбежно революция».</p>	<p>1. «...о неизбежности выполнения теоретических выводов и о тех фазах, при которых социалистические изменения обоюдных классовых отношений и общественных форм в современной Европе будет иметь место».</p>
<p>2. «Вы признаете, что каждое дело должно рассматриваться с узкоэгоистической точки зрения Ваших интересов и выгод».</p>	<p>2. «Вы понимаете, что каждое дело должно рассматриваться с узкоэгоистической точки зрения, только в смысле, что оно Вам дало ту или иную выгоду или пользу».</p>
<p>3. «Теперь о себе».</p>	<p>3. «Теперь обо мне».</p>
<p>4. «Жизнь класса — это жизнь чудовищного моллюска, который защищается и борется с одинаковой энергией как против ничтожнейшего врага, так против и могущественнейшего врага, от которого зависит его дальнейшее существование».</p>	<p>4. «Жизнь класса — это жизнь могучего моллюска, который защищается и борется с одинаковой энергией как против ничтожного врага, так и против врага, от которого зависит его дальнейшее существование».</p>
<p>5. «Мы все были захвачены волною власти и успеха. Дав себя также увлечь, я имел возможность проверить мои выводы на практике, ибо я твердо верил в устойчивость и жизнь нашей партии».</p>	<p>5. «Нас всех захватила волна власти, волна успеха. Я сам имел возможность проверить мои выводы на практике, дав себя увлечь, ибо я твердо верил в устойчивость и жизнь моей партии».</p>

В «Рижском курьере» есть лишь одна фраза, отсутствующая в тексте «Просперо»: «После борьбы на всех различных фронтах от нее (партии — В.К.) останутся лишь остатки».

Еще одна публикация в одной из белоэмигрантских газет письма Ленина повторила текст, помещенный в «Рижском курьере»,

29 Июля 1921 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич.

№ 4, Ленин

В архив

М/подлог
М/неизвестно
Илья 19.19.21
М

Возвращаю Вам "Подлог". Этот материал получается чрез Стокгольм. Не ручаюсь, что осведомитель сам не выдумал. Этот подложный документ никогда и ни-где не был опубликован, так что нечего его опровергать. Мы насчетное число раз заявляли, что теперь находится в обращении масса приписываемых нашим деятелям подложных документов. Если этот подлог где-нибудь попадет в печать, тогда займемся опровержением, но не за Вашей подписью, а просто от "Роста" -

С коммунистическим приветом

Ленин

Записка Г.В.Чичерина В.И.Ленину
о подлоге его письма «неизвестному»

слово в слово. Однако она сопровождалась обширными комментариями политического характера. «Какое ужасающее убожество ума и мыслей в этих его словах, — сказано здесь. — Вернее поставим вопрос так: убожество или сумасшествие? Он равнодушно проходит мимо ужасающих последствий своей деятельности, его мысль не останавливается на тех гекатомбах жертв и на разорении величайшего, богатейшего государства, которое явилось результатом его коммунистических опытов над Россией, и при виде надвигающейся катастрофы, которая должна поглотить миллионы русского народа, его интересует лишь мысль о том, как бы в спокойной обстановке заняться проверкой сделанных выводов...»⁵

Известно, что Ленин после получения объяснения от Чичерина распорядился передать «письмо» в архив. На секретном хранении в бывшем Центральном партийном архиве (ЦПА) оно пролежало вплоть до середины 1990 г. Это весьма красноречивый факт: если для Ленина «письмо», очевидно, представляло исторический интерес, как отражение представлений о нем в среде его политических противников, то для позднейших идеологов КПСС оно выглядело некоей попыткой реконструкции мало вероятной,

но обывательски понятной возможной эволюции взглядов основателя Советского государства. Описание того, что легализация «письма» может пусть даже всего-навсего зародить элементы сомнения в иконописный облик вождя, и было главной причиной его замалчивания. Однако существовали по меньшей мере две зарубежные публикации документа, которые в том или ином контексте упоминались в западноевропейской литературе о Ленине. Сокрытие «письма», как всегда это случается, неизбежно породило слухи и домыслы о его реальном существовании как подлинного документа. В начале 1990 г., когда требование исторической правды стало одним из самых важных элементов общественной жизни страны, вопрос о подлинности «письма» Ленина был поставлен впервые журналисткой Э.М.Максимовой и в отечественной печати. Ответ на него прозвучал со страниц газеты «Правда» в специальной статье сотрудников тогдашнего Центрального партийного архива Ю.Н.Амиантова и В.Н.Степанова. Здесь впервые в советской печати был пересказан текст «письма», приведены резолюции Ленина и его переписка с Чичериным — по оригиналам, хранившимся недоступными до того в архиве Ленина. (Авторы, впрочем, не указали, что «письмо» поступило из Стокгольма через агента «Просперо», ограничившись фразой о его получении «дипломатической почтой»⁶.)

Касааясь возможных мотивов изготовления подлога и его авторства, Амиантов и Степанов предположили, что письмо происходило из среды тех противников Ленина, которые «в целях политической и нравственной дискредитации Ленина не брезговали и фальсификацией документов, приписывая Ленину письма, статьи, никогда не существовавшие в природе»⁷. Столь типичное для того времени официальное объяснение подлога в наши дни, конечно же, не может удовлетворить.

Прежде всего обратим внимание на время изготовления фальсификации. Середина 1921 г., можно сказать, была пиком перехода к новой экономической политике, которая в глазах различных политических сил символизировала отход от ортодоксальных постулатов марксизма в его советском обличье переустройства российского общества. Известно, что позиция Ленина в отношении провозглашенной им новой экономической политики у многих ассоциировалась с отступничеством и кардинальным пересмотром прежних взглядов. «Письмо», по всей видимости, представляло собой не столько попытку «борьбы» с Лениным, сколько попытку реконструкции его умонастроений того времени. Это была попытка весьма наивная, но объективные основания для такой интерпретации взглядов Ленина в реалиях 1921 г. несомненно были. В этом смысле «письмо» хорошо «вписывалось» в эти реалии и играло в пользу тех политических сил, которые проповедовали неортодоксальные марксистские взгляды. Не случайно «письмо» заканчивалось предложением о более тесных контактах с социалистами.

Но возможно и иное объяснение мотива подлога: оппоненты Ленина в самом ВКП(б) таким способом пытались скомпрометировать вождя, призвавшего партию отказаться от уже ставшей привычной для многих политики «военного коммунизма».

Разумеется, трудно определить конкретного автора или авторов «письма». Сам «Преспери», указав на один из признаков подлога — подпись «Ульянов», а не «Ленин», сослался на «германские секретные источники», в которых циркулировал «текст частного письма Ленина». Чичерин, комментируя «письмо», неожиданно заметил: «Не ручаюсь, что осведомитель сам не выдумал». Какие основания были у Чичерина для столь ответственного заявления, сказать трудно.

Глава 2.

«Директивы» Коминтерна о подготовке мировой революции

Несомненно, что в середине 20-х годов наиболее скандальным и заметным комплексом подлогов стали фальсификации, связанные в той или иной степени с деятельностью набравшего силу Коммунистического Интернационала¹. Центральное место в этом комплексе заняло так называемое «письмо Зиновьева», тогдашнего председателя Исполкома Коминтерна, от 15 сентября 1924 г., адресованное ЦК Коммунистической партии Великобритании. Письмо содержало ряд важных рекомендаций Исполкома Коминтерна британской компартии. Во-первых, в нем предлагалось «расшевелить массы британского пролетариата и привести в движение армию безработных пролетариев» с целью давления на парламент страны накануне намечавшегося в нем обсуждения вопроса о ратификации договора между СССР и Великобританией. Во-вторых, письмо в качестве важнейшей программной установки провозглашало курс на вооруженную борьбу с британской буржуазией, «против идеи эволюции и мирного уничтожения капитализма». С этой целью британским коммунистам предлагалось создавать ячейки «во всех войсковых частях, в особенности среди тех, которые расположены в крупных центрах страны, а также на фабриках, изготовляющих оружие, и на военных вещевых складах», организовать военный центр партии из военных специалистов, сочувствующих коммунистическим идеям или придерживающихся социалистических взглядов².

Уже в октябре 1924 года письмо появилось в английских средствах массовой информации, а 24 октября того же года британское Министерство иностранных дел (Форин оффис) направило специальную ноту полномочному представителю СССР в Великобритании Х.Г.Раковскому³. В ней «письмо Зиновьева» трактовалось как «инструкции для британских подданных для насильственного свержения существующего строя в этой стране и разложения вооруженных сил Его Величества». «Всякий, кто знаком с уставом и связями Коммунистического Интернационала, — говорилось в ноте, — несколько не станет сомневаться в его тесной связи и контакте с советским правительством», а потому «письмо Зиновьева» квалифицировалось как прямое вмешательство Советского государства во внутренние дела Великобритании⁴. Это был серьезный политический демарш, грозивший полным разрывом дипломатических отношений и откровенной конфронтацией.

Опасность последствий такой конфронтации для СССР, надевшегося получить в это время британский заем, была настолько очевидной, что ответ Раковского на ноту последовал уже на следующий день. В нем категорически отрицалась подлинность «письма Зиновьева» и приводился ряд серьезных доказательств того, что оно «является работой преступных личностей, недостаточно знакомых с конструкцией Коммунистического Интернационала». Во-первых, сообщал Раковский, в циркулярах и иных документах Коминтерна последний никогда не называет себя «Третьим Коммунистическим Интернационалом», как сказано в «письме», в силу того, что не существовало ни первого Коммунистического, ни второго Коммунистического Интернационалов. Во-вторых, «письмо» подписано Зиновьевым в качестве «председателя Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», тогда как он официально является Председателем Исполкома Коминтерна. Кроме того, по словам Раковского, «все содержание документа с коммунистической точки зрения состоит из ряда нелепостей, имеющих целью просто восстановить британское общественное мнение против Советского Союза и подорвать усилия, которые были приложены обеими странами для установления длительных и дружеских отношений»⁵.

Несмотря на последний, весьма неопределенный и не соответствующий действительности аргумент, два первых обстоятельства серьезно подрывали представления о подлинном характере «письма Зиновьева». Между тем, пока британская общественность шумно обсуждала «письмо Зиновьева» и его возможные последствия, а дипломаты обменивались нотами протеста, лондонским представительством СССР 28 октября было получено адресованное на имя Раковского письмо некоего Синклтона. В нем автор сообщал, что он готов представить 30 фальшивых документов, которые вскоре «будут употреблены, чтобы дискредитировать Россию»⁶.

29 октября Синклтон был принят первым секретарем советского полпредства Битнером. В ходе беседы тот сообщил, что, будучи англичанином, он еще до революции вел разведывательную работу в пользу России, являясь тайным агентом военного атташе российского посольства в Лондоне. Сохраненные им симпатии к России заставили Синклтона предпринять действия, направленные на разоблачение авторов «письма Зиновьева». В результате этого расследования ему удалось установить, что в Лондоне действует организация «Британский Королевский союз», финансируемая неким графом Нортюмберлендским и газетой «Морнинг пост». Этот союз и занимался изготовлением фальшивок. Среди сотрудников названной организации ему были известны некие Реджинальд Вильсон и капитан Томплинс. Синклтон предъявил подлинники и фотокопии фальшивых документов, которые должны были в скором времени использоваться против СССР.

До нас дошли 4 из 30 документов, предъявленных Синклтоном в советское полпредство. Первый из них — «Договор» между Со-

СОВ. ПРАВИТЕЛЬСТВО И КОМИНТЕРН

Рис. Мад

Бухаринъ: — Мы не имѣемъ ничего общаго съ Коминтерномъ. Вотъ видите, онъ тамъ, а я здѣсь, и мы даже отвернулись другъ отъ друга!

Образцы «плакатной войны» с Коминтерном, помещавшиеся в западно-европейских и белоэмигрантских изданиях

LA DIKTATURE DU PROLÉTARIAT.
ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

THE DIKTATORSHIP OF THE PROLETARIAT. - DIE DIKTATUR DES PROLETARIATES.

„LES ARMES" DU III INTERNATIONAL .

„ГЕРБЪ" III ИНТЕРНАЦИОНАЛА .

„THE COAT OF ARMS" OF THE
III INTERNATIONAL .

„DIE WAPPEN" DES III INTERNATIONALES .

СВЯТАЯ РУСЬ

МИРОВОЙ
COM PLOT

ЗАГОВОРЪ
UNIVERSEL

С. С.

С. С.

С. С.

циалистической рабочей партией Великобритании и Социалистическим рабочим пресс-бюро, полномочными представителями которых выступали проживавшие в Глазго некие Томас Митчель и Джон Гендерсон, с одной стороны, и «Исполком Совета русских рабочих и Социалистический рабочий Национал в Гамбурге» — с другой. «Договор» составлен на бланке, увенчанном символическим изображением руки рабочего, держащей молот, и надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», снабжен подписями и печатями представителей Социалистической рабочей партии и Социалистического рабочего пресс-бюро. «Договор» содержал программные обязательства Митчеля и Гендерсона перед Исполкомом Совета русских рабочих и Социалистическим рабочим Националом, а также определял технические вопросы их взаимодействия. Программные цели договора предусматривали обязательства Митчеля и Гендерсона создать по всей Великобритании сеть агитаторов, призванных «вызвать промышленные конфликты и привить рабочим, занятым в основных отраслях промышленности, революционную доктрину и идею экономического контроля над производством», организовать воскресные пролетарские школы для молодежи с целью ее приобщения к революционным идеям и воспитания атеизма, наладить получение «столько, сколько можно, сведений государственной важности: дипломатических, морских, военных, гражданских, политических и иных сведений, которые могут быть чем-нибудь интересны или полезны Революционному исполкому России или Германии». Последние обязались оплачивать услуги своих партнеров, которые время от времени должны были не только представлять письменные отчеты конспиративным путем, но и посещать Россию и Германию для устных докладов.

«Договор» продолжал и конкретизировал программные установки «письма Зиновьева» с той лишь разницей, что теперь проводником политики Коминтерна—СССР выступали уже социалистические организации западных стран, которым фактически отводилась роль разведывательных органов. Однако авторы фальшивки продемонстрировали незнание организационного построения международного рабочего движения. Всего двумя-тремя незначительными, но крайне показательными ошибками они позволили разоблачить подлог. Вполне возможно было предположить существование в Глазго «Британского революционного Исполкома» и «Социалистического рабочего пресс-бюро», от имени которых могли самозванно или вполне легально выступать Митчель и Гендерсон. Однако «Исполкома Совета русских рабочих» и уж тем более «Социалистического рабочего Национала в Гамбурге» ни тогда, ни раньше или позже в природе не существовало.

Три следующих документа продолжали и конкретизировали «Договор», его программное и организационное содержание. Первый из них — написанное на бланке органа Социалистической рабочей партии Великобритании «Социалист» письмо с неразборчивой подписью представителя Исполкома британских рабочих в

Москву на имя А.П.Розенгольца, отправленное из Глазго через Амстердам 19 октября 1923 г. В письме сообщалось, что Исполком через некоего «товарища Б.» получил возможность пользоваться линотипом для переиздания «пропагандистской литературы, ежемесячно посылаемой нам из Москвы». Далее в подтверждение реальности действия «Договора» Москву информировали о том, что Исполком британских рабочих контролирует около ста тысяч рабочих британских угольных шахт. Для дальнейшего расширения его влияния запрашивались 3 тысячи фунтов стерлингов — в том числе на организацию «марксистских школ революционного обучения мальчиков и девочек Англии». Фальшивка точно была все в ту же цель, однако ее авторы допустили вопиющий промах, использовав немыслимое для социалистов и коммунистов и просто безграмотное обращение к Розенгольцу, назвав его «высокородным товарищем».

Следующее письмо той же организации от 16 ноября 1923 г. адресовано в Амстердам С.Я.Рутгерсу (на самом деле Рутгерс). Оно уверяло «Бюро Интернационала» в том, что «удар, который мы готовим теперь против основных отраслей промышленности, заставит трепетать капиталистов и убедит их в том, что дни их сочтены». Здесь вновь подтверждалось получение «ценной помощи» от русских и немецких товарищей, а также «миленького чека» от епископа Брауна из американского штата Огайо, обещавшего, помимо этого, «посильную помощь через своих друзей из Союза индустриальных рабочих мира» в Чикаго. Письмо содержало краткий отчет о деятельности созданных школ: «Мы, — говорилось в нем, — отнимаем сотни мальчиков и девочек из капиталистических церквей, и их воспитание в духе революционного социализма и атеизма продвигается вперед быстрыми шагами...»⁷ Уже сам стиль этого письма — лозунгово-пропагандистский, а не деловой, как ему полагалось быть, — явно оказался рассчитанным на прочтение третьих лиц и должен был напугать прежде всего обывателей. Но подлог просматривался не только в этом. В обращении к Рутгерсу этот революционер-социалист назван вновь немыслимым в среде социалистических деятелей эпитетом «великий (высокородный) товарищ», а в конце письма фальсификатор приветствует его от имени и вовсе фантастического «Британского рабочего индустриального Советского Союза».

Последнее письмо, адресованное из Глазго в Лондон Артуру Гендерсону, от 20 октября 1923 г., должно было и вовсе заставить трепетать обывателей и капиталистов (как и предшествующие, оно было написано на бланке газеты «Социалист» и имело неразборчивую подпись). В нем сообщалось, что через Амстердам из Москвы получено секретное письмо (о его содержании ничего не говорится). Здесь вновь упоминается «специальный транспорт литературы» из Москвы, которая успешно распространяется в Великобритании, и далее говорится о свыше 600 тысячах рабочих, разделяющих идею контроля над промышленностью, 75 тысячах че-

ловек стоящих «наготове», и о возможности объявить в любой момент забастовку от «Глазго до Гринока» и т.д. «Доклад, полученный от тов. Лости из Ковентри, — оптимистично-угрожающе продолжал автор письма, — сообщает, что все как один готовы выступить в последний бой за свободу — как только будет дан сигнал»⁸.

Все четыре фальсифицированных документа были изготовлены в сходной манере: с использованием бланков действительно существовавшей газеты «Социалист», подложных штампелей несуществующих рабочих организаций, неразборчивых подписей авторов (исключая «Договор»), плакатно-агитационного стиля, с упоминанием и указанием действительных и вымышленных лиц и адресов. В комплексе они должны были показать западной общественности, насколько широко и глубоко Коминтерн через рабочие организации осуществляет пропаганду коммунистических идей и организационно укрепляется в рабочей среде. В характере и отчасти масштабах и результатах деятельности Коминтерна фальсификаторы были не так уж и не правы: эта организация мощно воздействовала на международное рабочее движение, используя легальные и нелегальные средства. Однако фальсификаторам в силу строжайшей конспирации, существовавшей в Коминтерне, не были и не могли быть известны конкретные факты, и они решили их домыслить или просто выдумать.

Предъявленные Синклтоном документы с соответствующим объяснением раскрывали предысторию появления «письма Зиновьева» и становились серьезным аргументом в пользу его разоблачения как фальшивки. Однако дальнейшие события развернулись несколько неожиданно. Во время второй встречи с представителем советского полпредства Синклтон оставил «конфиденциальное» заявление. В нем он сообщал, что готов собрать данные под присягой свидетельства в «Англии, Париже, Амстердаме» о деятельности «Британского имперского общества» (так! — В.К.) и других организаций, занимающихся дискредитацией Советского Союза, в том числе с помощью публикации фальшивых документов. Синклтон заявил, что готов представить все уже имеющиеся в его распоряжении материалы на этот счет при условии последующего денежного вознаграждения, часть которого должна быть выплачена предварительно для финансирования его разведывательных миссий в Глазго, Париж и Амстердам.

Уже 3 ноября Раковский проинформировал премьер-министра Англии о контактах представителя советского полпредства с Синклтоном (он не был назван по имени в письме Раковского) и приложил к своему письму копии полученных от него документов, включая и заявление, подтверждающее, по словам Раковского, что «лица, ставящие себе целью создать конфликт между СССР и Великобританией, занимаются публикацией подложных документов»⁹. Ответа не последовало, Синклтон же с тех пор бесследно исчез.

Между тем дискуссия вокруг «письма Зиновьева» продолжалась как на официальном, так и на неофициальном уровнях. В ответной ноте советского правительства на ноту Дж.Грегори решительно заявлялось «о неотвеченности» СССР за деятельность Коминтерна, но в то же время подчеркивался фальсифицированный характер «письма Зиновьева», приложенного к официальному документу правительства Великобритании. «Для устранения всяких сомнений в подложном характере упомянутого документа и имея также в виду серьезные последствия, которые подделка могла бы иметь для обеих стран, советское правительство настойчиво и категорически предлагает передать установление того факта, что так называемое письмо Коминтерна от 15 сентября является подделкой, беспристрастному третьейскому суду», — говорилось в ноте¹⁰.

Одновременно с этой акцией советского правительства ряд шагов предпринял и Коминтерн. Прежде всего сам «автор» письма — Зиновьев — дал пространное интервью представителям средств массовой информации. Отметив в нем несуразности, приведенные нами выше, а также указав на то, что 15 сентября 1924 г. он находился на лечении в Кисловодске и, следовательно, никак официальных писем подписывать не мог, Зиновьев далее подробно останавливается на содержании документа (интервью подписано 27 октября)¹¹.

Касаясь рекомендации «письма» о создании военной секции в британской компартии, Зиновьев назвал это «сплошным вздором» и далее в высшей степени откровенно заявил: «Никакой военной секции в британской компартии пока не существует. Привлечение "талантливых военных специалистов" британская компартия, конечно, вполне еще может отложить». Далее, останавливаясь на рекомендации «письма» готовить «будущих руководителей британской красной армии», Зиновьев продолжал в том же духе: «Всякий понимает, что британским коммунистам приходится теперь заботиться о делах, гораздо более неотложных, чем создание "британской красной армии". Британская компартия, опираясь на "движение меньшинства" в профсоюзах, работает над тем, чтобы взгляды Коммунистического Интернационала путем пропаганды довести до массы рядовых английских рабочих. Нет никакого сомнения в том, что британская компартия делает это великое дело со все большим успехом»¹².

В своем интервью Зиновьев публикацию «письма» рассматривал как провокацию накануне выборов вождей либерально-консервативного блока Великобритании с целью вызвать замешательство среди избирателей, сочувствующих англо-советскому договору. «Заметьте, — говорил он, — как выбраны были сроки. "Разоблачение" мнимого письма ИККИ сделано было с таким расчетом, чтобы наш ответ не мог уже успеть вовремя, так как до выборов в Англии остается всего пара дней»¹³. Любопытно, что за день до появления Синклтона в советском полпредстве в Лондоне Зиновьев выдвигает иную версию происхождения подлога. «Сегодня, —

говорил он, — нами получены сведения из довольно надежных источников относительно того, что подделка письма произошла в польских кругах. По-видимому, в Польше орудует постоянная группа предприимчивых дельцов (стоящих, вероятно, довольно близко к польской контрразведке), которая снабжает подобными "документами" те иностранные правительства, которые почему-либо в таких документах нуждаются»¹⁴.

Зиновьев обещал в интервью обратиться от лица Коминтерна в Генеральный совет английских профсоюзов с просьбой назначить комиссию для проверки подлинности «письма». 17 ноября 1924 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение «предложить т. Раковскому настаивать на нашем требовании третейского суда», а 18 декабря того же года поручило подготовить ноту английскому правительству о том, что «лицу, доставившему письмо Зиновьева, гарантируется безопасность и безнаказанность» в случае, если оно легализует себя¹⁵. Параллельно от имени Исполкома Коминтерна английским профсоюзам было направлено предложение «расследовать вопрос о подлинности мнимого документа».

Самое любопытное в интервью Зиновьева — то, что, отрицая подлинность «письма» и отмечая, что грубость подлога обнаруживается прежде всего из его содержания, он в отношении этого содержания фактически подтвердил программные установки Коминтерна, содержащиеся в «письме», а о некоторых говорил как о еще несвоевременных. В этом смысле весьма многозначительно и даже зловеще звучали его слова о привлечении в компартию ученых, специалистов, которое «вполне еще» может быть отложено, или «о гораздо более неотложных» в настоящее время, чем создание британской красной армии, делах по пропаганде идей коммунизма.

Видимо, это последнее обстоятельство заставило министра иностранных дел Великобритании Остина Чемберлена в своей ноте Раковскому настаивать на подлинности «письма Зиновьева». Констатировав аргументы Раковского в пользу фальсифицированного характера документа, Чемберлен далее писал: «Правительство Его Величества не может принять этих утверждений, которые опровергаются ссылкой на официальные издания и ежедневную прессу Союза». По его мнению, об этом же свидетельствует и интервью самого Зиновьева, а также иные «сведения», находящиеся в распоряжении правительства Великобритании¹⁶.

«Письмо Зиновьева», или, как его стали называть, «красное письмо», почти тотчас после опубликования стало предметом общественного внимания. В течение октября—декабря его подлинность, обстоятельства опубликования, политические последствия во внутривнутриполитической борьбе Великобритании и международный резонанс не раз дебатировались в парламенте Великобритании. Р.Макдональд, лидер лейбористской партии, проигравшей на выборах, в своей речи в парламенте 9 октября прямо обвинил консерваторов в использовании «письма» для достижения своих политических целей — «для создания паники в сознании старых дев»,

потребовав продолжения расследования обстоятельств его появления. В ответ на это представитель консервативной партии генерал Г.Крофт заявил, что нет никакого смысла продолжать такое расследование, поскольку «красное письмо» выглядит очень безобидным на фоне официального заявления Зиновьева о планах и действиях Коминтерна. Тратить время и средства на такое расследование, продолжал Крофт, имеет смысл только в том случае, если «письмо сможет доказать, что в Зиновьеве произошла перемена и что он действительно стал более скромным революционером по сравнению с тем, каким он был»¹⁷. С ним решительно не согласился член парламента от лейбористской партии М.Джонс, поддерживавший идею продолжения расследования. В дискуссию был вынужден вмешаться новый премьер-министр С.Болдуин, который заявил, что созданный правительством специальный подкомитет уже рассмотрел всю совокупность имеющихся фактов и пришел к выводу, что не может быть сомнений «в аутентичности» письма¹⁸. Однако привести в подтверждение этого заявления какие-либо доказательства он отказался, ссылаясь на их агентурный характер.

Объяснение Болдуина не удовлетворило многих членов парламента. Если письмо подлинное, заявил полковник К.Кенворти, то почему не возбуждается судебное дело против А.Мак-Мануса, британского подданного, чья подпись также стоит под письмом? Для нейтрализации подобного заявления министр внутренних дел консерватор Д.Хикс был вынужден сообщить фамилии членов подкомитета, проводивших изучение письма, пытаясь авторитетом этих лиц закрыть вопрос о представлении фактических данных, в том числе полученных агентурным путем. На последовавшие и после этого требования предоставления доказательств Хикс категорически заявил: «За нашей ответственностью как кабинета, мы находим, что письмо подлинное. Таким оно и является в действительности. Уважаемые члены должны выбрать — верят ли они словам Зиновьева или утверждению комитета британского кабинета». На реплику о заключении комиссии британских профсоюзов он вновь повторил: «Я указал, между чем надо выбирать. Уважаемому депутату представлена свобода верить в то, что ему нравится. Стране предоставлена свобода верить в то, что ей нравится, и, я думаю, она будет верить тому, чему верю я»¹⁹.

В середине декабря ситуация с письмом вновь накалилась, причем в значительной степени в связи с обострением политической борьбы в самом британском парламенте. 15 декабря со специальной речью по этому вопросу здесь вновь выступил О.Чемберлен. По мнению Чемберлена, прежнее правительство «до выхода в отставку произвело расследование, и до самого последнего момента эта комиссия не могла прийти к заключению — настоящее ли это письмо или нет». Новое расследование, по заявлению Чемберлена, позволило установить «весь пройденный письмом путь, от начала до конца», и убедило членов подкомитета в его подлинности. Касаясь подписи Мак-Мануса, Чемберлен заметил: «Это совер-

шенно несущественно, была ли подпись Мак-Мануса действительна или нет. Я знаю, что он находился в то время в Москве. Я также знаю, что и Зиновьев был в то время в Москве, хотя он это и отрицает. Мак-Манус нам сказал: "Разве мог Зиновьев мне писать письмо, когда я находился все время у него под рукой в Москве?" Вы видите, что Зиновьев находился в это время в Москве, а не на Кавказе, и Мак-Манус — свидетель, который это подтверждает». Далее, касаясь аргумента Зиновьева о том, что Коминтерн никогда не назывался «III Коммунистическим Интернационалом», Чемберлен указал на два номера газеты «Известия», вышедшие в свет за несколько дней до и после обозначенной в «красном письме» даты, в которых именно так назывался Коминтерн. «Я отказываюсь от дальнейшего обсуждения этого вопроса и заявляю, что документ настоящий», — сказал Чемберлен в заключение своей речи. В ходе дальнейшего обсуждения вопроса Чемберлен твердо придерживался заявленной позиции²⁰.

Тем временем продолжался обмен нотами на официальном уровне. 28 ноября Раковский нотой напомнил правительству Великобритании о том, что специально назначенная правительством комиссия 4 ноября заявила об отсутствии в ее распоряжении подлинника «красного письма». «Означенное заявление авторитетной комиссии, — констатировал Раковский, — лишает всякой почвы обвинение, выдвинутое господином Грегори против советского правительства в разгаре избирательной кампании, и мое правительство склонно было рассматривать это заявление как фактический отказ от обвинения». Оно нашло дополнительное подтверждение в заключении комиссии английских профсоюзов. Раковский вновь настаивал на создании независимой комиссии, организации «третьего суда» по вопросу о подлинности «письма Зиновьева». «Великобританскому правительству, — заявлял он, — должно быть ясно, что отказ от третьего суда не может не рассматриваться общественным мнением всех стран как доказанная невозможность для великобританского правительства подтвердить и доказать выдвинутое им во время избирательной кампании обвинение»²¹. 21 декабря, откликаясь на слушания по поводу письма в британском парламенте и заявление Хикса о том, что доказательства подлинности «письма» не могут быть представлены по причине безопасности лица, предоставившего британскому правительству этот документ, Раковский от имени советского правительства заявил, что «в интересах правды» оно гарантирует «беспрепятственный выезд из пределов Союза Советов вышеупомянутому лицу»²². В ответной ноте 25 декабря Чемберлен сухо констатировал, что «Правительство Его Величества не имеет добавить к ноте, посланной Вам 21-го ноября, в которой полностью это дело было разобрано». 2 января 1925 г. в очередной ноте Раковский заявил: «Британское правительство, отказавшись принять сделанное правительством Советов предложение о представлении на арбитраж вопроса о происхождении подложного письма Зиновьева, тем самым подтверждает

свою невозможность доказать сделанное им в связи с этим письмом обвинение. Ввиду вышеизложенного, правительство Советов считает переписку по данному предмету законченной»²³.

В нашем распоряжении имеются три документа, характеризующие работу делегации английских тред-юнионов в Москве по установлению подлинности «письма Зиновьева». Первый документ — телеграмма делегации в газету «Дейли Геральд» и Генеральному совету тред-юнионов. «Получив доступ к архивам и всем документам, имевшим отношение к периоду времени, к которому относится дело о письме Зиновьева, — говорилось в ней, — делегация разобрала бумаги, которые были за это время разосланы». По мнению делегации, ознакомление со всеми документами Секретариата Зиновьева, исходившими до и после даты «письма», свидетельствует о том, что такого документа не существовало. Никаких данных о существовании документа не имеется и в делах, относящихся к деятельности британской компартии. «Письмо Зиновьева», делался вывод членами делегации, «есть подлог, а британский МИД и британская пресса пользовались фальшивым документом для нападок на иностранную державу и для нанесения ущерба британской рабочей партии»²⁴.

В более подробном отчете делегации подтверждался этот вывод, причем здесь раскрывались детали проведенного расследования. Из него следует, что делегация, в составе которой находились лица, знающие основные рабочие языки Коминтерна — русский и немецкий, ознакомилась с регистрацией исходящей корреспонденции, перепиской с британской компартией, протоколами Исполкома Коминтерна, порядком ведения делопроизводства в нем, встречалась с сотрудниками его аппарата и однозначно пришла к убеждению, что «письмо Зиновьева» является грубой фальшивкой. Здесь же утверждалось, что делегации удалось обнаружить «возможный источник, которым пользовались авторы подлога» (он не указан)²⁵.

В мае 1925 г. Генеральный совет британских профсоюзов сделал специальное заявление в связи с докладом своей делегации о пребывании в Москве. В нем констатировалось, что «делегация профсоюзов в Москве полностью расследовала вопрос об аутентичности так называемого «красного письма» в той мере, как это зависело от России». Упорное молчание британского правительства на предложение официального расследования обстоятельств его появления британские профсоюзы рассматривали как косвенное подтверждение политического заговора против компартии Великобритании²⁶.

Таким образом, эпопея с «красным письмом» Коминтерна закончилась, как и начиналась, ответственными политическими декларациями. Можно твердо заключить, что в том виде, в каком «письмо» было опубликовано и приложено к официальной ноте МИД Великобритании, его в природе действительно не существовало.

Имеется значительная литература, посвященная выяснению автора (или авторов) фальсификации, а также способам ее легализации. Совсем недавно она была проанализирована с привлечением части рассекреченных архивных материалов британского происхождения Джил Беннет в ее книге «Наиболее экстраординарное и мистифицированное дело. Письмо Зиновьева 1924 г.» Прodelав большую и кропотливую работу, автор в конце концов была вынуждена признать: «Ранее уже достаточно было сказано того, чтобы определить, что, хотя нам недоступны никакие неопровержимые доказательства, весьма невероятно, что письмо было написано самим Зиновьевым, и, что гораздо более вероятно, что оно было подделано лицом или лицами, которые были хорошо знакомы с механизмом Советского правительства и в особенности Коминтерна; которые хорошо знали международное разведывательное сообщество, что позволило им переправить письмо как подлинник и убедительно заверить его подлинность путем помещения его в регулярный канал информации; и которые были уверены, что в Британии имелись заинтересованные группы, которые могли использовать подделку в дальнейшем, преследуя собственные интересы в причинении вреда лейбористскому правительству и препятствовании ратификации англо-советского договора».

Признавая, что «история (с «письмом Зиновьева». — В.К.) остается незавершенной»²⁷, Джил Беннет тем не менее решительно отрицает какую-либо причастность консервативной партии Великобритании и британской Секретной службы к его фальсификации с целью дискредитации лейбористского правительства, Коминтерна и большевиков. В частности, на основе рассекреченных документов она показала, что Секретная служба после получения английского перевода с копии письма пыталась неоднократно через своих агентов найти подтверждение его достоверности.

Осторожно скажем, что причастность спецслужб к этому делу не невероятно, равно как очевидны мотивы ее изготовления и выбор времени введения в общественный оборот. Подлог сыграл свою политическую роль накануне выборов в британский парламент, а после этого в течение нескольких месяцев сам факт его легализации, внутривполитические и международные последствия служили поводом для политической борьбы в британском обществе. Разумеется, само содержание «письма» отражало реальные, если не тактические, то стратегические, планы Коминтерна, о чем фактически не раз заявлял Зиновьев. Деятели Коминтерна и советское правительство в этом смысле оказались в сложном положении. Признать эти планы официально они не могли, как не могли категорически отвергнуть концептуальные устремления Коминтерна, боясь осложнений в той части международного рабочего движения, на руководство которой претендовали. Оставалось поэтому отрицать сам факт существования «письма», но не его идеи, и тем самым уводить мировое общественное мнение от того главного, чем было обеспокоено правительство Великобритании.

Но и последнее оказалось в двусмысленном положении, используя откровенную фальшивку в межгосударственных отношениях. Ситуация оказалась патовой для всех сторон, и вздох облегчения по прошествии полугода должен был стать утешением искусственно созданного, но объективно неизбежного политического конфликта. Само же «красное письмо» в наши дни является одним из интересных исторических источников, характеризующих атмосферу, идеологию и политические устремления, а заодно и средства борьбы двух разнополюсных мировых общественных систем.

«Письмо Зиновьева» и «открытия» Синклтона стали самыми громкими скандальными документами середины 20-х годов. Но они оказались не единственными. В апреле 1925 г. болгарские газеты поместили тексты и фотокопии, по крайней мере, трех документов, приписанных Коминтерну, которые затем были перепечатаны большинством ведущих газет Западной Европы. Все они выполнены на бланках Коминтерна на русском языке, снабжены подписями, резолюциями, штампами контроля исполнения, исходящими и входящими номерами, датами.

Один из них, датированный 12 марта 1925 г., за номером 2960 представлял собой директиву «Центральной секции Отдела внешних сношений» ИККИ за подписью генерального секретаря отдела А.Дорота. В ней сообщалось, что «балканская коммунистическая федерация» утвердила постановление о приведении в исполнение приговора над Русиновым и Гаржичем и поручает его исполнение работникам «оперативно-террористического отдела» Мотько и Кашемирову. Кроме того, директива объявляла мобилизованными с 15 апреля всех работников «контроля балканского центра», определяла порядок получения оружия, пользования шифровальной связью и в заключение предупреждала о том, что «малейшее нарушение боевых приказов наказывается смертью на месте»²⁸. Фальсификаторы, пытаясь придать большую достоверность своему изданию, допустили несколько непростительных промахов. Изображения серпа и молота никогда не было в символике Коминтерна. Как международная организация, Коминтерн принципиально не мог иметь «Отдела внешних сношений».

Не менее показательным оказался и второй документ — от 22 апреля 1925 г., подписанный «Генеральным секретарем Коминтерна» Р.Стюартом и адресованный «начальнику Балканского оперативного центра», а также «заграничным делегациям РКП(б)» в Варшаве, Праге, Берлине, Вене, Бухаресте, Константинополе и Афинах. В нем сообщалось, что Исполком Коминтерна поручил Георгию Димитрову «руководительство всеми внешними и внутренними боевыми операциями как военного, так и политического характера» в Болгарии, а М.Красовского назначил начальником штаба Балканского общеперативного центра. Далее подтверждалась программа и тактика действий Балканского оперативного центра, изложенная в ряде предшествующих инструкций Коминтерна с указанием их дат и исходящих номеров. Подчеркивалась

главная стратегическая цель работы Балканского оперативного центра — «в отношении руководства общеполитическим положением добиваться, путем углубления революционных действий повстанческих групп, таковых результатов, которыми являлось бы неизбежное падение Цанковского кабинета и создавалась бы в отношении нового кабинета, если не будет сменен немедленно Революционным правительством, ситуация неизбежной политической амнистии, которую следует немедленно же учесть, как наиболее могущественное пополнение наших активных кадров». Кроме того, здесь же сообщалось об организации повстанческих отрядов и о подготовке «общесогласованного румынско-польско-чехословацкого и общебалканского выступления комфронта Юж[ной] Европы, намеченного к периоду окончания сбора хлебов текущего года»²⁹. Письмо было написано на бланке, в правом верхнем углу которого помещен герб в виде пятиконечной звезды, обрамленной колосьями и частью зубчатого колеса, имело делопроизводственную помету, штампы, указание на номер экземпляра и оригинальную подпись. Иначе говоря, все эти аксессуары, в отличие от оформления «письма Зиновьева» и других сопровождавших его подделок, были призваны создать у читателей впечатление того, что перед ними некий оригинал — третий экземпляр директивы, направленной Коминтерном.

Однако авторы фальшивки и здесь допустили ряд промахов. Стремясь подчеркнуть связь Коминтерна с деятельностью ВКП(б) и советского правительства, они в качестве одного из реквизитов фальшивой директивы указали нахождение Коминтерна в Кремле, тогда как в то время он размещался на углу Воздвиженки и Моховой. Названные в директиве «заграничные делегации РКП(б)» не существовали в природе: они были перепутаны, очевидно, с ячейками РКП(б), существовавшими в советских учреждениях за рубежом. Равным образом фальсификаторы допустили промах, назвав центральные комитеты коммунистических партий центральными исполнительными комитетами, а также обозвав действительно существовавшую Балканскую коммунистическую федерацию Балканским оперативным центром. Неверно они воспроизвели и бланк Исполкома Коминтерна, поместив на нем герб, никогда не существовавший у этой организации. В его основу был положен официальный герб Моссовета с внесением в него ряда изменений: удалены буквы «Р.С.Ф.С.Р.» сверху и текст «Московский Совет Раб., Солд. и Кр. Деп.» внизу, вместо которого поставлены три звездочки. Фантастической оказалась и подпись под директивой: уже с июля 1924 г. Исполком Коминтерна не имел Генерального секретаря, и, кроме того, никакой Стюарт никогда не занимал этой должности.

В распоряжении авторов книги «Антисоветские подлоги» оказалось еще несколько «документов», связанных с деятельностью Коминтерна на Балканах³⁰. Основное их содержание касалось организации в регионе коммунистического движения, подготовки

вооруженных выступлений против правительств балканских государств, в том числе в Болгарии. Разумеется, представленные в них планы и действия Коминтерна были, как в случае с «письмом Зиновьева», недалеко от действительных, однако самих по себе опубликованных документов в природе не существовало.

Комплекс фальсифицированных документов, связанных с деятельностью Коминтерна на Балканах, представлял собой существенный шаг вперед в деле освоения технологий подлогов по сравнению с комплексом документов, относящихся к «письму Зиновьева». Напомним, что тогда в прессе фигурировали лишь тексты документов. При изготовлении «балканских подлогов» фальсификаторы уже учли обстоятельства дискуссий вокруг «красного письма» и, в частности, требование предъявления оригиналов. Теперь читателям предлагался не только «текст», но и фотокопии «оригиналов», изготовленных на фальсифицированных бланках. В фальсификации этих бланков авторы использовали незамысловатые, но могущие произвести впечатление на неискушенного читателя приемы. Сами бланки изготавливались типографским способом с использованием элементов эмблематики, существовавшей в Советском Союзе или в Коминтерне. Далее, стремясь придать впечатление подлинности своим подлогам, фальсификаторы привлекли делопроизводственные штампы типа «Контроль», «Копия», «С подлинным верно», «Циркулярное», «К сведению», «К исполнению» и т.д. Наконец, они же фальсифицировали рукописные резолюции-пометы и даже подписи.

Характер приемов подделки «балканских документов» оказался хотя и шагом вперед в деле освоения техники подлогов, но достаточно однообразным, выдавая одну и ту же фабрику фальсификаций. Авторы книги «Антисоветские подлоги» связывали их изготовление с представителями российской эмиграции, обосновавшимися в Берлине. Именно у одного из них при аресте был обнаружен чистый экземпляр фальшивого бланка, на котором был изготовлен «наказ» Коминтерна за подписью Стюарта. Это был бывший русский летчик Дружеловский, работавший в контакте с польской разведкой и тесно связанный через другого русского эмигранта — А.Ф.Гуманского, бывшего русского контрразведчика, с рядом российских эмигрантских организаций — Кирилловским центром, «Братством Святого Георгия», «Святогором», а также частным разведывательным бюро, организованным в Берлине бывшим подпоручиком русской армии Г.И.Зивертом³¹.

Именно группа Дружеловского—Гуманского наладила масштабную фабрикацию поддельных документов Коминтерна и советского правительства. Ее «почерк» легко прослеживается в содержании и технике изготовления подлогов. Два из них касались Польши.

Первый был озаглавлен как «Секретная инструкция ИККИ» за номером Б11516, датирован 16 апреля 1925 г. и адресован «полпредству Коминтерна в Польше», а также «заграничным делегаци-

ям РКП(б)» в Париже, Берлине, Вене, Праге и Риге. В ней «Польская Коммунистическая Секция при Исполкоме Коминтерна» доводила до сведения «ЦИКа» польской компартии и «Президиума III Съезда» о разрешительном решении Коминтерна на активные выступления 3 мая в ходе торжеств по поводу польской конституции. В ходе таких выступлений, указывалось в «инструкции», присутствующие на торжествах представители европейских государств должны убедиться «с одной стороны, в неправомерности положения восточных границ Польши, согласно волеизъявлению народностей самой Польши, и в тяготении общих симпатий польских народных масс к Союзу ССР». С другой стороны, говорилось здесь, организованное выступление польской компартии отвлечет внимание европейских правительств от «борьбы наших балканских сотоварищей». И, наконец, в-третьих, признавалось, что «индивидуально-террористические акты», намеченные польской компартией на это время, «являются достойной наградой» польскому правительству за его политику в отношении Западной Украины. Далее инструкция содержала рекомендации относительно максимальной конспирации оргмероприятий польской компартии и заканчивалась революционными лозунгами: «Долой бандитское правительство Польши! Да здравствует Польская компартия! Долой белый террор! Да здравствует революционное правительство!» По постановлению Исполкома Коминтерна, как сказано здесь, за Генерального секретаря Коминтерна документ подписал «товарищ Председателя Польской секции при Исполкоме Коминтерна» Дорот³².

«Инструкция» выполнена в той же манере, что и «балканские» подлоги. Она написана на машинке с тем же шрифтом, содержала не совсем удачное изображение герба СССР, имела гриф «Совершенно секретно», номер экземпляра, штамп входящего регистрационного номера, штамп контроля, исходящий номер, указание на место дислокации Коминтерна («Москва—Кремль»), резолюцию о мероприятиях по исполнению с неясной подписью на русском (!) языке. Фальсификатор повторил в своем изделии фактически те же самые типичные ошибки, которые мы наблюдали и в «балканских» подлогах. Коминтерн не пользовался в своей символике изображением герба СССР, помещался не в Кремле, а, как уже говорилось, на углу Воздвиженки и Моховой, не имел полпредств за границей, ВКП(б) имела не «делегации», а первичные ячейки в зарубежных советских организациях, зарубежные компартии не имели ЦИКов, а имели ЦК и т.д. Наивно звучали в официальном документе и лозунги.

В абсолютно сходной манере был изготовлен и второй подложный документ, касающийся деятельности Коминтерна в Польше, — «Секретная инструкция ИККИ номер Б985 по отделу общего Контроля», датированная 14 апреля 1925 г. и дополненная для важности еще одним исходящим номером — 2960/П. «С получением настоящего, — говорилось в ней в адрес «президиумов» заграничных делегаций РКП(б) в Париже, Берлине, Вене, Праге,

Риге, — предлагаем Вам передать все имеющиеся в Вашем распоряжении нити секретного контроля в распоряжение ЦИКов польской коммунистической партии с точным разграничением лиц, могущих принять участие в активной работе в случае надобности, а также пассивного элемента». Далее следовал перечень вопросов, касающихся представления данных о количестве лиц, которые могли вести активную или пассивную партийную работу в различных сферах. «Инструкция» вновь подписана «Генеральным секретарем Коминтерна» Доротом, снабжена гербом, в основе которого находился герб СССР, грифом «Совершенно секретно», штампом входящего регистрационного номера «Отдела общей информации», рукописной резолюцией³³.

Очевидно, нет смысла останавливаться на каждом из других известных подлогов, приведенных в книге «Антисоветские подлоги». Однако будет интересно предложить статистику с вытекающей из нее типологией фальсификаций. Всего известно 20 подложных документов. По видовому составу подавляющая часть (11) представляет собой письма, в том числе 1 черновик, или отпуск. Далее следуют: инструкции (3), указы (2), удостоверение, служебная записка, циркуляр, договор (по 1). Подавляющая часть этих материалов (16) изготовлена на фальсифицированных бланках, три документа существовали в качестве устной версии или были опубликованы как простой текст, и один изготовлен не на бланке, но с печатью. Статистика авторства этих документов выглядит следующим образом: 10 — Исполком Коминтерна, 4 — компартия Великобритании, 2 — ОГПУ, по одному — полпредство и торгпредство СССР за рубежом, НКВД, ВСНХ, «Агитодел РКП». Подавляющая часть документов (16) написана на русском языке, 4 — на английском и по одному — на французском и немецком.

Показателен набор реквизитов фальсификаций. 15 документов снабжены угловыми штампами, гербом или иной символикой, например, серпом и молотом, 14 имеют грифы секретности, 17 — подписи-автографы (читаемые и непрочитывающиеся), 16 снабжены исходящими номерами, 6 — штампами регистрационных входящих номеров, 7 — резолюциями-автографами исполнителей, 2 — печатями и 1 — штампом контроля исполнения. Большая часть документов представляет собой машинопись³⁴.

Таким образом, мы обнаруживаем либо особую склонность, либо отсутствие достаточной фантазии фальсификаторов в отношении изобретения жанров подлогов. Это, как правило, письма или инструкции, причем первые очень близки по стилю и характеру подачи информации именно к директивным материалам. В этом отразился замысел фальсификаторов: всемерно подчеркнуть руководящее воздействие авторов документов на адресатов. Фальсификаторы стремились учитывать общественную реакцию в отношении подлинности или подложности того или иного документа. Весьма показательны, что устные версии подлогов или их тексты

постепенно сменились исключительно «бланковыми» вариантами³⁵, что, по мнению фальсификаторов, должно было являться важным доказательством подлинности их изделий. При изготовлении бланков и вообще формуляров документов главную роль они отводили различного рода символике, подписям-автографам, грифам секретности, регистрационным номерам и резолюциям. Однако в части «реквизитов» фальсификаторы оказались явно не на высоте, допуская грубейшие ошибки в изображении символики, названиях учреждений или их структурных подразделений. Впрочем, для неискушенного читателя точность содержательной части символики и «реквизитов» вряд ли имела сколько-нибудь существенное значение: чисто зрительное воздействие внешних признаков документов играло решающую роль.

Тот факт, что подавляющая часть документов изготовлена на русском языке, причем без каких-либо существенных языковых погрешностей, прямо указывает, что авторами большинства фальсификаций являлись люди, для которых этот язык был родным.

Общий побудительный мотив подлогов, связанных с деятельностью Коминтерна, был очевиден уже в момент их обнародования: политически скомпрометировать эту организацию, а через нее и коммунистические партии соответствующих стран. Однако, это была не простая компрометация. Фальсификаторы, располагая определенными сведениями о деятельности Коминтерна, пытались реконструировать и легализовать программные, тактические и организационные устремления Коминтерна. И в своих попытках сделать это они оказались не так уж и далеки от истины в характеристике подлинного облика и планов этой организации. Ложь во многом оказалась пророческой, хотя от этого она не перестала быть ложью. Тем не менее она сыграла свою политико-идеологическую роль; не случайно, например, вдумчивый, трезво мыслящий русский белоэмигрант фон Лампе аккуратно собирал все газетные вырезки, связанные с этими фальшивками.

Глава 3.

Литературное изнасилование А.А.Вырубовой

Не так легко найти на протяжении всего XX столетия подделку русского письменного исторического источника, столь значительную по объему и со столь масштабным использованием подлинных исторических источников, как «Дневник» А.А.Вырубовой, фрейлины последней российской императрицы Александры Федоровны. Не менее знаменательно и то обстоятельство, что, разоблаченный как откровенный подлог почти сразу же после опубликования, «дневник» тем не менее имел пусть кратковременный, но шумный успех.

Невозможно пересказать содержание этого документа. В нем каждая фраза — фиксация исторически значимых событий конца XIX — первых полутора десятилетий XX столетия. «Дневник» буквально напишкан историческим материалом. Последний российский царь, царица, наследник престола царевич Алексей, Г.Е.Распутин, министры, послы иностранных государств, промышленники, финансисты, члены Государственной думы и другие знаменитости мелькают едва ли не в каждой строчке этого документа. Проблемы большой политики, связанные с судьбами государств и народов, чередуются здесь с рассказами о придворных интригах, с сальными подробностями интимной жизни представителей великосветского общества, с пересказом сплетен, слухов, с цитатами из многочисленных документов, в том числе личного характера. «Дневник» поначалу кажется очень эмоциональным документом, чему в немалой степени способствуют записи прямой речи, диалогов исторических лиц, многоточия, вопросительные, восклицательные знаки, междометия и проч. Здесь в изобилии представлены жалкие, рвущиеся к государственному пирогу лица, описаны скандалы, даны впечатляющие образы мятущегося царя, мрачно пророчащего его бесславный конец Г.Е.Распутина, стремящейся выполнить до конца свои царские обязанности Александры Федоровны. Подробности политической жизни, бытовые детали буквально завораживают, хотя на каком-то этапе знакомства с документом возникает впечатление однообразия, а затем и скука.

И все же за внешней хаотичностью событий и бессистемностью перемешанных дневниковых записей с трудом, но прослеживается некая цельность. Ходынка, революция 1905 г., деятельность Государственной думы, Первая мировая война, наплыв революционных событий — таков основной сюжетный остов «дневника», на фоне которого решается судьба российской императорской династии.

тии. Именно последнее, конечно, — главный предмет «дневника» Вырубовой.

Легко представить, с каким жадным вниманием с ее записками знакомились российские и зарубежные читатели, когда сразу же после десятилетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. журнал «Минувшие дни», только что созданный в Петербурге, начал публикацию «дневника»¹.

Из предисловия О.Брошниковской и З.Давыдова к этой публикации, а также приведенных здесь же выдержек из писем Вырубовой читатели могли получить представление о замысле ведения «дневника», его характерных особенностях и запутанной, даже в некотором смысле трагической, судьбе рукописи. История создания «дневника» здесь представлена следующим образом.

На протяжении почти двух десятков лет Вырубова ведет летопись своей жизни, куда «добросовестно заносит все, что проходит перед ее глазами, как на экране кинематографа, все, что видит она со своего исключительного места, на которое ее "поставил Бог"². Осознавая ценность своих записок, Вырубова делала все возможное, чтобы обеспечить их сохранность, тем более что сразу же после Февральской революции во время обыска одна тетрадь была у нее изъята и предъявлена ей же Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства на допросе 6 мая 1917 г. Страх за сохранность «дневника» с тех пор постоянно стал сопровождать Вырубову, наряду с опасением и за свою дальнейшую судьбу. «Ценности в худшем случае могут отобрать — так и Бог с ними.., — писала она своей подруге Л.В.Головиной 18 мая 1917 г. — Я на это смотрю без страха. Гораздо больше меня занимает вопрос о моих дневниках, это прямо сводит меня с ума»³.

Этот страх заставил Вырубову позаботиться об изготовлении копии. Первоначально предполагалось копировать и одновременно переводить текст на французский язык. За работу взялась близкая к Вырубовой М.В.Гагаринская. Однако она плохо знала французский язык, оставляя в переводе копии куски русского текста. Вырубова нервничала, торопила, но в конце концов отказалась от первоначального замысла и предложила Гагаринской просто скопировать рукопись. «И стоит только бросить взгляд, — писали издатели «дневника» в предисловии, — на эти 25 разнокалиберных тетрадок, исписанных двумя почерками (частью карандашом, частью плохими чернилами 1918—1919 гг.), чтобы понять, в какой обстановке и в какое время производилась эта работа. Текст восьми из этих тетрадок, писанный одним и тем же почерком (М.В.Гагаринской), является французским переводом русского оригинала; текст остальных — копией с него»⁴.

Дальнейшая работа по переписке рукописи на русский язык проходила с привлечением Л.В. и В.Н.Головиных, также близких к Вырубовой. Они переписали всего семнадцать тетрадей.

26 августа 1917 г. Вырубова попыталась выехать из России, но была арестована в Гельсингфорсе и возвращена в Петербург с ма-

терью, сестрой милосердия и лакеем Берчиком, прослужившим в семье свыше 45 лет. Как предположили издатели «дневника», Вырубова, очевидно, в этот момент не имела возможности проследить за его копированием. Поэтому записи в копии оказались расположены не по хронологии, были перепутаны, переписаны с пропусками. Но именно эта копия спасла для истории бесхитростную фиксацию в «дневнике» событий российской истории. Копия хранилась у Берчика до того момента, когда сестра горничной Вырубовой решила унести подлинник, хранившийся у Головиной, в кринке из-под молока. По дороге ей встретились милиционеры. Опасаясь обыска, горничная бросила кринку вместе с «дневником» в прорубь, утопив подлинник бесценного исторического источника.

Далее, согласно версии авторов предисловия, Вырубова, оказавшись за границей, без подлинника своих записей и без копии, оставшейся на хранении у Берчика, решила написать мемуары — «официальные», как утверждают издатели, чтобы «реабилитировать себя». В 1923 г. в Париже Вырубова действительно издала свои воспоминания «Страницы из моей жизни», вызвавшие определенный общественный интерес⁵.

Публикация «дневника» Вырубовой обеспечила необычайную популярность журналу «Минувшие дни», только что начавшему издаваться ленинградской «Красной газетой». Однако сразу же после начала этой публикации мнения относительно его подлинности решительно разделились. Последний государственный секретарь России С.Е.Крыжановский, находясь в эмиграции, писал самой Вырубовой, что «дневник» кажется ему всего лишь очень правдоподобным⁶, тогда как известный ленинградский библиофил, директор знаменитого издательства «Прибой», М.А.Сергеев решил издать «дневник», как подлинный исторический источник, отдельной книгой.

Однако события уже после выхода первых двух номеров журнала начали принимать достаточно зловещий характер. Слухи о «дневнике», а затем и его текст дошли до западных, прежде всего французских и германских, газет, которые начали публиковать из него отрывки. Появились объявления об отдельных зарубежных изданиях⁷. Острая полемика по поводу подлинности «дневника» Вырубовой вспыхнула на страницах белоэмигрантской периодической печати. Газета «Дни», издававшаяся А.Ф.Керенским, начала перепечатку «дневника» Вырубовой, как и другая белоэмигрантская газета «Сегодня».

Вырубова, жившая в то время в Выборге, вынуждена была отреагировать на приписываемое ей сочинение. 23 февраля 1928 г. в эмигрантской газете «Возрождение» появилось ее первое опровержение, в котором она писала: «По слухам, дошедшим до меня, в Советской России появилась в печати книга "Дневник А.А.Вырубовой", якобы найденный у одного нашего старого слуги в Петербурге и переписанный некою Л.В.Головиной... Считаю своим

долгом добавить, что единственный наш старый слуга Берчик умер еще у нас в Петербурге в 1918 г., был нами же похоронен и ничего после себя не оставил»⁸. Вскоре западным журналистам удалось встретиться и с Л.В.Головиной, которая решительно опровергла свое участие в переписке «дневника»⁹. В интервью шведской газете «Хювюд стадсбладет» Вырубова вновь заявила о подложности «дневника», подчеркнув, что он является плодом «большевистской пропаганды для сенсации среди легковверных людей»¹⁰. Вообще представление о «дневнике Вырубовой» как о «грубобольшевистском памфлете» было широко распространено в кругах российской эмиграции.

Тем не менее и после этого слухи о подлинности «дневника», особенно на Западе, продолжали распространяться. Их отражением стало заявление некоего Бинштока. В своей рецензии на публикацию в «Минувших днях» он сослался на некоего доктора М., жившего до переезда в Париж в России, который якобы уверял, что он еще в России получил от Вырубовой ее дневник и дневник Распутина. По словам М., дневник, оказавшийся в его руках, ничего общего не имел с опубликованным в «Минувших днях». К сожалению, сообщил аноним, перед отъездом из России он сжег оба дневника¹¹.

Тем временем в Советском Союзе наряду с перепечатками в провинциальной прессе фрагментов «дневника» как подлинного исторического документа постепенно начала разворачиваться кампания его все более и более ужесточающейся критики. Первый голос подала газета «Правда». Помещенная здесь рецензия П.О.Горина квалифицировала «дневник» как «вылазку бульварщины». По твердому убеждению Горина, этот документ, «несмотря на всяческие уверения редакции в его достоверности и необычайной исторической ценности, все же не является подлинным историческим документом»¹². Вслед за Гориним столь же уничтожающую оценку «дневнику» дали известные историки и филологи М.Н.Покровский, В.В.Максаков, Б.М.Волин, М.А.Цявловская, а также поэт Д.Бедный¹³.

Издатели «дневника» вынуждены были оправдываться. Уже в марте 1928 г. они выступили с заявлением, где вместо представления разъяснений, которых от них требовали, утверждали, что критики поторопились назвать «дневник» фальшивкой, поскольку, по их словам, документ уже передан на экспертизу «специальной комиссии Центрархива»¹⁴ (о результатах этой экспертизы ничего не известно).

Заявление издателей не остановило поток критики. По мнению Л.Мамета, «дневник» — не что иное, как апокриф, более или менее удачно подделанный под Вырубову, ориентированный на читателя из нэпманской и мелкобуржуазной среды¹⁵. Критическая заметка А.Шестакова¹⁶ прямо назвала «дневник» «фальшивкой, рассчитанной на низменные вкусы обывательщины». Здесь же содержались элементы научной критики этого источника. По мне-

45
В подлиннике
1-2

Материал к публ. "121" - по
дня заседания Судебная П. 64.
УКП (б) от 7.V 1928 г. (пр. № 33
Зам. №   Разослано 5.V 1928
на Минусские дни

и СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП(б)

О журнале "МИНУВШИЕ ДНИ".

За последнее время можно установить с несомненностью огромный интерес со стороны широких кругов читателей к исторической литературе.

Замечается большой спрос на исторические романы, повести и мемуары. Давно назрел вопрос об издании литературно- исторического массового журнала.

Этот момент был уловлен издательством "Красной газеты" которое начало издавать журнал "Минувшие дни" под редакцией М.А. Сергеева, и П.Н. Чагина.

Одного не учли инициаторы этого журнала, что читателем исторического журнала должен быть в наших условиях не ищущий сильных ощущений эппен и обыватель, а тот широкий слой читателей рабочих, комсомольцев и низового перектива, который нуждается в доброкачественном историческом материале, способным его воспитать в материалистическом духе. Занятельность исторического материала не должна идти в ущерб серьезному содержанию.

Инициаторы журнала взяли как раз обратную линию. Они целиком и полностью ориентировались на широкий круг городской обывательской массы, ищущей пикантностей, элязовных приключений и т.д.

Это сказалось и на авторах журнала. Вместе того, чтобы привлечь к работе в журнале наиболее серьезных знатоков исторических фактов вместо того, чтобы втянуть в работу наших талантливых молодых художников, пишущих исторические повести и нуждающихся в обогащении фактическим материалом редакция "Минувших дней" прилекла к работе старых спецов от истории, копещущихся в архивной пыли, неспособных понять вопросов молодого рабоче- крестьянского читателя / Чуковский, Ларнер, Лаврецкий и др./ и этим определила лицо журнала.

Редакция журнала не сделала попытки руководства вышеуказанными авторами, а сама была руководима ими и шла на поводу у них.

Это выразилось в том материале, который помещен в первых 8-х

Первая страница докладной записки временно исполняющего обязанности заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) Н.И.Смирнова в Секретариат ЦК ВКП(б) о журнале «Минувшие дни»

нию автора, сомнения в подлинности «дневника» возникают в силу того, что издатели умалчивают о месте его хранения и каким путем он попал к ним, фактически материал и стиль документа находятся «в вопиющем противоречии» с тем, что помещено в опубликованных воспоминаниях Вырубовой.

Любопытно, что именно критика в советской печати подлинности «дневника» в конце концов вынудила прекратить его перепечатку в белоэмигрантской прессе¹⁷.

О том, как развивались события дальше, мы узнаем из памятной записки, составленной М.А.Сергеевым: «Никакого отдельного издания "дневника" в то время еще не предполагалось, хотя уже поступили предложения из-за границы от иностранных издательств об издании перевода (из Америки через Берлинское торгпредство). Набор был сделан для журнала "Минувшие дни", выходявшего в 1927—1928 гг. В результате поднятой против журнала кампании (историком-рецензентом) и вмешательства неких таинственных сфер (видимо, ГПУ), журнал был закрыт после номера 3 на заседании Оргбюро (в моем присутствии), куда был приглашен, между прочим, и М.Н.Покровский, высказавшийся вместе с Адоратским против дальнейшей публикации по чисто формальным соображениям. Мне удалось добиться разрешения выпустить последний (4) номер с окончанием "дневника" (сильно сокращенным сравнительно с имевшимся в редакции текстом). А.М.Горький, приветствовавший (телеграммой из Италии на имя П.И.Чагина) публикацию "дневника", узнав о зыкрытии, пригласил меня и, после длительной беседы, заявил, что он уже говорил с несколькими высокими лицами и будет добиваться дальнейшего печатания "дневника". Для этого он просил меня возможно скорее дать ему 5 экземпляров печатного полного текста. Вернувшись в Ленинград, я передал об этом Г.К.Клаас и П.И.Чагину, и в типографии срочно оттиснули 5 экземпляров набранного полного текста. Из этих экземпляров один (куда вложена эта памятная записка) я оставил у себя на память, а 4 отвез А.М.Горькому. Они предназначались, по его словам, И.В.Сталину, Н.И.Бухарину, А.И.Рыкову и ему самому. Спустя некоторое время я поехал в Москву вместо О.Н.Брошниковской за ответом к Горькому. Из краткой беседы, во время которой он вел себя так, как обычно во время неприятных для него разговоров, выяснилось, что ничего из хлопот его не вышло. Таким образом, настоящий (мой) экземпляр — один из пяти сделанных в 1927 г. оттисков»¹⁸.

Иначе говоря, дальнейшая публикация «дневника» была остановлена не просто потому, что все более и более становился очевидным его фальсифицированный характер, но и в силу вмешательства политического органа СССР — Оргбюро ЦК ВКП(б). Мы еще вернемся к этому важному в судьбе «дневника» Вырубовой моменту, сейчас же отметим, что такому решению предшествовали уже не публицистические замечания о его фальсифицированном

характере, но серьезнейший источниковедческий анализ, предпринятый известным историком и археографом А.А.Сергеевым¹⁹.

Мы будем вынуждены достаточно подробно охарактеризовать наблюдения и выводы Сергеева, поскольку они касались основополагающих вопросов бытования и содержания «дневника» и безупречно доказали, что в научный и общественный оборот был введен не подлинный исторический документ, а подлог.

Прежде всего, Сергеев обратил внимание на несуразности, имеющиеся в предисловии относительно происхождения «дневника». По мнению Сергеева, уже история его злоключений (перевод на французский, копирование, уничтожение в проруби оригинала и проч.) кажется подозрительной, ибо абсолютно ничем не подтверждается. Однако главное, по мнению критика, даже не в этом. Принципиально важным он считает ответ на вопрос: вела ли когда-либо Вырубова дневник вообще. В этой связи Сергеев обращает внимание на ту часть предисловия к публикации, в которой издатели указали, что на одном из допросов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Вырубовой была предъявлена ее же «тетрадь номер один», которую издатели определили как часть «дневника». Однако стенограмма допроса показывает, что это был не дневник в общепринятом смысле. «Тетрадка полна разных записок на какие-то мистические темы», — отметил председатель. «Да, я всегда массу записывала», — прокомментировала в ответ Вырубова. Из дальнейшего следует, что Вырубова пыталась в своей тетради записывать изречения и телеграммы Распутина. В конце концов на один из очередных вопросов председателя относительно содержания ее тетради Вырубова раздраженно заметила: «Я вам говорю, я столько народу видала и принимала, что не могу помнить... Если бы мог кто-нибудь дневник за меня вести, я была бы рада»²⁰.

По мнению Сергеева, можно при желании не поверить подлинным показаниям Вырубовой в отношении ее решительного отрицания факта ведения дневника. Но очень странно, что издатели в «Минувших днях» полностью проигнорировали стенограмму допроса, лишь мельком упомянув о ней. Между тем из стенограммы следует, что предъявленная Чрезвычайной следственной комиссией «тетрадь номер один» не являлась дневником в прямом смысле слова ни по форме, ни по содержанию. Предисловие же к публикации в «Минувших днях» утверждает, что спустя двенадцать дней после допроса сама Вырубова в письме к Головиной заявила об изъятой у нее первой тетради своего «дневника». «Если даже допустить, — заключал Сергеев, — подлинность цитируемого письма Вырубовой (усомниться в чем мы имеем право, поскольку не известны ни место хранения письма, ни условия проверки принадлежности его Вырубовой), то, при сопоставлении его с названной выше стенограммой, сам собой напрашивается вывод, что "дневники" в толковании Вырубовой и редакции "Минувших дней" — совершенно разные вещи. Содержание посвященной Рас-

путину "тетради номер один", именуемой самой Вырубовой, по уверению редакции, "дневником", совершенно отлично от содержания напечатанного «дневника», в котором повествуется о множестве фактов почти исключительно из области политической жизни России и зарегистрированы дела и речи массы людей, враждавших в окружении последних Романовых»²¹.

Далее Сергеев, сравнивая «дневник» с опубликованными «Страницами из моей жизни» Вырубовой, обращает внимание на то, насколько разными по своему мироощущению предстают нам их авторы со страниц этих двух документов: идеи, отношение к событиям и людям в них кардинально противоположны. Более того, «дневник», благодаря обилию в нем прямой речи, диалогов, неразличимости русского текста и перевода на французский язык выглядит скорее как литературное произведение, заранее облеченное для печати в художественную форму, с определенным сюжетным построением, которое никак не нарушается бессистемной хронологией записей.

Однако самое потрясающее открытие, пишет Сергеев, просвещенный читатель может сделать, сравнив фактическую основу «дневника» с известным кругом фактов российской истории начала XX в. Вопреки мнению издателей, в нем нет никаких новых примечательных фактов, которые не были бы известны из изданных к 1927 г. воспоминаний, переписки, исторических исследований, а также «сохранившихся до наших дней в некоторых кругах общества устных слухов о жизни двора Романовых», которые были препарированы и поданы в публикации под определенным углом зрения. Критик привел многочисленные и убедительные примеры таких заимствований и переработки. «Зависимость сюжетов от имеющихся в печати публикаций, — отмечал Сергеев, — особенно заметна в последней части "дневника" — "1916 год", которая по содержанию своему крайне совпадает с V томом "Переписки Николая и Александры Романовых". Недаром комментаторы в таком изобилии снабдили эту часть "дневника" подстрочными ссылками на "Переписку"; сюжетика у них на редкость общая, за немногими исключениями, которые, в свою очередь, имеют свои печатные источники»²².

В сложной идейной мозаике «дневника» Сергеев попытался выделить несколько концептуальных линий, по которым шла переработки текстов подлинных первоисточников. Одна из таких линий — это Распутин как мужицкий идеолог, враг аристократии, поклонник Е.И.Пугачева, противник участия России в Первой мировой войне, пророк, остро чувствующий приближение революции и гибель царской семьи. Вторая линия — это попытка показать разложение, моральную деградацию высшего правящего слоя России, включая и последнего императора с его странными сексуальными интересами и физическими недостатками. В «дневнике» достается едва ли не всем из реального делового окружения Вырубовой. Здесь фигурируют «барбос» И.Г.Щегловитов, «клоп

поганый» Марков-второй, «нахал» В.М.Пуришкевич, «рухлядь проклятая» Б.В.Штюрмер, «старый барбос» В.А.Сухомлинов и т.д. Третья линия связана со все большим усилением недовольства развалом страны и войной со стороны крестьян и солдат, тревожные записи о настроениях и поступках которых не сходят со страниц «дневника».

Критика Сергеевым подлинности «дневника» Вырубовой была безупречна и убедительна и в источниковедческом, и в историческом, и в археографическом отношениях. Доказав с научных позиций фальсифицированный характер «дневника», критик тем не менее в заключении сформулировал еще один вывод: «Опубликование этой литературной подделки под видом подлинного документа заслуживает самого строгого осуждения не потому только, что "дневник" может посеять заблуждения научного характера, а потому, что пользование этой фальшивкой компрометирует нас в борьбе с уцелевшими сподвижниками Вырубовой и защищаемым ими строем. Следовательно, значение разобранными нами здесь публикации выходит за рамки литературного явления, становясь уже фактом политического порядка»²³.

Таким образом, последнее заключение Сергеева переносило факт публикации «дневника» из сферы научных споров в сферу политики. Наиболее отчетливо и сурово подобная позиция была выражена в интервью Б.М.Волина газете «Вечерняя Москва». Тот прямо заявил, что, «поскольку этот "дневник" получил большое распространение и у нас, и — что особенно важно отметить — за границей, я полагаю, что опубликование подобного "документа" заслуживает не только решительного общественного порицания, но и серьезного преследования. Нам приходилось вести упорную борьбу с разными антисоветскими фальшивками, которые часто появляются на страницах европейской прессы; при таких условиях всякое появление фальшивых документов на страницах советской печати может только дискредитировать эту борьбу.

Я полагаю, что если подложность "дневника" доказана, то в первую очередь его составители, а затем и издатели должны быть не только осуждены советским общественным мнением, но и понести кару в порядке судебном»²⁴.

Эти «ученые» рекомендации, высказанные всего за несколько месяцев до начала так называемого «академического дела», на первом этапе которого очень важную роль играли архивные документы, связанные с династией Романовых, не были оставлены без внимания. Уже, очевидно, после появления рецензии Горина в газете «Правда» тогдашний временно исполняющий обязанности заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) Н.И.Смирнов по факту публикации «дневника» Вырубовой и вообще издания журнала «Минувшие дни» подготовил для Секретариата ЦК любопытную докладную записку. Из нее становится известно, что после выхода первого номера «Минувших дней» отдел печати ЦК ВКП(б) «категорически запретил выход дальнейших выпусков. Несмотря на это,

вышел второй (январский) выпуск, с продолжением "дневника" Вырубовой и с тем же бульварно-развлекательным уклоном всего материала, печатающегося в журнале». Пролетарскому читателю, продолжал Смирнов, нужен подлинный массовый исторический журнал, который бы мог культурно просвещать массы и одновременно способствовать «переделке всей исторической науки, проводимой сейчас марксистской мыслью». С этой точки зрения журнал «Минувшие дни» не соответствует современным требованиям и должен быть закрыт.

К записке был приложен секретный проект постановления Секретариата ЦК, предлагавший закрыть журнал и указать Северо-Западному бюро ЦК на недопустимость издания такого журнала без согласования с ЦК ВКП(б)²⁵.

Однако рассмотрение проекта дважды (27 апреля и 4 мая) на Секретариате ЦК по неустановленным причинам откладывалось, причем 4 мая Секретариат предложил рассмотреть вопрос на Оргбюро ЦК. 7 мая Оргбюро рассмотрело вопрос и по просьбе заведующего агитационно-пропагандистским отделом вновь передало его на рассмотрение Секретариата. Видимо, к заседанию Секретариата тот же Смирнов подготовил уже более развернутую записку. «Центральное место — говорилось в ней, — в журнале занимает широко рекламируемый "Дневник Вырубовой". Большому сомнению подвергается подлинность этого дневника, как это видно из рецензии П.Горина в "Правде". Вопрос о подлинности этого дневника исследуется соответствующей экспертизой». Однако далее из записки видно, что как раз не возможный фальсифицированный характер документа беспокоил аппарат ЦК. «Важно отметить, — подчеркивал Смирнов, — что, независимо от подлинности или подложности дневника, последний является чрезвычайно вульгарным документом. Вся суть этого дневника заключается в смаковании различных пикантностей придворной жизни, в распутинщине и т.д.

Но кроме этого в дневнике имеются и политически вредные места. Например, попытка представить Распутина как своеобразного идеолога крестьянства, его чаяний, протеста против войны. Устами Распутина якобы говорит наше крестьянство, Распутин выражает протест против господ, желающих продолжения войны. Такова идеология, развиваемая в дневнике о Распутине». В записке далее фигурировал весь традиционный набор идеологических и политических обвинений в адрес журнала, начиная от недопустимости привлечения к его изданию «старых спецов от истории, копающихся в архивной пыли» и кончая неспособностью журнала «воспитывать в материалистическом духе рабочих, комсомольцев и партийный актив»²⁶. Далее следовало предложение о прекращении его издания. Оно и было принято на заседании Секретариата ЦК 11 мая 1928 г.²⁷

Нам пришлось подробно остановиться на перипетиях обсуждения судьбы публикации «дневника» не только потому, что они отразили общественное бытование подделки в момент ее появления.

Дело в том, что прозвучавшие в официальной партийной прессе и служебной документации отдельные акценты оценок подлога, кажется, объясняют, как это ни странно, и мотивы фальсификации «дневника».

Не приходится сомневаться в том огромном воздействии, которое должны были произвести страницы этого документа на читателей в 1927—1928 гг. За внешней хаотичностью, бессистемностью записей «дневника» легко прослеживается особая концепция двух десятилетий царствования последнего русского монарха. Устами простого, грубого, но наделенного божественным даром познания людей и понимания событий «старца» Распутина объясняются причины революционных событий 1917 г. Безвольный, но временами жестокий царь, окруженный коррумпированными чиновниками, ненужная война, породившая озлобленность народа, прежде всего крестьян, никчемная Государственная дума, неверная внешнеполитическая ориентация на республиканскую Францию вместо монархической Германии, придворные интриги и многое другое — все это, согласно «дневнику», предопределило разложение российской самодержавной государственности и ее крах.

Это была концепция, в которой Распутина, с его здравым смыслом и даром божественного предвидения, отводилась роль не столько исторического персонажа, сколько экскурсовода по лабиринтам отечественной истории начала века. Но самое главное, это была не марксистская концепция российской истории начала XX столетия. Лет за десять до этого в какой-то своей части она еще могла устроить историков марксистского толка, подтверждая тезис о внутреннем разложении существовавшего строя. Но не в 1927—1928 гг., когда отсутствие даже упоминания о рабочем движении прямо противоречило создававшейся марксистской исторической конструкции в ее сталинском обличье. Это была концепция — вызов идеологам сталинизма, прикрытая формой дневника одного из подлинных исторических лиц. Избранная форма, по мысли автора (или авторов) подлога, должна была избавить его (их) от прямых политических и идеологических обвинений, а то и от более жестоких административных мер.

Именно эти же опасения, а не склонность к искусству фальсификации заставляли автора (авторов) подлога отработать достаточно изощренную систему его «прикрытия». Она достойна того, чтобы рассказать о ней более подробно. Фальсификаторы обезопасили себя от разоблачения требованием предъявления подлинной рукописи, оставляя за собой возможность в крайнем случае показать копию. Французский текст дневника, как правило, содержит цитаты или пересказ подлинных исторических источников: тем самым скрывалось прямое заимствование из них. «Дневник» вообще наполнен цитатами и полными текстами подлинных опубликованных источников, особенно переписки, что должно было подкреплять его подлинность и достоверность. В его публикации тщательнейшим образом соблюдены едва ли не все археографические

аксессуары: текстуальные примечания указывают пропуски слов, неразобранные слова и фразы, описки копии и перевода; примечания по содержанию раскрывают зашифрованные буквами фамилии, имена, прозвища, отсылают к опубликованным источникам, подтверждающим сведения «дневника». Через весь «дневник» проходят размышления автора о его предназначении для будущих поколений и об испытываемых им при этом чувствах, призванные лишний раз показать, что Вырубова вела дневник, и то, что предлагается читателям, — ее подлинные записи. Более того, в последних номерах тема ведения дневника становится даже назойливой, в чем легко можно увидеть попытку фальсификаторов откликнуться на критику и обвинения в фальсификации. «Во дворце многие ведут записки», — меланхолично и как бы между делом заявляет Вырубова и далее действительно приводит целый «реестр» таких лиц, начиная от Распутина и кончая генералом В.Б.Фредериксом.

В целом, нельзя не отдать должного фальсификаторам и в выборе «автора». Во-первых, Вырубова действительно реально видела и знала околослужбную жизнь и атмосферу, была достаточно осведомлена. Во-вторых, она действительно выступила мемуаристкой. В-третьих, не без остроумия авторы подлога попытались связать «тетрадь номер один» — подлинный документ, вышедший из-под пера Вырубовой и фигурировавший в официальном судебном процессе, — со своей подделкой, от чего последняя более убедительно выглядела как подлинный документ.

Вся совокупность элементов «прикрытия» фальсификации, богатейший фактический материал говорят о том, что перо фальсификатора находилось в руках историка-профессионала, не только прекрасно ориентировавшегося в фактах и исторических источниках рубежа двух столетий, но и владевшего соответствующими профессиональными навыками. Уже первые критические выступления намекали на фамилию известного литературоведа и историка, археографа и библиографа П.Е.Щеголева. В этом трудно усомниться и сейчас, хотя документальных подтверждений этой догадки до сих пор обнаружить не удалось.

Глава 4.

«Постановления» кремлевских мудрецов

Документы, о которых речь пойдет ниже, стали известны на Западе в 60-е годы, т.е. намного раньше того, как о них узнали в СССР, хотя по своему содержанию они оказались связанными именно с СССР. Но, конечно, не это обстоятельство придало им особую значимость в глазах мировой общественности, после того как они были легализованы и стали предметом исторических исследований¹. Поражали, прежде всего, их вид и происхождение: это были постановления заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), высшего руководящего органа партии, ни один из созданных документов которого, исключая документы сугубо официального политико-организационного характера, до недавнего времени не был известен в первоизданном виде.

Примечательной оказалась судьба этих документов, прежде чем они стали известны исследователям. В 30-е годы по агентурным каналам они регулярно поступали в посольство Германии в Вене, а оттуда — в германское Министерство иностранных дел, рейхсканцелярию и в руководство Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП). После поражения Германии во Второй мировой войне русские подлинники этих постановлений попали в руки американской военной администрации и были вывезены в США. Оттуда в 70-х годах они были вновь возвращены в Германию и ныне покоятся в Федеральном архиве в Кобленце², а фотокопии их немецкого перевода — в Потсдамском филиале Федерального архива Германии³ и в архиве Гуверского института войны, революции и мира (США)⁴.

В рамках реализации программы «Зарубежная архивная Россия» в 1995 г. Росархивом были получены микрофиши подлинников этих документов, хранящихся в Кобленце, в результате чего у нас имеется возможность их детального анализа⁵. Поскольку он дается впервые, просим читателя не сердиться на многие, на первый взгляд, незначительные подробности такого анализа.

Документы переплетены в два тома, которые включают 144 постановления и 3 письма-директивы особого отдела Народного комиссариата иностранных дел СССР в особый отдел посольства СССР в Вене. Все они представляют собой рукописные тексты, выполненные на абсолютно правильном русском языке. Документы охватывают период с 24 апреля 1934 г. по 14 марта 1936 г. Судя по всему, количество постановлений было большим: об этом говорит тот факт, что за 1934 г. в дошедшей части первое по времени сохранившееся постановление имеет номер 4, а за март 1935 г. в

рукописях отсутствуют постановления номер 12 и 13. Каждое постановление сопровождается своеобразным «титulyным листом», на котором помимо указания на дату заседания имеются: почти постоянно — пометы о датах их «передачи», «получения» (нередко дата «получения» зафиксирована не от руки, а в виде делопроизводственного штампа), номера документов в пределах месяца (начиная со второй половины предшествующего и заканчивая первой половиной последующего), реже — номера документов в пределах года, а также пометы типа «К». Средний объем документов, названных «Постановления Политбюро ВКП(б)», не превышает 3—4 страниц обычного формата рукописного текста.

Все «постановления» имеют устойчивые формулы с клаузулами типа «заслушав и обсудив», «Политбюро ВКП(б) констатирует», «Политбюро ВКП(б) обращает внимание руководителей советской внешней политики», «Политбюро ВКП(б) уверено», «Политбюро ВКП(б) приходит к выводу», «Политбюро ВКП(б) разделяет точку зрения», «по твердому убеждению Политбюро ВКП(б)» и т.д.

В «постановлениях» рассматривается и решается широкий круг вопросов. Их центральная тема — международная ситуация. Наибольшее внимание уделено стратегическим оценкам развития международных отношений, усилиям СССР по созданию системы коллективной безопасности, позиции СССР в отношении Лиги Наций, политике Советского государства по отношению к европейским странам, прежде всего к Англии, Франции, Германии, Польше, Австрии, прибалтийским государствам, Италии, Балканам, взаимоотношениям с США, Японией. Второй блок вопросов связан с выработкой стратегии и тактики Коминтерна, и, наконец, третий блок касается оценки внутреннего политического и экономического положения в СССР.

Рассмотрим подробнее содержание каждого из этих блоков, чтобы получить более конкретное представление о сути «постановлений».

Анализируя международную ситуацию, «постановления» нередко специально рассматривают или попутно затрагивают стратегические линии ее развития. 8 декабря 1934 г. Политбюро, например, констатировало, что развитие европейских событий допускает лишь временные компромиссы империалистических держав, поскольку противоречия между ними неизбежно выльются в ряд местных или во всеевропейский конфликты. 26 января 1935 г. «постановление» Политбюро уже содержит вывод о том, что все более реальной становится опасность новой мировой войны: угроза ее развязывания в Европе исходит от Германии, а в Азии — от Японии. Эти две наиболее сильные империалистические державы мира, по мнению Политбюро, испытывают территориальный голод и потому готовы на любые шаги. 14 марта того же года констатируется обострение противоречий между империалистическими державами и делается вывод о необходимости того, чтобы СССР всеми способами поддерживал, углублял эти противоречия.

20 марта Политбюро рекомендует руководству советской внешней политики исходить из того, что неизбежен вооруженный конфликт в Восточной Европе, который неминуемо перейдет в столкновение между СССР и Германией. Возможна отсрочка завоевательных планов Гитлера в отношении СССР, но, констатирует Политбюро, она не может быть длительной. 21 марта того же года Политбюро еще более категорично заявляет о том, что «новая мировая война абсолютно неизбежна» и она станет предпосылкой мировой коммунистической революции.

Впрочем, уже 28 марта Политбюро признает, что агрессивные планы германского империализма распространяются на всю Европу, а 1 мая дает прогноз дальнейшего развития событий: «На Западе готовится новая война держав против германского милитаризма. В Азии неминуемым становится столкновение между Японией, США и Великобританией... Советский Союз примет участие в этих конфликтах лишь в той мере, которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»⁶.

17 мая Политбюро вновь возвращается к стратегическому анализу ситуации. По его мнению, заключение советско-французского пакта ставит судьбы Европы в зависимость от взаимоотношений Франции, СССР и Великобритании. «Германией игра может считаться окончательно проигранной», она должна начать отступление или проводить свою прежнюю политику, которая неизбежно приведет ее к войне на три фронта. Чтобы исключить подобное развитие событий, Политбюро полагает целесообразным рассмотреть вопрос о превентивной войне СССР, Франции и Великобритании против Германии. Почти неминуемая война в Европе против Германии, делает прогноз Политбюро, неизбежно приведет к ее поражению и новому территориальному разделу. В его основе будет распад Германии на Северную и Южную, разгром Польши, включение Польши и прибалтийских государств в сферу непосредственного влияния СССР, создание нового демократического государства. Ядром последнего станет Чехословакия. Оно будет буфером между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. В то же время неизбежно расширение британского влияния в Азии как компенсация за укрепление позиций СССР на Западе.

Но уже 2 июня 1935 г. Политбюро несколько иначе смотрит на современный ход мировой истории. По его мнению, возникающая вероятность крупных вооруженных конфликтов в Европе, Азии и Африке, локализовать которые становится невозможно, показывает, что СССР вряд ли «удастся избежать участия в новой мировой войне, которая все более и более становится неизбежной в связи с развитием экспансионистских appetitов германского и японского милитаризма»⁷. Спустя две недели Политбюро, вновь признавая реальной угрозой мировой войны как результата межимпериалистических противоречий и ее решающее воздействие на конечную победу мировой революции, тем не менее намечает новую стратегию

действий. Каждый конфликт, констатирует высший орган партии, угрожает прежде всего государственному единству СССР, а потому советская дипломатия должна сосредоточить свои усилия на предупреждении любых вооруженных столкновений в мире. В соответствии с этим 30 июля Политбюро ставит задачу отказа от тактики обострения противоречий между империалистическими державами. Однако 2 августа Политбюро вынуждено констатировать, что уже в ближайшие месяцы вспыхнет «новая всемирная война», поскольку итало-абиссинский конфликт перекинется в Европу, где неизбежно столкновение советско-французской коалиции с Германией.

В русле очерченных стратегических установок Политбюро решало и тактические вопросы. Важнейшим из них являлся вопрос о создании системы коллективной безопасности. Уже 4 января 1935 г. Политбюро признает, что восточно-европейский гарантийный пакт становится для СССР вопросом первостепенной важности, хотя бы в форме договоров между СССР, Францией и Малой Антантой (Чехословакия, Румыния, Югославия). 20 февраля Политбюро провозглашает курс на участие СССР в «любой комбинации гарантийных пактов». 8 апреля, как бы в развитие этого общего тезиса, Политбюро рекомендует руководству советской дипломатии усилить деятельность по включению в систему восточно-европейского гарантийного пакта прибалтийских государств, Германии и Польши. «Тот факт, — решает оно, — что Германии и Польше будет предоставлено формальное право примкнуть к блоку и тем лишить последний характера коалиции, является чрезвычайно благоприятным с точки зрения общего направления советской внешней политики, неуклонно стремящейся сохранить для себя в будущем возможность новой "перетасовки карт" в случае коренного изменения внешнеполитической линии Германии»⁸.

На следующий день Политбюро ставит перед НКВД новую задачу: включить Италию «в систему гарантийных пактов, касающихся обеспечения безопасности в Восточной Европе». 24 апреля 1935 г. Политбюро рекомендует предпринять усилия, направленные на включение СССР в систему гарантийных антигерманских и антияпонских пактов, и одновременно — «искать путей к прямому соглашению с Германией и Японией, чтобы направить их экспансию по линии столкновения с державами, непосредственно с Советским Союзом не связанными обязательством взаимной поддержки»⁹. Через три дня Политбюро дает новую установку, полагая необходимым сосредоточиться на заключении пакта безопасности и взаимной поддержки с Францией и Чехословакией, организации «Черноморского пакта безопасности и взаимопомощи и слиянии его со Средиземноморским и прочими аналогичными как уже заключенными, так и еще планируемыми соглашениями».

6 мая 1935 г. Политбюро пришло к выводу о том, что развитие мировой политики «окончательно пошло по пути создания коллективной системы безопасности и взаимной поддержки, обеспе-

чивающей Советскому Союзу неприкосновенность его западной границы»¹⁰. 11 мая орган высшего партийного руководства дает указание НКВД придерживаться тактики «ставки на мир» как части советской стратегии создания системы международной безопасности, осуществление которой немыслимо без поддержки Великобритании и США. «Указанное обстоятельство, — полагает Политбюро, — диктует советской дипломатии необходимость чрезвычайной осторожности в преследовании своих целей, чтобы не поставить СССР в положение державы, подготовляющей на почве создания военных союзов и коалиций вооруженный конфликт, отвечающий либо интернационалистическим тенденциям, либо тайным замыслам Коминтерна, составляющим истинную сущность [политики] советского правительства»¹⁴.

Много внимания в «постановлениях» уделено двусторонним отношениям СССР с другими государствами мира. Едва ли не на первом плане среди них находится Германия. 3 января 1935 г. Политбюро поручило Особому отделу НКВД «предпринять достаточно искусные шаги для вызова открытого конфликта между имперским и партийным руководством внешней политики Германии», а спустя пять дней пришло к выводу о том, что гитлеровский режим полностью изжил себя и подлинным хозяином в Германии является рейхсвер, высшее командование которого «не склонно следовать комбинациям Розенберга». 2 апреля 1935 г. Политбюро признало, что германский милитаризм принимает «такие формы, которые делают фактически невозможным соглашение не только между Берлином и Парижем, но и вынуждают Рим и даже Лондон искать путей реального обеспечения мира и безопасности в Европе»¹². «Постановление» от 22 мая формулирует отношение Политбюро к произнесенной в тот же день речи Гитлера в рейхстаге и трактует ее как попытку «вернуть европейскую политическую обстановку к желательному Берлину исходному положению: сговор с Великобританией и Францией, относительная свобода действий для Германии в дунайском бассейне, свободные руки в отношении Восточной Европы». При этом отмечается, что маневр Гитлера имеет известные шансы на успех. Постановление от 3 июня анализирует ближайшие задачи внешней политики Германии: раздел Чехословакии между Польшей, Германией, Венгрией, соглашение Германии с Италией по австрийскому вопросу, захват Мемельской области как плацдарма для нападения на СССР.

«Постановления» Политбюро нацеливают на укрепление контактов с Великобританией, Францией и США в качестве противовеса германской угрозе СССР. 21 января 1935 г. Политбюро поручает Особому отделу НКВД в срочном порядке провести обработку общественного мнения в Великобритании и ее доминионах слухами об угрозе британским колониям со стороны Германии и Японии, существовании тайного японо-германского союза и т.д. 17 марта того же года Политбюро констатирует, что Великобритания опасается вооруженного конфликта в Европе в связи с воз-

можным после него социальным взрывом в большинстве европейских государств и восстаниями в британских колониях. 26 марта Политбюро принимает решение во что бы то ни стало достигнуть соглашения с Лондоном по всем основным спорным вопросам. 8 апреля оно соглашается с тем, что Великобритания «стремится к скорейшему умиротворению Европы, исходя прежде всего из соображения острой необходимости сосредоточить всю свою энергию на защите британских позиций в Азии и в тихоокеанском бассейне»¹³. 3 мая Политбюро констатирует, что теперь лишь Великобритания может помешать полному «окружению и внешнеполитической изоляции Германии». Но британское общественное мнение все более активно высказывается против германской мощи, рабочая партия Великобритании заявляет о своей поддержке принципа коллективной взаимопомощи государств против любой нападающей державы. 19 июня 1935 г. Политбюро дает оценку подписанному морскому соглашению между Германией и Великобританией. В постановлении отмечается, что соглашение представляет серьезную угрозу позициям СССР в Балтийском море. Однако, по мнению Политбюро, «пока нет никаких серьезных оснований предполагать, что британская политика действительно совершает поворот в сторону поддержки национал-социалистической Германии»¹⁴. 24 сентября того же года Политбюро рассмотрело полученную нелегальным путем информацию о том, что правительство Великобритании признает главным и наиболее опасным врагом Германию и что оно готово самым решительным образом противодействовать планам германской экспансии на Восток. 22 ноября Политбюро вновь подтверждает курс на сближение с Великобританией по всем вопросам.

Не меньше внимания в «постановлениях» Политбюро уделено взаимоотношениям с Францией. 8 февраля 1935 г. Политбюро решает твердо держаться французской ориентации во внешнеполитической деятельности, 20 марта того же года дает установку на заключение советско-французско-чехословацкого оборонительного союза. 19 апреля 1935 г. Политбюро обсуждает директиву советским представителям, ведущим переговоры с Францией, о том, чтобы те предупредили французских дипломатов, что СССР для обеспечения собственной безопасности может радикально пересмотреть свои позиции «путем прямого соглашения с Германией». Одновременно «постановление» предусматривает форсированное заключение советско-французского пакта, «пока характер отношений между Германией и великими державами исключает возможности компромиссов». 22 апреля того же года Политбюро постановляет срочно преодолеть затруднения, связанные с заключением советско-французского пакта «хотя бы ценою существенных уступок со стороны Советского Союза точке зрения французского Министерства иностранных дел». По мнению Политбюро, эти уступки дадут тактическое преимущество советской дипломатии, исключат возникшую угрозу изоляции СССР в общеевропейской системе коллективной безопасности. Поэтому Политбюро реко-

мендовало «избегать поспешных и непродуманных шагов в отношении Франции, удовлетворившись тем минимумом обязательств, которые та пока готова на себя принять»¹⁵.

Подозрительную и жесткую позицию в своих «постановлениях» занимало Политбюро в отношении Польши. 9 апреля 1935 г. оно, например, констатировало провал усилий дипломатии этой страны заменить СССР в «европейской игре», а 2 мая того же года ставило задачу окончательно разрушить планы Польши войти на тех или иных условиях «в состав римского блока» и втянуть прибалтийские государства в свою сферу влияния.

Немалое внимание в «постановлениях» уделено оценкам деятельности Коминтерна и выработке политики ВКП(б) в отношении этой организации. 16 декабря 1934 г. Политбюро обращает внимание Исполкома Коминтерна на то, что деятельность отдельных секций Коминтерна идет вразрез с соответствующими директивами Политбюро и создает затруднения для руководства внешней политики СССР. 7 января 1935 г. Политбюро принимает специальное развернутое решение по этому вопросу. По его мнению, мировая социалистическая революция в современных условиях не может быть вызвана искусственно. Коминтерну поэтому должна быть теперь отведена «вспомогательная и подготовительная» роль, его деятельность необходимо полностью подчинить интересам Советского государства, а они заключаются в том, чтобы исключить изоляцию СССР. «Создание мирового вооруженного конфликта, — говорится в «постановлении», — без участия в нем СССР или с участием на стороне явно более сильной группировки держав... явилось бы несомненным стимулом для нового подъема мирового коммунистического революционного движения и сопровождалось бы рядом революционных вспышек и переворотов в вовлеченных в войну странах»¹⁶. «Постановление» от 5 февраля 1935 г. ставит задачу укрепления тактического сотрудничества Коминтерна со II Интернационалом. 3 апреля 1935 г. Политбюро одобряет новый «исторический маневр» в отношении мирового коммунистического движения. Суть его в том, чтобы приспособить деятельность Коминтерна «к целям советской внешней и — косвенно — внутренней политики; органы Коммунистического Интернационала и его отдельные секции превращаются в условиях данного момента в аппарат Правительства Советского Союза, в подсобное учреждение как НКВД, так и РККА». Спустя шесть дней Политбюро, возвращаясь к новой политике в отношении Коминтерна, признает даже принципиально необходимым перенести организационный центр Коминтерна за пределы территории Советского Союза. 13 мая 1935 г. Политбюро предлагает уже первый конкретный шаг в реализации этой политики, признавая необходимым отказаться в отношении Франции и ее колоний от коммунистической пропаганды, «направляя все усилия французских товарищей на пропагандирование идеи защиты советского пролетар-

ского государства в лице СССР от покушения германского национал-социализма и английского империализма»¹⁷.

Однако уже 25 июня того же года Политбюро вынуждено было констатировать, что провозглашенный им курс в отношении все той же Франции терпит неудачу. Президиум ИККИ, констатирует «постановление» Политбюро, вопреки точным директивам, усилил коммунистическую пропаганду во Франции, особенно во французской армии, и дал соответствующие указания компартии Франции, ставшие известными французским властям. Учитывая это, Политбюро сочло необходимым «предложить Президиуму ИККИ руководствоваться впредь строго и исключительно директивами, даваемыми Политбюро ВКП(б) и являющимися обязательными для всех без исключения советских и партийных органов».

Постановление Политбюро от 9 ноября 1935 г. содержит еще более развернутую стратегическую линию в отношении Коминтерна. По мнению Политбюро, именно деятельность Коминтерна в настоящее время является главным препятствием в создании блока СССР, США, Великобритании и Франции. Поэтому Политбюро вновь возвращается к вопросу о переносе центральных органов Коминтерна из Советского Союза в столицу какой-либо другой европейской страны, например, в Париж или Прагу. Здесь необходимо создать сеть подпольных организаций и только затем — перебросить официальный аппарат Коминтерна. В качестве подготовительных мероприятий предлагается инсценировать конфликт между советским правительством и ИККИ и распад коммунистического движения на «революционное» и «умеренное». Впрочем, полагает Политбюро, даже такой искусственный конфликт не пройдет безболезненно для мирового революционного движения. Поэтому Сталин должен единолично принять решение с учетом соображений Политбюро.

В связи с международным положением «постановления» Политбюро не раз затрагивали и внутренние аспекты развития СССР. 4 декабря 1934 г. Политбюро заслушало письмо Сталина, касающееся смерти С.М.Кирова, и заявило о своей полной поддержке распоряжений И.В.Сталина и К.Е.Ворошилова. Одновременно оно уполномочило Сталина издавать и публиковать от имени Политбюро «любые акты», которые он «найдет нужным огласить от имени партруководства, без предварительного их обсуждения внутри Политбюро ВКП(б)» и предложило всем партийным, советским и государственным органам впредь выполнять только директивы, подписанные Сталиным, Ворошиловым или В.М.Молотовым. «Политбюро, — говорится дальше в «постановлении», — единогласно заявляет, что партия, как один человек, непоколебимо стоит за своим вождем, тов. Сталиным, и беспощадно расправится с врагами рабочего класса, тем более если среди них окажутся предатели, вышедшие из рядов ВКП(б), независимо от степени доверия, которое им партия до сих пор оказывала»¹⁸.

Тем не менее 5 января 1935 г. Политбюро вынуждено было констатировать, что текущий год для партии и советского правительства является во всех отношениях критическим, в СССР разразился внутренний кризис. Поэтому необходимо срочно облегчить положение советского крестьянства, предоставить большую свободу «частному сектору», укрепить идейные контакты между партией и комсомолом. 3 апреля 1935 г. Политбюро в своем решении идет еще дальше. Отмечая, что главное сейчас для СССР — это укрепление его обороноспособности, оно соглашается с выводом о необходимости достичь «хотя бы ценою временного отказа от последовательного проведения коммунистической идеологии, хотя бы ценою возвращения к формам социального и экономического строя, равносильным — на поверхностный взгляд — самоликвидации коммунизма при условии одновременного укрепления политических позиций советского правительства»¹⁹. 13 мая того же года, вновь высказывая абсолютное доверие Сталину, Политбюро одновременно соглашается с его выводом о том, что если для укрепления международных позиций СССР требуется «внешне обуржуазиться» и пойти в этом отношении и на дальнейшие уступки, то нужно «признать, что цена эта очень невелика по сравнению с тем, что за нее Советский Союз приобретет».

Таково самое общее содержание «постановлений» Политбюро. Следует отметить, что они гораздо многословнее, исполнены риторики в духе советской пропаганды, да и круг внешнеполитических вопросов в них намного шире по сравнению с обозначенными нами.

Вопрос о подлинности «постановлений» стал предметом оживленных споров среди исследователей буквально сразу же после их обнаружения. Американский советолог М.Ловенталь обратился в этой связи в 1960 г. к знатоку новейшей истории — историку и собирателю архивных документов Б.И.Николаевскому, находившемуся в эмиграции. Ознакомившись с присланными материалами, Николаевский склонился к тому, чтобы признать их подлогом. По его мнению, в пользу этого говорили следующие факты: Политбюро собиралось на свои заседания раз в неделю в определенный день, среди представленных «постановлений» нет решений по целому ряду вопросов, рассматривавшихся Политбюро, и в то же время здесь имеются такие постановления, которых просто не могло быть (например, об отмене коллективизации). Ловенталь не согласился с аргументацией Николаевского. «Я всегда считал, — писал он Николаевскому, — что документы являются выдержками, — таким образом, это не должно противоречить Вашим заметкам. Я смотрю на эти документы как [на] сжатые доклады, которые посылались важным советским агентам по всему миру, с тем чтобы осведомлять их о буднях политики Советского Союза»²⁰.

Несмотря на то что оба ученых остались каждый при своем мнении, в последующей литературе «постановления» либо прямо рассматривались как подлог, либо использовались с обязательной

оговоркой относительно возможности их фальсифицированного характера²¹.

В настоящее время фальсификация «постановлений» очевидна.

Во-первых, автор фальсификации не знал подлинного устройства высших органов партийного руководства: все постановления у него названы «постановлениями Политбюро ВКП(б)», тогда как высший партийный орган всегда назывался «Политбюро ЦК ВКП(б)». Во-вторых, в своем творческом запале он употреблял выражения, просто невысказанные для решений высшего органа партии. Понятно, когда Политбюро ЦК ВКП(б) оценивало как «сговор», например, договоренности Германии и Франции. Но пролетарская идейность и партийность просто не позволили бы в официальном партийном документе, пусть и совершенно секретном, употреблять аналогичное выражение в отношении поисков союзников СССР, договоренностей, например, с Великобританией, Ватиканом, Германией, Францией, — но именно на «сговор» с этими государствами нацеливают решения Политбюро руководство советской внешней политики. Фальсификатор в данном случае не смог скрыть своего «классового лица», поскольку такие союзы для него выглядели именно как «сговоры». В-третьих, в настоящее время нам известны подлинные постановления Политбюро ЦК ВКП(б), в том числе и за 1934—1936 гг. Ни по характеру рассматривавшихся вопросов, ни по форме, ни по стилистике они не имеют абсолютно ничего общего с «постановлениями Политбюро ВКП(б)»: это сугубо деловые, сухие записи, лишенные какой-либо риторики и многословия, с конкретными поручениями конкретным ведомствам и лицам²². Таким образом, мы можем сделать твердый и окончательный вывод: перед нами сфальсифицированный комплекс документов.

Но, констатируя этот безусловный факт, мы не вправе отказаться от попытки ответить, по крайней мере, на три вопроса: кто и с какой целью прибег к столь масштабному подлогу, как он был изготовлен и каково было реальное воздействие этого подлога на принятие ответственных политических решений германским руководством? Именно эти вопросы и ответы на них представляют гораздо больший интерес, нежели сам факт разоблачения фальсификации.

Прежде всего обратим внимание на идеологию подлога. По форме и содержанию «постановления» являются не чем иным, как попыткой оперативного стратегического и тактического расчета изменяющейся международной обстановки с периодичностью от одного до трех-четырёх дней. При этом автор пытается охватить все крупнейшие мировые события этих дней. Увы, это ему сделать не всегда удается, в результате чего многие «постановления Политбюро» выглядят случайными, хаотичными и повисают в воздухе без надлежащего хронологического развития и исполнения со стороны советского руководства. Вот, например, Политбюро 19 февраля 1935 г. решает предпринять меры по сближению с Ватика-

ном. И что же? «Ватиканский сюжет» остается неразвитым, он исчезает, а попросту забывается фальсификатором. Или вот, например, Политбюро отмечает серьезную опасность в лице поднимающего голову сионизма в своем «постановлении» от 29 октября 1935 г. При этом констатируется, что требование создания еврейского государства, охватывающего не только Палестину, может стать сложной проблемой для внешней политики Великобритании. Однако данный аспект политики СССР по отношению к Великобритании в «постановлениях» больше не затрагивается, он оказался забытым.

Фальсификатору явно не хватило фантазии и умения. В то же время сюжеты текущей внешнеполитической ситуации, обозначенные нами выше, являются постоянными в его аналитических рассуждениях и прогнозах. Автор подлога внешне беспристрастен, но политический макиавеллизм советской внешней политики, так как он ему представлялся, сквозит в каждой фразе его изделия. При этом невольно обнаруживается и главная концептуальная установка его сочинения. Суть ее заключается в двух посылах. Первое: советское руководство подчинило идее мировой революции всю свою внешнюю политику, ради этой цели оно готово пойти не только на любой компромисс с мировыми державами, но временно и внешне отказаться даже от курса на социалистическое строительство. Второе: политическое руководство СССР окончательно решило, что главный враг страны в мире — это Германия, столкновение с которой неизбежно, и, чтобы не оказаться с ней один на один, необходимы широкие союзы и коалиции.

Судя по тому, что внешнеполитическое ведомство Германии оплачивало каждое поступающее «постановление» (от 200 до 300 рейхсмарок, всего за январь 1934 г. — март 1936 г. было выплачено от 55 до 85 тысяч рейхсмарок)²³, его руководство, или его часть, было убеждено в том, что перед ним — подлинные постановления Политбюро ЦК ВКП(б). Легко представить себе, что означали они для выработки курса Германии в отношении СССР: имея такие документы и признавая их подлинными, можно было действовать на основе одного принципа — ни в чем не доверять советской дипломатии, имея в виду, что она никогда не пойдет ни на какой союз или договоренность с Германией. Иначе говоря, «постановления» постоянно раздували огонек враждебности между двумя государствами, обрекая их на скорый или отдаленный, но неизбежный конфликт.

Показательно, что уже тогда, когда внешнеполитическая ситуация середины 30-х годов стала историей, отношение к «постановлениям» оказалось однозначным. В начале 80-х годов они вводятся в научный оборот американскими исследователями М.Ловенталем и Дж.Макдоуэллом и западногерманским ученым И.Пфаффом как подлинные документы. Одно из «постановлений» было издано даже в официальной публикации германских дипломатических документов. Иначе говоря, многие исследователи признавали под-

линность «постановлений», видя в них важный источник по внешнеполитической истории середины 30-х годов.

Мы уже убеждались не раз, что в отношении фальсификаций все рано или поздно встает на свои места, хотя и не всегда с абсолютно достоверной точностью. Так и в данном случае. Николаевский, касаясь вопроса о происхождении «постановлений», заметил: «Я не хочу теперь же говорить это в утвердительной форме, но у меня складывается впечатление, что речь идет о двойной игре советских (сталинских) агентов, которые с ведома своего начальства посылали немцам ту информацию, которая им казалась полезной, дезинформируя в соответствующем духе немцев»²⁴. Однако и здесь Ловенталь не согласился со своим корреспондентом. «Приступая к исследованию документов, — писал он, — я просмотрел их тщательно именно с этой точки зрения, но я не мог найти данных для такого заключения. Международная политика Советского Союза за 1934—1935 гг. изложена почти полностью в этих документах. Вообще они вредят положению Советского Союза как в международных, так и во внутренних делах»²⁵.

Выясняя происхождение «постановлений», можно с уверенностью сказать, что советские спецслужбы не могли быть причастны к их изготовлению: образ Советского Союза — врага Германии ни в коей мере не отвечал в середине 30-х годов интересам советской политики. Документы готовились человеком, в совершенстве владевшим русским языком, скорее всего образованным эмигрантом. Этот человек имел весьма смутные представления о стиле работы советского политического руководства и структуре высших политических органов СССР. Его даже не смущала придуманная и нелепая частота заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и преимущественно внешнеполитический характер обсуждавшихся на нем вопросов. Он имел лишь общее представление о внутреннем развитии СССР, а знание международного положения черпал, судя по всему, из сообщений средств массовой информации, готовя на их основе свои разработки возможных политических комбинаций. В своих стратегических прогнозах он оказался прав: спустя несколько лет после передачи «постановлений» разгорелась Вторая мировая война, в которой Советский Союз воевал с Германией почти именно в той комбинации союзнических государств, на создании которой так настаивало «Политбюро ВКП(б)». Затем наступил и роспуск Коминтерна.

Итак, автор «постановлений» нам сегодня пока не известен. Зато существует несколько более или менее документированных версий того, что за мотивы руководили фальсификатором и каким образом его изделия становились известны гитлеровскому руководству.

Первая версия была высказана немецким историком Пфaffом. Согласно ей, «постановления» передавались представителем ТАСС в Австрии Ф.В.Боховым. Однако Бохов являлся на самом деле не представителем ТАСС, а венским корреспондентом лон-

донской газеты «Дейли экспресс» и по совместительству — агентом гестапо. Никаких документальных подтверждений того, что он имел хотя бы какое-то отношение к «постановлениям», не имеется.

Вторая версия изложена немецкими исследователями М.Рейманом и И.Сюттерлин. Суть ее сводится к тому, что «постановления» поступали в Германию через австрийскую разведку. Посредниками между авторами фальсификации и ее получателями (возможно даже и самими авторами) являлись жители Вены, некто доктор А.Рютц, выходец из Прибалтики, хорошо знавший Россию и русский язык, связанный с российской эмиграцией, и некто «Рафаэль», связанный с троцкистской организацией «Анти-Коминтерн». В изготовлении подлога был заинтересован руководитель восточного отдела внешнеполитического ведомства НСДАП доктор Лейбрандт, договаривавшийся в ряде случаев о частоте предоставления «постановлений»: они создавали ему необходимый авторитет в глазах нацистского руководства. Изготовители фальшивки с ее помощью пытались поправить (и не без успеха) свое материальное положение. Свою версию Рейман и Сюттерлин постарались подкрепить обширными документальными свидетельствами, в частности ведомостями оплаты каждого поступавшего «постановления»²⁶. В ее пользу говорит и тот факт, что о «постановлениях» в 1934—1935 гг. знали не только германские и австрийские спецслужбы. В 1934 г. А.Ерт, руководитель «Анти-Коминтерна», был ознакомлен с ними и счел их фальсификацией²⁷. По словам Николаевского, В.Врага, связанный в 1934—1935 гг. с польской разведкой, имел контакт с неизвестным, который предложил ему купить «постановления». Врага даже ознакомился с ними и убедился, что это фальшивка²⁸. Иначе говоря, авторы подлога не делали из него эксклюзива для австрийских и германских спецслужб, предлагали свои услуги представителям различных государств, надеясь на ответное вознаграждение.

Политические реалии середины 30-х годов оказались в чем-то проще, а в чем-то сложнее тех, которые старались очертить автор или авторы «постановлений». Следует отдать им должное за их тщательность в отслеживании основных событий мировой истории того времени, за изобретательность в стратегических и тактических расчетах и прогнозах. Они явно творчески подходили к делу. Не обделенные воображением, авторы подлога попытались очертить механизмы, цели политических решений, принимаемых в СССР, и, увлеченные, пошли еще дальше в своих попытках реконструировать самые глубинные основы принятия таких решений.

Глава 5. «Сибирский Пимен», или Несостоявшееся открытие гения В.И.Анучина

В 1940 г. в ленинградском журнале «Литературный современник» был опубликован фрагмент мемуаров к тому времени уже мало кому известного ученого и педагога В.И.Анучина¹.

Писать воспоминания — право, но и ответственность любого, кто склонен размышлять над прожитым и способен эти размышления «положить на бумагу». Последним качеством Анучин, как мы убедимся ниже, обделен не был. Оказалось, что он обладал и смелостью: в скромном по названию фрагменте воспоминаний рассказывалось о его встречах и беседах в 1903 г. в Красноярске с сосланным туда В.И.Лениным. Мемуары были посвящены, по меньшей мере, четырем темам. Во-первых, они передавали атмосферу общественно-политической жизни Красноярска того времени: споры о путях развития революционного движения и революционной идеологии, место Анучина в жизни Красноярска, его образ как политического деятеля, устроившего бунт семинаристов в Томске в 1895—1896 гг., скромно рекомендующего себя Ленину как «просто революционер», пытающегося постичь жизнь «своим умом». Во-вторых, они содержали любопытные подробности работы Ленина в знаменитой Юдинской библиотеке в Красноярске. В-третьих, они зафиксировали совет Ленина Анучину продолжать его научные разыскания в области истории и этнографии Сибири, «собрать крупных фольклористов и составить большой сборник». И, наконец, в-четвертых, мемуары развивали тему так называемого «сибирского областничества», разрабатывавшуюся рядом сибирских общественных и научных деятелей. На прямой вопрос Ленина, что лежит в основе теории областничества — сепаратизм или федерализм, Анучин в беседе с будущим руководителем Советского государства ответил, что федерализм. По словам мемуариста, Ленин так прокомментировал это заявление Анучина: «Если сибирское областничество имеет хоть какую-нибудь организующую роль, если областничество не партия, а только демократический блок с лозунгом федеративного устройства России, то... то "до Твери нам по пути"».

Публикации воспоминаний о Ленине предшествовали интересные события. Их сохранившийся машинописный вариант имеет дату: «Казань, 7—12 февраля 1924 г.» Их судьбу автор описывает в письме на имя И.В.Сталина от 31 мая 1938 г. следующим образом: «При многократных отказах принять для печати мои воспомина-ния были приведены следующие соображения:

1. "Автор снизил образ Ленина — необходимо добавить моменты, рисующие его в качестве вождя" (РАПП).

2. "Ваши воспоминания ровно ничего не прибавляют к биографии В.И.Ленина" (Н.Бухарин).

3. "Для того, чтобы писать о великом человеке, нужен особый стиль и особый слог, а ваши заметки написаны косноязычным языком обывателя" (К.Радек)...»

Секретарь Сталина А.Н.Поскребышев направил письмо и воспоминания в Институт Маркса—Энгельса—Ленина, откуда Анучину было сообщено, что они будут привлечены для составления биографии Ленина².

Благожелательное отношение к воспоминаниям со стороны Института и сыграло положительную роль в решении вопроса об их публикации в литературном издании. Это был ключевой момент в судьбе творческого наследия Анучина, связанного с ленинской, а затем, что особенно важно для темы настоящей главы, и горьковской тематикой.

Ленинская тема получила дальнейшее развитие в новой публикации Анучина, появившейся год спустя в самаркандской газете «Ленинский путь»³. Автор заявил здесь, что он переписывался с Лениным на протяжении 10 лет — с 1903 по 1913 гг. Подлинники ленинских писем, по словам Анучина, оказались утраченными. Однако он предложил их пересказать по сохранившимся копиям. Вскоре этот пересказ в более подробном виде был вновь опубликован в центральной печати⁴.

Почти одновременно с этим газета «Правда» поместила информацию о том, что редакция журнала «Сибирские огни» получила для публикации 23 письма А.М.Горького к Анучину. «Это, — общал новосибирский корреспондент газеты, — наиболее интересные из всех известных писем Горького к сибирякам. В них имеется много глубоких высказываний Алексея Максимовича о Сибири и сибирской литературе»⁵. Вскоре письма Горького к Анучину увидели свет в «Трудах» Самаркандского государственного педагогического института с предисловием доцента П.В.Вильковского и комментариями жены Анучина — С.Ф.Анучиной. Предисловие сообщало, что письма Горького к Анучину за 1903—1914 гг. печатаются по копиям, снятым самим адресатом с хранившихся у него оригиналов⁶. Почти одновременно в том же виде они были опубликованы и в журнале «Сибирские огни»⁷.

23 горьковских письма к Анучину содержали поразительный по своей исторической значимости фактический материал.

Во-первых, в них имелись очень важные горьковские характеристики сибирских писателей и общественных деятелей. Так, например, о поэте и романисте Н.С.Рукавишникове Горький писал Анучину: «Книги Рукавишникова у меня есть. Изломился парень. Толку не будет. Дурно манерничает, как проститутка»⁸. Знакомство Горького с творчеством драматурга и писателя В.К.Измайлова вызвало у него «кошмарное впечатление». В то же время творчест-

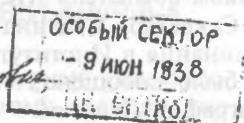

Профессор Анухин Василий Иванович
г. Самарканд, ул. Нурсатова, 97.

1

31 мая 1938г.

Многоуважаемый
Носков Вячеславович,

Подарите 20 минут памяти Ленину и тро-
скайте прилагаемое воспоминание.

Выс великий революционер и философ, Ленин су-
ществует всему миру, а потому я намеренно остано-
вился в своем воспоминании только на литературной,
характеризующей В.И. как человека, а не и в
местах становился величия.

При писании книги отложил память для памяти
мои воспоминания были правдой, следовательно, справедливы
и.и.:

1. "Автор снискал образ Ленина - необходимо доба-
вить моменты, рисующие его в качестве вождя." /И. Бурдари/
  2. "Ваши воспоминания ровно ничего не прибавляют
к биографии В.И. Ленина." /И. Бурдари/
  3. "Для того, чтоб писать о великом человеке
нужен особый стиль и особый слог, а Ваши рассказы
написаны как будто бы дедушкой обвешанном." /И. Бурдари/
  4. "И бессодержательно и бездарно." /Кочнев/
  5. "Петрера с Лениным" не может быть напечатана
в "Литературной Газете." /Заварз 1938г./
- И.и.г.

Письмо В.И.Анучина к И.В.Сталину о судьбе его
«воспоминаний о В.И.Ленине»

во писателя В.Я.Шишкова породило у Горького большие надежды: «Я, — писал он Анучину, — вполне согласен, что Шишков может развернуться в крупного писателя, но до сих пор он пишет неуверенно, оглядываясь по сторонам, и чуточку под Ремизова, словно боится быть оригинальным, самим собою»⁹.

Во-вторых, письма содержали обширный биографический материал о самом Анучине, а также горьковские оценки его научного, литературного творчества и революционной деятельности. «О вашем участии в "Красноярской республике", — писал, например, Горький, — я узнал из рассказов вашего сподвижника Ур. Он, как говорят, недоволен Вашим максимализмом, находя, что Вы перехватывали крайними предложениями, для которых мы "еще не созрели", но Вы знаете, что я неравнодушен к безумству храбрых, а потому душевный Вам привет»¹⁰. В другом письме к Анучину Горький советует ему: «Революционную работу бросить, конечно, невозможно, но еще и советую: откажитесь от научной работы ради писательства. В Вас слишком много писательского, и здесь Вы ближе к народу, больше дадите широкому кругу»¹¹. Письма раскрывали обширные творческие замыслы Анучина, в курсе которых постоянно был его знаменитый корреспондент. «Наконец-то Вы заговорили о романе, — заметил однажды Горький. — Мое мнение? Оно давно Вам известно... это превосходная мысль!

Способности у Вас большие, материалами богат как никто, — должна получиться прекрасная вещь. Одобряю, благословляю!»¹²

В-третьих, из писем Горького становилось известно, насколько важную помощь оказывал ему Анучин своими мнениями о литературных, политических и общественных процессах в Сибири и не только там. Так, например, Горький высоко оценил размышления Анучина о социалистическом искусстве, задолго до возникновения идеи социалистического реализма. «Мысль о том, что это будет и не реализм, и не романтизм, а какой-то синтез их обоих, мне кажется приемлемой, — писал он Анучину. — Да, возможно, это так и будет»¹³.

Но особенно важны для Горького оказались политические размышления Анучина. «Занимается ли Сибирь вопросами внешней политики? — спрашивал, например, он своего корреспондента. — Если да, было бы поучительно и необходимо знать, что именно думают сибиряки о деятельности российской дипломатии и администрации в Монголии, Китае и вообще на Дальнем Востоке?.. Интересно также ваше отношение к делам в Средней Азии, в частности персидским»¹⁴. В другом письме Горький нетерпеливо спрашивает Анучина: «Как Вы думаете — надолго ли успокоились японцы и что они предпримут в дальнейшем? Не будут ли обижать вашу прекрасную Сибирь? Черкните пару слов и о Китае»¹⁵. Волнует Горького, как и Ленина, близкая Анучину тема «сибирского областничества». «Является ли областничество, — спрашивает писатель своего корреспондента, — только культурным движением, или оно имеет и более острый характер?»¹⁶ Горький связывает эту

тому с разрешением проблемы будущего Сибири. Словно соглашаясь с присланными ему Анучиным размышлениями, он однажды пишет ему: «Ведь областной Думы Вам хочется? Ведь метрополия, Санкт-Петербургом именуемая, ни к чему Вам? Только грабит. А пора же россиянину учиться не давать себя грабить имперским немцам»¹⁷. В другом письме Горький сообщает своему корреспонденту: «Ваша установка по вопросу о будущем Сибири вызвала горячую дискуссию...

По этому вопросу Влуд (Ленин. — В.К.) будет Вам писать детально, а Вы к нему прислушивайтесь — это человек большого плавания»¹⁸.

Все опубликованные материалы из анучинского архива едва ли не сразу стали фактами жизни и деятельности в равной степени как самого Анучина, так и его знаменитых корреспондентов. Видимо, поэтому им была суждена долгая и славная жизнь. Так, например, письма Горького к Анучину выдержали с 1941 по 1965 гг. не меньше восьми изданий, в том числе частично — в тридцатитомном собрании сочинений писателя. Сюжеты «воспоминаний» Анучина о Ленине, ленинских писем к нему не раз воспроизводились в литературных, драматических произведениях, в исследовательской литературе о Ленине¹⁹.

Естественно, после этого и сам Анучин не был забыт. В литературе он традиционно представлялся едва ли не самым серьезным красноярским собеседником Ленина, наиболее авторитетным корреспондентом Горького из Сибири, человеком, активно участвовавшим в революционном движении в Сибири, оказавшим немалые услуги Ленину и Горькому.

Письма Горького к Анучину признавались абсолютно подлинным источником более 20 лет, пока едва ли не одновременно фигура Анучина не попала в сферу научных интересов историка Б.В.Яковлева и филолога Л.М.Азадовской.

Занимаясь сибирским периодом жизни и деятельности Ленина, Яковлев обратил внимание и на факты, приведенные Анучиным. И обнаружил, что все они никакими другими данными, кроме свидетельств самого Анучина, не подтверждаются. По его мнению, достоверность анучинских воспоминаний и писем к нему Ленина красноречиво характеризует, например, «утверждение вроде того, что автор еще в 1895 г. якобы изучал в Томске ленинский реферат "По вопросу о рынках", хотя работа эта стала известна под другим названием по рукописи, впервые обнаруженной лишь в 1937 г. — незадолго до публикации анучинских мемуаров»²⁰. Яковлев особенно подробно остановился на горьковских письмах к Анучину, используя наблюдения и выводы к тому времени еще не вышедшей в свет, но известной в рукописи статьи Азадовской²¹. А они оказались не просто поразительными, но и в высшей степени аргументированными.

Проведя тщательный розыск писем Горького к Анучину, Азадовская установила, что формально всего их насчитывается 26, в

том числе и 23, опубликованных в 1941 г. Три из них существуют в виде автографов Горького и пять — в виде машинописных копий (отпусков из личного архива писателя), выполненных на пишущей машинке, принадлежавшей Горькому. Уже это обстоятельство вызывало подозрение, хотя, строго говоря, можно было допустить, что их подлинники и отпуски остальных писем Горького к Анучину могли просто не сохраниться.

Однако эти подозрения усилились в связи с другим фактом. Как установила Азадовская, сохранились оригиналы 20 писем Анучина к Горькому за 1911—1935 гг., причем 12 из них — за 1911—1914 гг. Их подавляющая часть тесно связана по содержанию с 8 письмами Горького к Анучину, в отношении которых нет сомнений в их подлинности. И, наоборот, как установила Азадовская, «почти все горьковские письма, подлинность которых документально не зафиксирована.., никак не связаны — ни по содержанию, ни по датировке — ни с одним из двадцати сохранившихся анучинских писем»²².

Но едва ли не самым замечательным открытием Азадовской оказалось обнаруженное ею в архиве Горького собственноручное письмо Анучина писателю от 23 марта 1911 г. Вместе с ним Анучин отправлял ему свою визитную карточку, оговариваясь, что писателю, вероятно, «не приходилось слышать моего имени». Из письма следует, что корреспондент Горького впервые обращается к нему, а значит, этим письмом, пишет Азадовская, «аннулируется буквально половина всего собрания горьковских писем, датированных между 4 ноября 1903 г. и 16 марта 1911 г.», поскольку они не могли быть написаны человеком, о котором Горький узнал только после 23 мая 1911 г.²³

Не менее ошеломляющие результаты принес и анализ содержания ряда горьковских писем. В январском 1905 г. письме к Анучину Горький выражает своему корреспонденту сочувствие в связи с тем, что, как ему стало известно из газеты «Биржевые новости», Анучина избili «подлые опричники» царя. «Мое сердце с Вами, — писал Горький. — Я верю, что здесь начало конца кровавого царя. Грядут события, которые вознаградят Вас за ссылки и муки». Однако, во-первых, Анучин в газетном сообщении был назван «ординарным академиком», «профессором», человеком «престарелого возраста», каковым являлся в действительности однофамилец Василия Ивановича — Д.Н.Анучин. Это не могло бы не удивить Горького, если бы он тогда был знаком со своим корреспондентом. Во-вторых, с 12 января 1905 г. Горький находился в заключении в Петропавловской крепости, где только с 25 января ему были выданы письменные принадлежности. И, наконец, в-третьих, невозможно представить, чтобы в письме, посланном из Петропавловской крепости, автор открыто мог написать «о начале конца кровавого царя»²⁴.

В еще одном горьковском письме — от 14 октября 1908 г. — автор делился своими переживаниями по поводу газетных сообще-

ний о смерти теперь уже «молодого, подававшего надежды» сибирского ученого Анучина. Однако такие сообщения в ряде газет появились только в июле 1910 г., т.е. почти спустя два года после этого письма Горького. Точно так же в еще одном письме к Анучину (от 7 февраля 1904 г.) Горький благодарит своего корреспондента за присланную книгу «Сибирские легенды» и статью «Материалы к областному словарю сибирского наречия», увидевшие свет лишь спустя полгода²⁵.

В письме от 7 июня 1909 г. Горький сообщал о полученной им от одного из корреспондентов — сибирского писателя Г.А.Вяткина — «вырезке своей рецензии» на все те же «Сибирские легенды», опубликованной в журнале «Сибирский наблюдатель» за 1903 г. Однако документально установлено, что переписка Вяткина с Горьким началась только через три года после этого письма Горького к Анучину.

В письме, датированном 1910 г., Горький просит прислать на Капри на имя бывшего издателя и редактора «Журнала для всех» В.С.Миролюбова один из рассказов Анучина. Однако Миролюбов прибыл на Капри только 4 марта 1911 г., и, следовательно, Горький не мог делать ранее Анучину столь странное предложение²⁶.

Письмо Горького от 19 февраля 1913 г. сообщает о получении им ряда материалов для намеченного к изданию «Сибирского сборника». Писатель особо выделил среди них рассказ Гл.Байкалова и «этюды» Бахметьева. «Пожалуйста, напишите возможно подробно — кто такой ваш Байкалов, и передайте ему привет», — просил Горький и далее продолжал: «Сообщите подробности и о Бахметьеве, он тоже далеко пойдет — далеко!» Гл.Байкалов — это псевдоним известного писателя Ф.Гладкова, с ним и его творчеством Горький был знаком еще с 1901 г. По этой причине Гладков просто не мог быть для Горького в 1913 г. неизвестным автором. Письмо вообще грубо передергивает факты, связанные с историей подготовки «Сибирского сборника», зафиксированные в подлинных письмах Анучина к Горькому. Из них следует, что, по крайней мере, до апреля 1914 г. Горький не мог ознакомиться ни с какими материалами, предлагавшимися к изданию в «Сибирском сборнике»²⁷.

Как показала Азадовская, почти в каждом из опубликованных горьковских писем к Анучину имеются «недостовверные даты, не совпадающие с реальным положением вещей вопросы или утверждения». Они убедительно свидетельствуют о фальсифицированном характере источников, долгое время использовавшихся в литературе.

Казалось, доказательства Азадовской выглядели исчерпывающими, что нашло свое отражение в позднейшей литературе о Горьком. Однако сравнительно недавно ее выводы были подвергнуты серьезной ревизии в серии работ Е.Н.Никитина²⁸.

Прежде всего Никитин оспаривает один из главных аргументов Азадовской — дату первого письма Анучина к Горькому, полагая,

что в письме имеется описка: вместо 1901 г. Анучин поставил 1911 г. Основание для такого заключения более чем серьезное: в письме указан адрес места жительства Анучина (Санкт-Петербург, ул. Канонерская, д. 21, кв. 19), по которому в 1911 г. Анучин точно не проживал. Однако примечательно, что сам Анучин неоднократно заявлял о наличии у него всего 23 писем Горького за 1903—1914 гг.²⁹

Следующий аргумент Никитина — история первого неудавшегося издания писем Горького (из-за смерти последнего в июне 1936 г.) к Анучину в «Литературном наследстве». Она говорит о том, что все 23 письма Горького в виде подготовленной публикации уже в апреле 1935 г., т.е. при жизни Горького, находились в редакции «Литературного наследства». Автору кажется невероятным, чтобы Анучин пошел на их подлог при здравствующем Горьком, с чем трудно не согласиться. Однако Никитин полностью обходит другие аргументы Азадовской, приведенные нами выше.

Итак, кажется, мы зашли в тупик в отношении подлинности или подложности писем Горького к Анучину. Чтобы хотя бы наметить тропинку для выхода из этого тупика, приглядимся внимательнее к личности и судьбе Анучина, в которую удивительно непостижимым, на первый взгляд, образом оказалась «вплетена» переписка с Горьким.

Кажется, этому человеку фатально не везло. Он пытался стать писателем — получился ниже чем средний бытописатель, автор мало кому известных «Рассказов сибиряка», повести «По горам и лесам». Он пытался прославиться трагедией «Красноярский бунт», над которой работал много лет, но она так и осталась нигде не изданной и не поставленной на сцене. Он задумал роман, действие которого происходило «на фоне социально-мессианского ожидания Азии», — получилось многословное произведение, оставшееся в рукописи как памятник авторскому трудолюбию, не больше. Он мечтал прославить свое имя трудами в области этнографии, антропологии, фольклористики Сибири — и стал автором и издателем посредственных брошюр, статей и сборников «Сибирские легенды», «Сибирские сказки», «Дедовщина в Сибири», «Енисейские сказки», «Сказания». Он потратил много сил и времени на издание собственных газет и альманахов — получалось все вымученно, нескладно, заканчиваясь неизменной неудачей. Охваченный очередной яркой идеей, он надеялся открыть и сформулировать новый «социальный закон», в котором пытался связать народные движения с максимумом пятен на Солнце, — вышла примитивная компиляция из трудов предшественников. Он хотел быть организующим центром историков, этнографов, литераторов Сибири — и вместо этого в конце жизни был вынужден вести долгий и изматывающий процесс со своими коллегами по Самаркандскому педагогическому институту в связи со своей деятельностью как председателя жилищно-строительного кооператива «Научный работник». Судьба, словно издеваясь над ним, сделала его всего лишь

однофамильцем действительно крупного этнографа и антрополога академика Д.Н.Анучина, вынужденного не раз поправлять научные выводы и методы работы своего младшего коллеги. Словно зло шутя над ним, судьба даже подарила ему за 30 лет до смерти печатное сообщение о его гибели в Туруханском крае, которое само-му же пришлось и опровергать.

И все это — на фоне многочисленных предприятий, энергичных, порой раздражавших современников действий, грандиозных замыслов. Василий Иванович Анучин (1876—1942), наверное, к концу своей жизни не мог не чувствовать огромной усталости от пережитого, неудовлетворенности от нереализованного. Впрочем, это, вероятно, было следствием отсутствия таланта при нелегком характере, неизменно приводившем к конфликтам с окружающими людьми. Помимо усталости было и нечто такое, что заставило его отчаянно покинуть любимый сибирский край, с которым он связывал свои честолюбивые надежды, устроиться скромным преподавателем физической географии в Самарканде и молчать, долгие годы молчать.

Впрочем, не всегда. Сохранился ряд документов, характеризующих странный эпизод в жизни Анучина первых послереволюционных лет.

21 марта 1921 г. Томская губернская чрезвычайная комиссия сообщила Ф.Э.Дзержинскому о том, что два дня назад гражданин Анучин обратился в ЧК и в губернский партийный комитет. Суть обращения заключалась в следующем. Некое доверенное лицо белогвардейского барона Унгерна доставило ему письмо последнего. В этом письме от имени военного командования Анучину предлагалось «принять на себя тягостное бремя управления Сибирью», став «Президентом Республики Сибири или Председателем Совета Министров, в зависимости от Конституции» будущего государства. Но не только предложение оказалось поразительным. Поражали аргументы, которые приводил Унгерн: «А) Вы, за смертью Г.Н.Потанина, единственный человек, широко популярный в Сибири. Вас знают буквально от Урала до Камчатки и от Монголии до Лед[овитого] океана.

Б) При последних передвижениях наших частей по Сибири мы осведомились, что Вас знают и о Вас любовно говорят в самых глухих деревнях.

В) С Вашим именем сильно считаются и Вам лично готовы доверять наши друзья американцы.

Г) К Вам с глубоким уважением относится наш враг В.Ленин.

Д) Ваша идея об Азиатской Федерации имеет много друзей и горячих сторонников в Корее, Монголии, Китае и Индии.

Е) Вы единственный, кто может объединить вокруг себя многих.

Ж) Ваш отказ повлек бы за собой все ужасы министерской чехарды жадных до власти, но ни на что творческое не способных людей»³⁰.

Ответ Анучина Унгерну был полон достоинства: «Оставаясь при мысли, что применением насилия можно породить только новое насилие, что штыком и пулеметом можно только разрушать, но не создавать, я, естественно, не могу разделять надежд на вооруженное восстание, хотя бы и успешное.

По существу переданного Вами предложения я считаю долгом дать категорический ответ и сообщить, что абсолютно не пригоден на предлагаемую роль и отказываюсь от нее — по той причине, что я совершенно отошел от политической деятельности с намерением никогда к ней не возвращаться»³¹.

Томская губернская ЧК немедленно провела оперативную работу по сбору сведений об Анучине. Оказалось, что Анучин — человек способный, обладает большими познаниями, но склонен к прожектерству и с большим неудовольствием относится к тому, что ему пришлось сойти с политической и общественной арены... Анучин склонен ко всяким неожиданным поступкам. В настоящее время он творит новую религию — "твори радость"³².

По распоряжению Дзержинского копии писем Анучина и барона Унгерна «для сведения» были направлены всем членам ЦК ВКП(б), в том числе Ленину, на «хорошее» знакомство с которым Анучин ссылался при встрече в ЧК³³.

К сожалению, нам не удалось обнаружить продолжения «дела» о «президентстве» Анучина в «Республике Сибирь». Но одним из его последствий стала постановка его героя «на учет» в Томской губернской ЧК. Было ли действительно обращение барона Унгерна к Анучину? Ответить на этот вопрос сложно, т.к. подлинника его письма обнаружить не удалось, хотя он, как можно понять, существовал. Если было такое обращение, то фактический «самодон» Анучина мог стать его реакцией на возможную провокацию со стороны ЧК, которая, как показывают документы, отсутствовала. С другой стороны, мы вправе предположить, что это мог быть один из тех «неожиданных поступков», о которых сообщалось в письме Томской губернской ЧК. Во всяком случае, в военно-политической обстановке 1921 г. предложение барона Унгерна выглядит довольно странно, особенно если учесть, что в его основе — не суть будущей государственной деятельности Анучина, а его собственная характеристика, которая могла быть «автохарактеристикой», призванной привлечь к себе внимание.

Сохранились автобиографические воспоминания Анучина за этот и еще один, более поздний, периоды жизни. Если верить им, в марте 1922 г. произошло его «единственное, но очень тяжелое по последствиям столкновение с Советской властью». Человек, по его собственному свидетельству, сидевший при царской власти 17 раз в тюрьме и 7 раз отбывавший ссылку, на одной из партийных конференций обвинил начальника секретной части Томской губернской ЧК в распродаже белогвардейцам нескольких вагонов военного снаряжения. Якобы после этого последовал немедленный арест. «Или меня вызывали к следователю только для того,

чтобы ложно сообщить, что моя жена уже вышла замуж. Или под вечер ко мне являлся кто-нибудь из Чека и сообщал, что, согласно приговора, утвержденного Москвой, я сегодня буду расстрелян». «Меня несколько раз били, — свидетельствовал Анучин. — Мне рукоятью нагана вышибли шесть зубов. В декабре при сорокоградусном морозе вынули на всю ночь раму из камеры...»³⁴

В 1923 г. Анучин был выслан на 3 года в Казань, где, однако, занял должность профессора Казанского университета. Здесь, по его собственным словам, сотрудниками ВЧК у него были изъяты подлинники 16 писем Ленина за 1903—1913 гг.

Спасаясь от постоянных угроз ареста и ссылки то в Архангельскую, то в Тверскую губернии, находя поддержку то у Ф.Э.Дзержинского, то у П.А.Красикова, Анучин в конце концов в 1928 г. обосновался в Самарканде.

Именно здесь, приблизительно в 1933 г., и произошла бывальская история с ЖСК «Научный работник». Анучин начал «разоблачать воров» в кооперативе, результатом чего стал судебный процесс, едва не приведший к его осуждению. Можно понять состояние нашего героя, когда председатель кооператива, некий Гуревич, объявил, что Анучин — беглый поп, ограбивший подлинного профессора Анучина и живущий по документам последнего³⁵.

На фоне кооперативного скандала и началась история с письмами Горького. Анучин в письме к В.Д.Бонч-Бруевичу описывает ее следующим образом. Уже якобы после того как он подготовил их публикацию и отослал ее в «Литературное наследство», по Самарканду поползли слухи «о письмах Горького, в которых он якобы поносит Ленина (!)». «Я ничего не понимал, — пишет Анучин, — так как ни о письмах, ни о работе для "Литературного наследства" никому не сообщал. Впоследствии выяснилось, что слухи пустил некий Гуревич... Меня полуофициально спросили: имею ли я письма Горького? Я ответил утвердительно. После этого выступил все тот же Гуревич и публично обвинил меня в самозванстве, упирая на то, что у Горького была переписка с В.А.Анучиным, а не со мною (В.И.)...

Затем ко мне нагрязнула комиссия Сов[етского] контроля, проверила все мои документы и дипломы, тщательно ознакомилась с моей библиотекой и, наконец, потребовала предъявить письма Горького.

Они лежали на столе. Один читал вслух копии, другой следил по оригиналам, третий делал заметки в блокноте. Кончили. Дальше такой разговор:

- Зачем у Вас сделаны копии?
- Для печати.
- Неужели Вы не понимаете, что этих писем нельзя опубликовать?
- Почему?
- Высказывания Горького против смертной казни, о буржуазной философии, об областниках и т.д. **неправильны**. Он давно от-

казался от таких троцкистских идей. Хранить (а не только оглашать) такие письма — деяние антисоветское; Вы должны были давно их уничтожить.

Забрали экземпляр копии и, еще раз припугнув, уехали...

Через 2—3 дня ко мне явился человек в форме и с билетом НКВД. Потребовал письма Горького, долго читал... и наконец заявил, что он письма конфискует. Я отказался отдать их, требуя ордера на конфискацию.

— А, так?! Хорошо! Мы возьмем их через два часа, да кстати и Вас прихватим! Давно в подвале не сидели?»³⁶ Расстроенный, Анучин уничтожил горьковские письма; случайно остались лишь два из них в оригинале: они «были на столе у жены для выписок»³⁷.

Сохранились письма-запросы Бонч-Бруевича в НКВД, прокуратуру и Самаркандский горком ВКП(б). В них содержались высокие характеристики революционных и научных заслуг Анучина и очень жесткие требования принять меры к охране покоя своего подзащитного³⁸. Ответ начальника самаркандского сектора НКВД Бонч-Бруевичу сводил положение Анучина к его «неполадкам с жилищным кооперативом. Встретившись с Анучиным, он выяснил, что «никакого гонения со стороны местных властей по отношению к Анучину не имело места»³⁹. Зато иного мнения придерживалась комиссия партийного контроля, констатировавшая в своем ответе Бонч-Бруевичу: «Сведения, изложенные в Вашем письме, в основном подтвердились»⁴⁰.

Почти одновременно с этим Анучин дважды (в марте и апреле 1935 г.) обращался за помощью и к Горькому. Ответные письма Горького нам неизвестны.

Но и враги Анучина не дремали. 24 июня 1936 г. правление жилищного кооператива «Научный работник» также обратилось к Горькому с просьбой «возобновить в памяти Вашей переписку в 1907—1912 гг. с Анучиным Василием Ивановичем, если эта переписка действительно имела место»⁴¹. По словам авторов письма, Анучин «предъявил в редакцию "Правды Востока" (местное отделение) Ваши письма к нему, написанные еще в 1907 или 1912 году, в коих Вы, Алексей Максимович, сообщаете ему якобы о том, что Владимир Ильич Ленин прочитал произведения Анучина и восхищен ими, а также выражает желание лично повидать Анучина и т.д.» У сослуживцев Анучина его переписка с Горьким вызвала сомнения, поскольку, как сказано в их обращении к Горькому, тот не только своим коллегам, но даже на суде и в прокуратуре не смог показать оригиналов писем, объясняя это тем, что «в минуту горя он уничтожил письма к нему М.Горького», успев, правда, снять с них копии.

В ответном письме Горький подтвердил, что «давно когда-то, еще до Октября 17 г., я действительно переписывался с Анучиным-этнографом, автором работы о шаманизме, имя и отчество этого Анучина я не помню...»⁴² Письмо Горького, казалось бы, все

ставило на свои места: оно подтверждало факт его переписки с Анучиным, хотя последний и не выглядел столь значимой фигурой, как в опубликованных позже письмах Горького к Анучину.

Теперь нам следует попытаться установить бесспорно имевшие место факты. Факт первый: Анучин состоял в переписке с Горьким и имел у себя подлинники горьковских писем к нему. Факт второй: из общего комплекса писем Горького к Анучину часть их представляет собой машинописные копии. Факт третий: Анучин смело пошел на публикацию всего комплекса горьковских писем еще при жизни писателя. Факт четвертый: подготовка и легализация писем Горького случились в очень тяжелый период личной жизни Анучина, в сложнейший и мрачный период общественно-политической истории СССР, точно так же как и написание воспоминаний о Ленине, — в 1924 г., когда, спустя три года после эпизода с письмом Унгерна и его постановки на учет в губернской ЧК, он был арестован.

Какие выводы или, более осторожно говоря, предположения, мы можем сделать из этих четырех бесспорных фактов?

Первое. Анучин, имея на руках, по крайней мере, два подлинных письма Горького к нему, мог демонстрировать их любому, говоря о своей «переписке» с писателем, и даже, ссылаясь на них, обращаться к нему с просьбой о помощи. Это значит, что, «прикрываясь» подлинными письмами, он мог какую-то часть остальных придумать в виде машинописных копий.

Второе. Обращают на себя внимание обстоятельства утрат оригиналов писем Горького и Ленина к Анучину: и в том, и в другом случаях они оказались чрезвычайными и очень похожими. Письма Ленина изымает ЧК, и они в 1924 г., когда ленинское эпистолярное наследие начинает активно собираться, бесследно исчезают в архиве ЧК. Сценарий утраты писем Горького почти аналогичен: ГПУ вот-вот должно было изъять письма, и перед угрозой этого Анучин их уничтожает сам, оставляя тем не менее их копии, — странный поступок, лишивший Анучина неких юридических доказательств достоверности его слов о связях с Горьким.

Третье. Вполне допустимые изъятия карательными органами оригиналов писем Ленина и Горького, однако, почему-то не распространяются на их копии, содержавшие столь же «неправильные» мысли, как и их оригиналы. Почему же тогда они остаются в распоряжении Анучина?

Четвертое. Легализация писем Ленина, написание воспоминаний о нем, легализация писем Горького и воспоминаний о Ленине совпадают с тяжелыми эпизодами в личной жизни Анучина, когда подвергалась опасности его свобода.

Читатель, надеюсь, поймет автора. Он, как и автор, имея некоторое представление о деятельности карательных органов советской власти, вправе больше поверить Анучину. Но автор не имеет права рассуждать категориями веры и берет на себя научную и моральную ответственность сделать вывод: совокупность всего рас-

смотренного материала дает основание выдвинуть гипотезу о том, что Анучин сфальсифицировал часть своей переписки с Горьким и Лениным и стал организатором и инициатором легализации своих подлогов. Это прекрасно видно из его писем к писателю, критику, литературоведу и главному редактору журнала «Сибирские огни» С.Е.Кожевникову. Они показывают, как последовательно автор фальсификаций сумел обмануть своего корреспондента и заставить его стать своим «менеджером», добровольной и преданной «рекламной лошадкой»⁴³.

Что же за цели преследовал Анучин, изобретая свои подлоги? Для ответа на этот вопрос внимательно посмотрим на то, каким на их страницах предстает перед читателями корреспондент Горького. Это революционер, в юности сумевший организовать бунт семинаристов в Томске, затем, во время Первой русской революции, ставший одним из радикальных лидеров в руководстве «Красноярской республики», человек, встречавшийся с Лениным в Красноярске. Это известный общественный деятель Сибири, один из идеологов «сибирского областничества» как общественного движения за превращение региона в особый субъект России (СССР). Это крупный мыслитель, посвятивший себя изучению глобальных проблем мировой и региональной истории, свободно ориентирующийся в философских учениях от Конфуция до современности. Это известный ученый — антрополог, этнограф, фольклорист, труды которого высоко ценили Горький и Ленин, постоянно прибегая к его советам. Это, наконец, признанный писатель, которому по плечу не только написание романа-эпопеи, но и формулирование опередивших время мыслей о теории социалистического реализма в литературе и искусстве. Иначе говоря, «ленинские» и «горьковские» оценки личности и деятельности Анучина рисуют нам человека, имеющего научные, общественно-политические, литературные, организационные заслуги, долгие годы неизвестные его современникам или забытые ими.

Письма Анучина к Кожевникову за декабрь 1940 г. — июнь 1941 г., как представляется, дают по крайней мере частичный ответ на вопрос, для чего Анучину потребовались фальсификации. Анучин страстно мечтал о публикации своих стихов и романов «Волхвы», «Азия для азиатов», «Красноярский бунт». Увы, с публикациями ему не везло. Доморощенного философа и провинциального писателя упорно не хотели признавать ни в центральной печати, ни в издательствах Сибири. Трудно сказать, в чем скрывалась причина столь злосчастной судьбы творчества Анучина: в его ли профессиональном неумении или же в неспособности вписать свое творчество в строгие каноны литературы социалистического реализма. И тогда Анучин решил использовать мнения ушедших из жизни авторитетов. Надо сказать, что поначалу это ему удалось. По его собственному свидетельству в письме к Кожевникову, после появления в «Правде» заметки о письмах к нему Горького «на меня посыпался град предложений об издании их, — одиннад-

цать предложений!»⁴⁴ Дальше — больше. 26 февраля 1941 г., когда «ленинская» и «горьковская» линии связей Анучина уже были изрядно прочерчены на страницах многих журналов и газет, он сообщил тому же Кожевникову еще более радостную весть: «Получил от одной из толстых редакций телеграмму, просят спешно выслать роман («Волхвы». — В.К.); получил письмо от издательства, просят спешно выслать всю продукцию; получил милые письма от института М.Э.Л. и от музея им. Горького. А вчера по радио передавали мою биографию». И как самый важный итог усилий Анучина по фальсификации в этом же письме содержится его признание: «Почти четверть века я сидел тихо, скромно и молчал о встречах, переписке и о своих литературных произведениях — и никто мною не интересовался, а теперь, на старости лет, столько внимания»⁴⁵.

Анучин мог торжествовать. Но судьба в очередной, теперь уже последний, раз отвернулась от него, лишив реальной надежды на издание написанного. Великая Отечественная война изменила приоритеты, шансов быть изданным не стало. Но и в новых условиях он мечтал о признании и бессмертии. Последнее ему удалось больше. Анучин успел передать свой архив в Государственный Литературный музей⁴⁶. Для потомков остался «след» маленького, честолюбивого и очень невезучего человека.

И все же в чем-то этот человек оказался выше своих современников. Это «что-то» — изобретенный им «жанр» подлогов. Как кажется, Анучин решил посмеяться над своими советскими современниками. 20 декабря 1940 г. он написал в редакцию журнала «Сибирские огни» замечательное письмо. Внимательно вчитаемся в некоторые его строки. «Когда лет 7—8 тому назад Истпарт предложил мне написать воспоминания о встречах и совместной работе с видными революционерами, я охотно принял это предложение.

Будучи не подготовлен к подобной работе, я решил подковать-ся в отношении техники и засел за штудирование разных авторов, писавших воспоминания. Проработал около двадцати книг — и у меня навсегда пропало желание писать воспоминания.

Все эти мемуары, все без исключения, страдают одним и тем же тяжелым пороком. Всегда получается так, что воспоминатель, нередко третьестепенная величина во всех отношениях, оказывается обязательно в центре, а вокруг него начинают вращаться, как планеты вокруг Солнца, таланты, знаменитости и крупные люди.

Получается претенциозно и комично.

Второе соображение: воспоминания — несомненно труднейшая литературная форма. В них неизбежно выявляются отношения автора к воспоминаемому лицу.

На мой взгляд, воспоминания нужно писать так, чтоб в отношении, скажем, любимого персонажа в книге не было ни похвалы, ни комплиментов, ни панибратского похлопывания по плечу, но чтоб в то же время читатель чувствовал теплое, любовное отношение к данному лицу. Какой-то внутренний согрев нужен»⁴⁷.

Автору книги кажется, что читатель просто обязан еще раз внимательно прочитать эти строки Анучина. Думается, что после этого можно сделать, по крайней мере, два вывода. Вывод первый. С неожиданной для 1940 г. смелостью тот заявляет, что по меньшей мере 20 опубликованных книг о революционном движении в России не заслуживают никакого доверия. Такое заключение — это приговор той официальной мемуарной историографии, которая пышным цветом расцвела в годы сталинизма. Вывод второй. Автор письма свидетельствует о том, что он будет действовать так же цинично, но в более цивилизованных формах. Подлог истории, подлог прошлого он мечтает осуществить не в уязвимой мемуарной, а в более изощренной форме. И он искал и нашел эту форму.

«Письма» к Анучину Ленина и Горького — продукт не только честолюбивых и меркантильных интересов автора фальсификации. Это — циничный продукт эпохи, в которой жил фальсификатор, судя по всему, далеко не глупый человек, понявший, что его эпоха востребовала ложь, но не желавший, чтобы она была примитивной или, во всяком случае, облекалась в примитивную форму. Это, наконец, и способ самозащиты человека со сложной судьбой и характером от тоталитарного государства. Этот способ оказался эффективным, поэтому в данном случае мы воздержимся от осуждения фальсификатора.

Глава 6.

«Древностелюбивые проказы» новейшего времени

Читатель, возможно, изрядно устал от рассказов о фальсификациях исторических источников, связанных с историей новейшего времени. Попытаемся немного отвлечь его в нашем повествовании сюжетами о подлогах древних документов, тем более что в XX в. вдруг появилась целая серия таких фальсификаций.

В начале 50-х годов общественность страны была немало взволнована появлением работ уже известного в то время писателя-мариниста Константина Бадигина, посвященных истории российского мореплавания и российских географических открытий. Одна из них была издана в двух январских номерах газеты «Красный флот» за 1951 г.¹ Говоря о плаваниях россиян в начале XV в. на Новую Землю и в Карское море как о вполне само собой разумеющемся деле, Бадигин здесь впервые упомянул для подтверждения своей точки зрения целый ряд дотоле никому не известных источников. Он писал, что ему «известен весьма древний документ, относящийся к первой половине XV в. Этот манускрипт, ранее хранившийся в библиотеке Соловецкого монастыря, называется "Си книги уставець окиану-морю. Хождение Иваново Олельковица сына Ноугородца"».

В подтверждение достоверности существования этого исторического персонажа Бадигин привел выдержки из вкладных книг Соловецкого монастыря 40—70-х годов XV в. Первая запись свидетельствовала о том, что дочь Ивана Новгородца в качестве вклада в монастырь передала «...книги кожаны и бумажны... Шесть книг его, Иванова письмо, оприче тетради», среди которых, по мнению Бадигина, находилось и «Хождение». Запись о втором вкладе той же дочери свидетельствовала: «Овдокия, Олферьева жена, а Иванова дочи, новгородка, дала Святому Спасу и угодникам его Саватею по отцы своем, по Иване две избы станowych в Кармакулах, да на Каре изба становая. Да кожи моржеви, что в Суме, и танки, то все Святому Спасу на Соловки». Третья запись зафиксировала вклад уже самого Ивана Новгородца: «Дал Иван Ноугородец... игумену Зосиме с братиею по отцы своем по иноке Олександре (а мирское имя Олег) лодью оснащenu с якори, да чеи две: чепь двадцать сажен, да чепь 17 сажен...» Еще один приведенный писателем текст представлял собой цитату, как писал Бадигин, из «древней летописи "Житие Варлаама Керетского" (XV в.)», свидетельствующую о том, что древнерусские кораблестроители учили своему искусству варягов: «... но и род его хожаше

в варяги, доспеваше им суда на ту их потребу морскую, и тому судовому художеству дружелюбно учаше».

Эта популярная статья с приведенными цитатами из древних источников, вероятно, осталась бы незамеченной — во всяком случае, значимость приведенной в ней информации соответствовала публикации в «Правде», а не в газете «Красный флот». Однако год спустя она была опубликована уже в значительно расширенном и переработанном виде в качестве специальной главы исторического очерка того же автора «Русские северные мореходы», приложенного к его повести «Путь на Грумант», изданной 90-тысячным тиражом². «Хождение» Ивана Новгородца здесь названо «исключительно важным документом, по которому можно судить о русском северном мореходстве 500—700 лет назад». Однако здесь дается уже несколько отличное от первоначального название этой рукописи — «Си книги оуставецъ акияна моря русьского и воде и ветром. Хожение Иванново Олельковича сына Ноугородца»³. Впервые здесь же приводятся более подробные сведения и о происхождении рукописи. По словам Бадигина, она когда-то хранилась в Анзерском скиту, во втором десятилетии XX в. оказалась в библиотеке Соловецкого монастыря, где была частично скопирована писателем Б.В.Шергиным. Он-то и поделился своей находкой с Бадигиным. Сообщает Бадигин и более подробные сведения о самой рукописи. По его словам, в ней находится рассказ о встрече Ивана Новгородца с основателем Соловецкого монастыря Савватием и скорой смерти последнего. Это позволяет датировать памятник первой половиной XV в., поскольку известно, что Савватий умер в 1435 г. Из дальнейшего рассказа Бадигина и приводимых им цитат ясно, что «Хождение» Ивана Новгородца представляло собой сложный в жанровом отношении исторический документ. Это были одновременно автобиографические записки, мемуары, древняя лоция, лирическое произведение, описывающее северные морские красоты, записи рассказов его современников об опыте мореплавания, этнографические зарисовки северных народов.

Из автобиографической части «Хождения» мы узнаем о существовании целой династии новгородско-поморских мореплавателей Амосовых, ведущих свое дело с XIII в.: прапрадед Амос Корвинич, прадед Федор Амосович, дед Трифон Федорович, отец Олег Трифонович и два его сына — Иван Новгородец и его брат Федор.

«Хождение» содержит детали жизни и деятельности прапрадеда Ивана Новгородца, который уже в конце XIII в. «имел обычай морем идучи и по мысом, на заворотех и ново ставя на путине розметы мореходцемь. Чьто приметы в камне кладены на Опь на губе, на Карских плещех, у Вайгацьких бльванов да с Варанедя по кошкам на русьский на заворот, та вся его съставление...» Здесь же сообщается о стычках Амоса с норманнами: «Съжгоша нурманя

тому Омосу стан на Лопьском. И, того же лета, дошед Омос Ютты четырьми лодьи и отожгли противу. Сожгли передогородье все»⁴.

Колоритная запись «Хождения» касается отца Ивана Новгородца, который «...был правил Ольг Труфанович старейшину Неревскую из срока в срок, без поману клали на него излюб коняна», т.е. в течение многих лет избирался старостой Неревского конца Новгорода.

По словам Бадигина, «Хождение» начинается утверждением автора о его регулярных морских походах на восток и вокруг Скандинавского полуострова. «Скажу пути своя морьския, — пишет он, — которыми тружуся, дея промысл и до дньесь. Ходил есми от възвода сънца и до запада. От Печеры и от Матицы, от шара и до Готцького берега. Неизмерьна морская широта. Ти широкие пути не собоу измыслих: дедень и правдень след слею»⁵. Но это, согласно «Хождению», были не просто торговые плавания. Продолжая гидрографические работы своего прапрадеда, Иван Новгородец, в частности, сообщал: «Да и андвиськым губам обод яз вымерил. Та всяя пути, которыми ходил от юности, та всяя пути в число есми положил. И устав воде и ветромь сметил по сили ж»⁶. При этом Иван Новгородец успевал любоваться красотами северного края. Вот как он, например, описывает свое плавание по Белому морю: «Уже неделя верьная. Инде торосит, инде порят воды. Ратятся в губе морская прибылая и двинская быстрь вешняя. Морьский полой бежит в лето, а речной встреч. Суды же меж торосы, акы меж жорновы. Пуще нам Карськия невзгоды. Перенимались в тот берег да в другой берег»⁷.

Впрочем, еще чаще мореходу приходилось вступать в борьбу с грозными силами природы. Возвращаясь из Любека в Белое море, он был застигнут штормом и остановился на ремонт в устье реки Пялицы. «А от Пелицы, — пишет он, — аки гусь обранен полетить не могл». Он предупреждает своих соратников по морским плаваниям: «Ти губицы Терськия зимовье негораздо. Невеликыи суды о большой о воде зайдут в губу. А о малой выкатят в береги, на городкы»⁸.

Мореплавателям приходилось встречаться и с постоянными противниками — варяжскими пиратами. От них терпел большой убыток еще прапрадед Ивана Новгородца. Деда же новгородский архиепископ Василий, отпуская на промысел с дружиной, «кроме ратного доспеху отнюдь ходити не веляше». Иван Новгородец также имел немалый опыт общения с варягами. В «Хождении» он свидетельствовал: «По конци, по дедни яз друзину поновил. Тут ряд рядил, а молвя: Оже пойдем в варяги, а чем блюстися? Они же молвя: Иване Ольгович, мы навыкли, да нас варяги ся блюдут»⁹. Однако, несмотря на то что варяги боялись новгородцев, те все же предпочитали избегать встреч с ними. «И обойденном Нурман межю льды, — вспоминал Иван Новгородец. — Да и обрат правом дождався есени. А море бе тьросовато не в обычай. И далече идучи, их дымы видехомь, а в нощи огни; поход наш сведав и

своим си вести подают. А теснитись в наш, в лодейный след их кораблем не можно. Борзы на живой воде, ледовита же пути не любят»¹⁰.

Трудности и опасности морских путешествий Ивана Новгородца вознаграждались открытием ранее неведомых мест: «В иной губице а не была ступала нога человеческая. Токмо птичии гласы, аки говор многога народа. И задвенном местом безыменным поведали имена... Вся та места покорил Бог русьскому языку, а вере крестияньской, а вьлости новьгорочкой»¹¹.

Таким образом, приведенные Бадигиным цитаты из «Хождения» рисовали яркую картину ледовых плаваний древних россиян, их пылкий ум, жажду познаний, мужественную, подчас смертельно опасную деятельность по освоению северных морских просторов. Они не утратили высоких человеческих качеств. В этой связи, по словам Бадигина, «Хождение» зафиксировало рассказ кормщика Ольфоромея Ненокшанина о торговле новгородцев с жителями северного побережья. Кормщика возмутил поступок некоего Борислава, который не стал платить полностью за песцовые шкуры. «Ольфоромей, — пишет Иван Новгородец, — молвя так: господо купцы, не гораздо сделали! И яз молвил: господине Бориславе, то ты нашу правду во весь берег изгубил! А закастил Омосов род!»¹²

Комментируя эти и ряд других выписок из «Хождения», Бадин старательно пытался извлечь из них сведения, напрямую относящиеся к теме его исследовательских интересов. По его словам, сочинение Ивана Новгородца замечательно тем, что дает возможность определить район ранних плаваний россиян на восток и на запад от Белого моря, характер их гидрографических работ, технологии ледового судостроения, искусство судовождения и т.д. Все это позволяло Бадину сделать ряд важных выводов, касающихся древнерусской морской культуры: Иван Новгородец и его предки намного опередили иноземных путешественников в освоении Арктики — строили корабли, превышавшие размерами, технической оснащенностью, скоростными качествами западноевропейские суда. «Из всего приведенного, — пишет он, — должно быть ясно значение книги "Хожение Иванново Олельковича сына Ноугородца" для нашей морской истории. Можно только пожалеть, что пока нам известны лишь выписки из этой книги, сохранившиеся у частного лица. Надо надеяться, что будет обнаружен либо в подлиннике, либо в одной из копий полный текст этого замечательного памятника русской культуры»¹³.

Через год после выхода книги «Путь на Грумант» с очерком об Иване Новгородце состоялось официальное признание открытия Бадигина. В 1953 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук, в которой значительное место было отведено «Хождению». Автор писал, что «подлинника или вполне надежной копии этого документа мы пока еще не имеем», однако в его распоряжении находится экземпляр «Хожде-

ния», возможно, «с искажениями, допущенными переписчиком». Решив таким образом проблему подлинности известного ему списка памятника, Бадигин далее категорически заявил, что не приходится сомневаться и в достоверности, точности сообщаемых им данных. Как и в книге «Путь на Грумант», доказывая это, он ссылается на упоминание посещения неким новгородским купцом Иоанном Савватия Соловецкого в 1435 г., зафиксированное в реально существующем во многих списках «Житии» Савватия, и на вкладные записи Соловецкого монастыря с упоминанием в них вкладов Ивана Новгородца и его жены.

Научная общественность достаточно критически отнеслась к открытиям Бадигина. Рукопись диссертации вместе с приложениями к ней фотографиями «копии с древнерусских рукописей и миниатюр», древней карты и фрагмента иконы были направлены директором Арктического научно-исследовательского института в Институт русской литературы на экспертизу. Экспертиза была уничтожающей. Специалисты в области палеографии и древнерусского языка нашли, что «все эти материалы представляют собой грубую современную подделку. Почерк, якобы XVI века, содержит начертания букв, не существующих в реальных рукописях ни этого, ни более раннего, ни более позднего времени. Миниатюра выполнена приемами современной живописи. Подделкой, неудачно использующей отдельные старинные мотивы, является карта и фрагмент иконы.

Что касается отрывков из текста "Хождения...", то даже при беглом с ними ознакомлении несомненна их поддельность. Использование в них разнообразных (подлинных. — В.К.) литературных источников ("Хожение Афанасия Никитина", "Житие Варлаама Керецкого", "Слово о погибели", "Послание Новгородского архиепископа Василия о рае" и др.) обнаруживается даже в том, что разные части существенно отличаются одна от другой по грамматическому и стилистическому строю¹⁴.

Трудно что-либо добавить к этому авторитетному заключению, с обоснованной брезгливостью отвергнувшему всякие претензии «Хождения» и его обладателя на придание «памятнику» статуса подлинного и уж тем более достоверного исторического источника. Но маховик подлога продолжал раскручиваться. Вот лишь несколько эпизодов в истории последующего бытования фальсификации. Еще в 1952 г., спустя совсем немного времени после появления газетной публикации Бадигина об Иване Новгородце, его имя появляется в солидной книге В.С.Лупача «Русский флот — колыбель величайших открытий и изобретений»¹⁵. Через год после защиты Бадигиным диссертации его находки широко использовались Н.Н.Зубовым в монографии «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов». Здесь бытование «Хождения» обросло новыми подробностями. По словам Зубова, книга, в которой оно находилось, состояла из четырех частей: первая включала исторические сведения и наставление по мореходству, во вто-

рой содержались советы, как причаститься без священника, в третьей рассказывалось, как без священника совершать погребение, а в четвертой описывались две уже известные нам встречи Ивана Новгородца с основателем Соловецкого монастыря. Зубов сообщает и подробности об изготовлении копии «Хождения». По его словам, «некоторые выдержки тщательно, с сохранением написания каждой отдельной буквы, были скопированы Б.В.Шергиным на бумажную кальку, другие тщательно переписаны, третьи пересказаны. Шергин копировал этот документ в 1915—1917 годах в Анзерском скиту Соловецкого монастыря для известного знатока Севера И.М.Симбирцева»¹⁶.

Вскоре к своей находке в очередной книге «По студеным морям» вновь вернулся и Бадигин. В ней автор на первый взгляд более осторожен в своем отношении к «Хождению». Он вынужден был оговориться, что подлинность документа окончательно не подтверждена. Больше того, некоторые ученые — историки и филологи — «отрицают возможность появления записок в XV в. и, следовательно, их достоверность»¹⁷. Однако дальнейшее повествование фактически дезавуирует даже столь осторожные оговорки автора. По его мнению, отсутствие подлинника или надежной копии документа является «крупным недостатком», но еще ничего не говорит, поскольку «места, вызывающие справедливые замечания специалистов, могли быть обусловлены искажениями при переписке».

Несомненно важным аргументом в отстаивании подлинности «Хождения» в книге Бадигина стало цитируемое им письмо писателя Б.В.Шергина, впервые подробно рассказывавшее об обстоятельствах обнаружения оригинала «Хождения», его внешнем виде и изготовлении с него копий. Из письма следовало, что Шергин, еще будучи учеником Архангельской гимназии, нередко бывал на Соловках. В один из таких приездов заведующий епархиальным древнехранилищем И.М.Симбирцев и показал «Оуставец моря акиана», взятый из Анзерского скита. По свидетельству Шергина, «рукопись была в переплете из куска кожи, на плотной бумаге размером в одну восьмую листа и писана полууставом». «В виде приложения» в рукописи имелся «рассказ о встрече с соловецким первоначальником Савватием», описание «Карского чюда о карбасех», а также «Чин како самому себе причастити не суцу попу» и «мирьской погребальник». По словам Шергина, он сначала не обратил внимания на эту «неказистую» рукопись, но, после того как Симбирцев начал ее читать, ему показались любопытными некоторые места. «Я, — писал Шергин, — стал списывать более фабульные места, иногда под диктовку И.М.Симбирцева. Несколько страниц я срисовал на бумажную кальку». Спустя лет пятнадцать Шергин вновь переписал отрывки из «Хождения», поскольку первый список стал очень ветхим. Далее автор письма свидетельствовал: «Текст, данный мною К.С.Бадигину, представляет собою в основном копию со списка, сделанного тридцать семь лет тому

назад, а сам список, оставшийся у меня, оказался полезным лишь немногими еще непопорченными строками»¹⁸.

Далее Бадигин фактически повторил свои прежние характеристики Ивана Новгородца и значения его труда для истории русского мореплавания. Вместе с тем здесь появились новые мотивы. Со ссылкой на Шергина Бадигин сообщает о судьбе вкладных книг Соловецкого монастыря, упоминавших вклады Ивана Новгородца и членов его семьи. По его данным, после знаменитой осады Соловецкого монастыря войсками царя Алексея Михайловича несогласные с реформой Никона монахи разбежались, основав на реке Выге «вторые Соловки» с богатой библиотекой из книг, ранее принадлежавших Соловецкому монастырю. «В 1933 г. древнейшие вкладные книги, — пишет он, — оказались в Москве на "Братском дворе" (центр поморского староверья, существовал с середины XIX в.), и там писателем Б.В.Шергиным из одной книги были сделаны выписки, относящиеся к деятельности Ивана Новгородца»¹⁹.

Столь упорная пропаганда подлога уже не могла оставаться предметом узкоакадемического обсуждения. Кроме того, за время, прошедшее с момента введения «Хождения» в общественный оборот, кардинально изменились некоторые идеологические установки. Дутые национальные приоритеты, ставшие на рубеже 40-х — 50-х годов одним из краеугольных камней политики и идеологии сталинизма, постепенно уходили в прошлое. XX съезд КПСС вдохнул свежий, хотя и умеренный ветер в паруса советской исторической науки. Именно благодаря этому и стала возможной публикация критического анализа «открытий» Шергина—Бадигина. Из статьи В.В.Мавродина²⁰ впервые становилось известным экспертное заключение Института русской литературы на фотокопии приложений к диссертации Бадигина, в ней также были приведены дополнительные доказательства подложного характера «Хождения». Мавродин проверил «параллельные», «независимые» свидетельства, касающиеся прежде всего существования самого Ивана Новгородца, — те самые вкладные записи Соловецкого монастыря, в которых якобы упоминался он сам и его жена. Оказалось, что таких записей не существовало. Не существовало в природе и других источников, использовавшихся Бадигиным. Так, например, Бадигин ссылаясь на житие Варлаама Керетского, датируя его XV в., где якобы имелась запись о том, как предки Варлаама «хожаше в варяги, доспеваша им суда на ту их потребу морскую, и тому судовому художеству дружелюбно учиша». Но это житие написано около 1664 г., повествует о событиях не XV, а XVI в. и, самое главное, ни в одном из списков не имеет приведенного выше текста.

В своей статье Мавродин обратил внимание и на личность Шергина, с именем которого так или иначе оказались связанными все использованные Бадигиным тексты. Проведя доскональное, насколько позволяли источники, исследование его жизни и дея-

тельности, Мавродин фактически связал подлог «Хождения» и сопутствующих ему материалов с именем именно этого человека. «Нельзя не обратить внимания, — писал он, — на то, что все те источники, которых касалась рука Б.В.Шергина, исчезали для других исследователей, и, не сделай он в свое время с них копий, не передай К.С.Бадигину, который их опубликовал, все они погибли бесследно для науки»²¹.

Разумеется, можно было бы теперь посочувствовать Бадигину за его доверчивое отношение к рассказам Шергина и представленным тем материалам. Но делать это вряд ли стоит. Издания Шергина нашли благодатную почву. В них Бадигин черпал истоки своего литературного вдохновения и доказательства своих ученых штудий. Трудно представить, что Бадигин стал жертвой своего собственного увлечения. Те упрямство и последовательность, с которыми он реанимировал «Хождение» и сопутствующие ему материалы, говорят о том, что в его лице Шергин нашел не просто доверчивого и благодарного пропагандиста своих «открытий», но и, как знать, фактического соавтора.

Подлоги Шергина—Бадигина оказались своеобразными продуктами эпохи жизни их авторов. На рубеже 40—50-х годов они были востребованы и стали одним из элементов той официальной политической идеологии, которая в борьбе с так называемым космополитизмом и в противовес ему развернула шумную кампанию об исторически значимых национальных приоритетах, действительных и мнимых, в различных областях знаний. В этих условиях достаточно было лишь минимального умения стилизации современного языка под «древнерусский», элементарных исторических познаний, в том числе в области древнерусской литературы и реалий XIII—XV вв., чтобы облечь действительные и фантастические представления и домыслы о древнерусской морской культуре в оболочку исторического источника, игнорируя возможные последствия строгого критического анализа. Однако, вероятно, авторам подлогов не хватало терпения, знаний и умения — именно поэтому «Хождение», по всей видимости, не существовало в виде цельного документа, а было представлено отдельными отрывками. Но в этих отрывках фальсификатор постарался отразить наиболее впечатляющие для его «патриотического» настроения идеи: не случайно в них мы видим и усмешку над бесстыдными пиратами-норманнами, боящимися льдов, и мужественных новгородцев, честно и добросовестно занимающихся своим ремеслом, открывающих новые земли на морских кораблях совершенных конструкций и ведущих на высочайшем для своего времени уровне географические, гидрографические и иные исследования Крайнего Севера.

Техника подлогов Шергина—Бадигина оказалась несложной, но своеобразной. Главную фальшивку — «Хождение», его подложность и недостоверность они попытались «прикрыть» несколькими независимыми друг от друга источниками, также сфальсифицированными (вкладными записями, житием Варлаама Керетского), а

также данными подлинного документа, могущего вызвать ассоциацию с вымышленным персонажем (Соловецкий Патерик). В основе этой серии фальшивок лежали древнерусские литературные произведения, в том числе широко известное еще с XIX в. «Хождение» Афанасия Никитина. При изготовлении подлога были использованы также изданные лоции Белого моря и Северного Ледовитого океана, в частности лоция издания 1932 г., о чем говорит сравнение текстов. Легенда об открытии подлога оказалась достаточно типичной и представляла собой многозвенную цепочку: Соловецкий монастырь — Анзерский скит — Симбирцев — Шергин — Бадигин, однако в общественный оборот она вводилась по частям. Вначале Бадигин просто указал на существование рукописи «Хождения» и сопутствующие ей документы, затем связал их с именем Шергина, потом — Симбирцева, а в конце концов легенда завершилась предоставлением на экспертизу палеографических снимков, копий и пересказов с «подлинной» рукописи «Хождения». В целом, подлог мы должны квалифицировать как грубый, рассчитанный на полное доверие не искушенного в элементарных вопросах исторической критики читателя.

Глава 7. «Дощечки Изенбека», или Умершая «Жар-птица»

«Дощечки Изенбека», ныне больше известные с легкой руки одного из их исследователей С.Лесного (Парамонова) под названием «Влесовой книги» (ВК), — один из наиболее скандальных подлогов середины XX в. письменных исторических источников, связанных с историей России и славянских народов.

Читающая публика впервые узнала об этом сочинении из небольшого сообщения в малотиражном журнале «Жар-птица», издававшемся в Сан-Франциско российскими эмигрантами. В ноябрьском номере этого журнала за 1953 г. под заголовком «Колоссальнейшая историческая сенсация» было сообщено о том, что «отыскались в Европе древние деревянные "дощечки" V века с ценнейшими на них историческими письменами о древней Руси»¹. С января 1954 г. в том же журнале началась публикация отрывков найденных текстов. Она продолжалась с перерывами до декабря 1959 г., когда журнал прекратил существование.

Публикация осуществлялась одним из издателей журнала, ученым-этимологом, специалистом по ассирийской истории А.А.Куром (Куренковым) по материалам, присылавшимся из Брюсселя российским литератором-эмигрантом Ю.П.Миролюбовым. Сам Миролюбов в своих статьях и переписке с коллегами следующим образом представил историю обнаружения памятника.

В 1919 г. полковник Белой гвардии, в прошлом художник и археолог, Ф.А.Изенбек вместе со своей артиллерийской батареей попал в разграбленную усадьбу «на курском или орловском направлении», принадлежавшую некоей княжеской семье Задонских, Донских, Донцовых или Куракиных (точной фамилии Изенбек, со слов которого передавал рассказ о находке Миролюбов, не помнил). Среди поломанных вещей и разорванных бумаг Изенбек обнаружил разбросанные дощечки. «Дощечки» (так пишет Миролюбов — В.К.) были побиты, поломаны, а уцелели только некоторые, и тут Изенбек увидел прочерченные письмена. Он подобрал их и все время возил с собой, полагая, что «это какая-либо старина, но, конечно, никогда не думал, что старина эта чуть ли не до нашей эры»². Мешок с дощечками вместе с Изенбеком затем оказались в Брюсселе, где дощечки попали на глаза Миролюбову. В течение 15 лет, не вынося их из дома Изенбека, Миролюбов, по его словам, «разбирал "сплошняк" архаического текста». Он свидетельствовал, что ему частично удалось переписать текст до того, как после смерти Изенбека в 1941 г. они исчезли. «Так как доски

были разрознены, — пишет Миролюбов, — да и сам Изенбек спас лишь часть их, то и текст оказался тоже разрозненным; но он, вероятно, представляет из себя хроники, записи родовых дел, молитвы Перуну, Велесу, Дажьбогу и т.д.»³ Копии Миролюбова, таким образом, превратились в первоисточник, ныне доступный всем⁴.

Публикация в «Жар-птице» текстов дощечек Изенбека осуществлялась Куром фактически совместно с Миролюбовым. Она сопровождалась их историческими и текстологическими комментариями, даже целыми рассуждениями о готах, славянах, славянской религии и мифологии. Но, конечно, первостепенное значение представлял публикуемый текст ВК. И первые издатели памятника, и его последующие исследователи дружно отметили его непонятность. Предпринятые переводы на современный язык обнаружили его деформированность, несвязанность, наличие противоречивых, взаимоисключающих версий. В качестве примера приведем образчик текста по переводу, осуществленному на свой страх и риск одним из сторонников подлинности ВК Б.А.Рибиндером: «О подробности о том, как мы начинались в окрестностях (?), скажем так: за тысячу пятьсот лет до Дира пошли наши прадеды к горам Карпатским, и там уселись, и жили кладно (спокойно). Потому что роды управлялись Отцами родов, а старшим в роде был шеко од ориан, он воевал (?), ибо Паркун нами благопочитался, и мы здесь очутились, и так нам жилось 500 лет. И тогда мы ушли к восходу солнца к Непре (Днепру). А эта река течет в море, и мы на ней уселись на севере, которая называлась Припять Днепра, и там поселились и управлялись вечем 500 лет. И так были охраняемы богами от многих, называемых языгами. Там было много ильмерцев, которые там осели крестьянами. И так мы разводили скот в степи, и там были хранимы богами, и можно так сказать, как сказал Орь — "Отдохни и получай деньги и много злата" — и жилось богато». Мы привели образчик далеко не самого непонятого текста, но и из него видно, насколько сложно проникнуть в смысл его содержания.

Следующий пример демонстрирует это в еще большей степени: «Наша мета умножилась, но мы не собираемся, и так за 1300 лет до исхода из Карпат злой Аскольд напал на нас, и тут был изгнан народ мой, и юноши добровольно пошли под стяги наши, а то их забирали враги на Руси. Могуч Сварог наш и не боги иные, а просто Сварог, и ничего для нас, кроме смерти»⁵.

И все же, продираясь сквозь подобные словонагрождения, споря с самим собой относительно толкования того или иного выражения, можно в общих чертах понять некоторые опорные сюжеты ВК. При этом следует иметь в виду, что упоминаний о конкретных исторических фактах, вообще о фактах, в ВК ничтожно мало: автор предпочитает общие рассуждения несвязного характера и редчайшие упоминания имен. Можно понять, что ВК зафиксировала историю славянского народа с IX в. до н.э. по IX в. н.э., т.е. ни больше ни меньше как за 1800 лет. В ней упоминается

ДОЩЕЧНА Д 2 (аворс)

1. ПРЯД/РЕШЕНО/ЕСЬ/ОД/СТАРЬ/ШАСЕ/ЛАКОЖДЕ/ИМІАХОМЬ/СО/СПОЛТЕ/СО/ІНІ/А/ТВОРИАШЕ/.
2. (ряд букв прочесть нельзя) ВЕЛКОУ/ОДРОДЕТЕ/ИМІАХОМЬ/РУСКЕНЬ/НАШУ/
3. О/ГОЛУНЕ/А/ТРИ/СЕНТЕ/ГРАДИЕ/Л/СЕЛІА/ОГНИЦ/ДУБНЕХ/ДОИМЕ/СЬ/ТАМО/І/ПЕРОУНЬ/Е/НАШ
4. І/ЗЕМЬ/СЕ/БО/ПТОЦІА/МАТР/СВА/СПІВАШЕТЬ/О/ДНЕ/ТОЕ/І/ЖДЕХОМЬ/ОНА/НА/ШАСЕ/СО/І
5. Е/ІАКОВЕ/ВРІШАТЕСЕ/ІМАТЬ/КОЛОІ/СВРАЖЬЕ/ДО/НОІ/І/ШАСЕ/ТОЕ/ЗАСВЕ/ДОШУТЬ/ДО/НОІ/
6. ШЕХОМЬ/МАТР/СВЕ/ІАКОВЕ/БЕНДЕХОМЬ/БРА/НТЕТЕ/ЗЕМЬ/НАШУ/ЛЕПІЕ/ВЕНДОІ/ІАКОВЕ/І
7. ДША/ДО/ЗАПАДЬ/СУРЕ/І/ТАМО/ПРЕД/ВРЗЕ/ЗЕМЕ/РАІАШУТЬ/І/ХОБЕНІУ/ВІРУ/ІМУТЬ/О/ДЕРЖ
8. ЕТЕСЯ/НА/НЕ/БОРО/ВОНЬ/БОРЕШЕ/ІАКО/ЕСЬ/СОЛЕНЬ/А/ЛУДЬ/ТА/ВІРУ/ІМІАШЕТЬ/О/СЛОВ
9. СОІ/ТОІ/А/І/НЕ/СЬ/МОІ/Г/ЛУПЕНЕ/ІЗУМЛЕНІ/А/ВІЕРЕТЕ/НЕ/ІМОХМЬ/ДОТЕ/УЗРЕТЕ/ЕШЬЕ/
10. ВЕНДЕВРЕНТЕСЕ/ДО/ЗЕМЬ/НАШЕХ/О/СТУПОІ/ДРЕВЛІА/А/Г/ЛЕНДЕТЕ/ЕШЬЕ/ПОЩА/РЕІ
11. НІ/ІАКО/БЕДНЕ/О/ХОДУ/ОДО/ПЕНТОІРІЕШЕЦЕ/І/КІЛЬБОВА/ОДЕСУНЬ/ОДШЕЦЕН/І/
12. ОД/НОІ/І/ТА/СВЕ/ПТОЦІА/РЕШЕШЕТЬ/ІАКО/ОГ/НЬ/СМАРЬ/ПОНЕСТШЕ/ДО/НОІ/І/ГЪ/МОУПО/РУ
13. ЕШЕТЬ/ДА/ТО/Е/ГОРЕНЬБЕНЬ/Е/А/БОЗЕ/КОУП/АЛТЕ/А/ДАЖДЕ/ДАЖДІТЕ/СЕ/БО/ТЕ/ЗЕМЕ/БЕ
14. РОЗВРЗЕНО/І/КОМОНА/ПОГЛЩЕНА/ІАКОІ/ЗВІА/ШУТЬ/СОИНОЕ/ТОЕ/КОМОНЕ/ПРОТШЕ/БО
15. ЗЕМІ/ТО/БОЗІ/О/СТУПЕ/ОВЕІ/ДАСУНІЕ/ДАІАШУТЬ/ОСЕНЬБЕ/ЛЕХ/СЕ/ИМІАХОМЬ/СОУШЕТЕ/А/
16. НЕ/ЗА/ШАС/АНТЕВЬ/І/ТОІ/АНТОВРЕ/ОДЕРЕЗЕШЬ/І/МЕШЕМ/МНОГАЛЕЖЕДЬ/ПОГРЕБЕШЬ/ДОМІ
17. ВЕІ/ІАКОЖДЬ/ДОМОВЕВ/ДУЖДІЕ/НЕ/СТРОІАШУТЬ/ІНІ/

ДОЩЕЧНА Д 2 (реверс)

1. СЕ/БО/ОРЕ/ОТЕШЬ/ІДЕ/ПРЕНД/НОІ/А/КРЕ/ВЕНД/Е/ЗА/РУШЬ/І/ШЕКО/ВЕНДЕ/ПЛЕМ
2. ОІ/СВЕ/А/ХОРЕВЬ/ХОРВОІ/СВЕ/А/І/ЗЕМЬ/БО/ГРАДЕНЦЬ/НА/ТО/А/ІАКВЕ/СЕ/МОІ/ВНУШАТЕ/БІ
3. ОДЕДЕ/ХОРЕВЬ/І/ШЕХ/ОДО/ІНЕ/А/СЕХОМЬ/ДО/КАРПАНЫСТЕ/ГОРІА/ТАМО/БІАХОМЬ/ІНІ/ГРА
4. ДЕ/ТВОРИАЕАМ/ВНУ/ИМІАХОМЬ/СОПЛЕМОНО/ІНІАІ/БОГЕНТСВЕ/ИМІАХОМЬ/ВЕЛКО/
5. СЕ/БО/ВРЗІ/НЕЛЕЗЕШЕ/НА/НОІ/ТО/ТЕШАХОМЬ/ДО/КРЕ/ГРАДО/А/ДО/ГОЛУНЕ/А/ТАХОМЬ/О/
6. ЕТЕСЕ/ОГНЕ/СВЕА/ПАЛУШЕ/ДО/СВРЗЕ/А/ЖЬРТ/ВОІ/ТВОРИАЦЕ/БЛАГОДАРЧЕТЕ/БЗЕМЬ/І/ТА
7. КОВЕ/ОНОІ/І/СЕ/КОІЕ/УМРЕ/ЗА/ТРИДЕНСЕТЕ/ІАТОІ/ВЛАДОШТЕ/НОІ/І/ПО/СЕМЕ/БІАШ/Л
8. ЕБЕДІАН/ІМЬ/СЕ/РЕШЕ/СЛАВЕРЕ/І/ТОЕ/ЖІВЕ/ДВАДЕНСЕТЕ/ІАТОІ/А/ПОТЕ/БІАСТЬ/ВЕРЕН/
9. ЗЬ/ВЛІКОГРАДЕ/ТЕКОЖДЕ/ДВАДЕНСЕТЕ/І/ТОМОУ/СЕРЕЖЕНЬ/ДЕСЕНТЕ/І/О/СТЕЛЕ/ОДЕРЖІ
10. АХУ/ОНЕ/ВІТЕНЗЕСТВОІ/О/ВРЗЕХ/І/ТЬ/МОІ/ЛІХОІ/НИЕСТША/О/СО/ІНЬ/І/СЕ/ГРЕНДЕШЕТЬ/НА/НІ
11. І/НА/МОІ/ТО/ГОДЕ/ПРЕДША/ДО/СТУПЕН/НА/ШЕХ/ЗЛОІ/ТВОРАІ/І/СЕ/ДОБЛЕДЕНЬУ/ІМАТЬ/І
12. РАОЦЕ/НАША/ПІАТІСЕ/О/ЖІДЬБУ/СЕ/БО/СЕХОМЬ/СЛВНЕ/ІАКОЖДЕ/СЛВІХОМЬ/БОЗЕ/І/СЕ/М
13. ОІ/О/БОЗЕ/ВНУШЕ/СЬВРА/НАШЕ/А/ДАЖБО/І/ТАКОЖЕ/ТРИПЕХОМЬ/О/ЗЛЕ/А/ПОЕДЖЕ/СОІ
14. ИМІАХОМЬ/ВЛІКУ/ОТЕІ/БРАНЬЕХОМСЕ/ВЛІЦЕ/ОДЕНАТЕНЩЕНЕ/ГОДЕ/БЪРЗІ/Е/ОДЪЕШЕНС
15. ЕТЬ/ІАТЕ/І/ТУ/ІМІРІ/НОІ/ПОДРЖАШУТЬ/І/ТАК/ВЕ/ИМІАХОМЬ/ВЕНТЕЗЕСТВА/О/ВРЗЕ/СЕ/БО/ТЬ
16. ІЕ/ДЕСЕНТЕ/РЕХОІ/ІМАП/ТОІ/ВІШЕ/БЕНЬДЕ/ПРІАШЕТЬ/ЛЕВБОЕ/ХОРБЕРЕ/ОСЕ/НА/НЕ/Н
17. АЛІЗЕ/ТЕ/ПОЩА/СІХРІА/ТВОРИАЕ/ІНЕМОІЕ/БРА/НІ/ІНІ/ІАКОЖДЕ/МЕШЕ/ХРІАЖДЕНЬСТЕ/
18. ОМЕНЕ/НОІ/ОД/ОВНІ/І/ОВШЕ/ПТАОТВАСТЕРУ/ТВРЕ/ВО/СВРЗІЕ/САМО/

Образец реконструкции текста «Влесовой книги», помещенный в книге С.Лесного «Влесова книга»

некий Богумир и его дети, ставшие прародителями древнерусских племен, известных из летописи. Однако другие тексты ВК вносят не столько коррективы, сколько еще большую неясность в эту генеалогию, иногда прямо противореча ей. Далее ВК повествует о постоянных, длившихся едва ли не столетия битвах славян-руси-чей с гуннами, римлянами, греками, готами. Никаких конкретных сведений мы здесь не найдем: упоминается лишь готский вождь Германарих и некий Галарех. Чрезвычайно запутана и не поддается сколько-нибудь однозначному пониманию и хронология ВК. Столь же неопределенна и ее география. Помимо хорошо понятных топонимов типа «Днепр», «Карпатские горы», «Корсунь», «Сурож», локализация которых ясна, в то же время можно встретить топонимы типа «тропы Трояна», «земля Трояна», известные из «Слова о полку Игореве», но местонахождение которых до сих пор вызывает споры. Локализовать их и по ВК невозможно.

Несколько более понятны мифология ВК и отраженные в ней религиозные верования древних славян. Здесь упоминается об-

ширный языческий пантеон, говорится об отсутствии у древних славян традиции человеческих жертвоприношений, сквозь все тексты проходит образ славян как «внуков Дажь-Божьих» и т.д.

Наконец, при большом напряжении внимания мы обнаружим в ВК некоторые данные об общественном строе славян-русичей: княжеской власти, вечевых сходах, занятиях земледелием и скотоводством, податях князьям и др.

Публикация в «Жар-птице», вероятно, оставалась бы известной лишь достаточно узкому кругу читателей журнала, если бы в 1957 г. в 6 выпуске своей «Истории русов в неизвращенном виде» ученый-эмигрант С.Лесной (Парамонов) не посвятил ВК специальный раздел⁶. Лесной заявил о подлинности ВК, попытался определить ее историческое значение, на основе собственного перевода специально разобрал отрывки о Кие, Щеке, Хориве, Богумире и даже (по изданию Кура) привел фотокопию отрывка ВК. Это была уже солидная заявка на право существования открытого памятника как исторического источника. Правда, в 10 выпуске своей «Истории» Лесной обрушился на Миролубова и Кура с критикой, обвиняя их в том, что они отказываются сообщить подробности о ВК и не позволяют ученым ознакомиться с ее полным текстом⁷. Одновременно Лесной направил фотокопию фрагмента текста ВК, опубликованного в «Жар-птице» (10 строк), в Советский славянский комитет с просьбой дать заключение. Известный языковед и палеограф Л.П.Жуковская, проводившая экспертизу, пришла к выводу о том, что присланная фотография сделана не с дощечки, а с прориси текста дощечки. Признавая, что палеографические данные прориси не позволяют утверждать однозначно о том, что памятник является подделкой, Жуковская тем не менее категорически заявила о фальсифицированном характере текста на основе анализа его языка. Еще до публикации заключения Жуковской в советской печати⁸ оно было направлено Лесному, который организовал полемику с ней в «Жар-птице». По его мнению, оппонент просто не знает языка, на котором написана ВК⁹.

Публикация заключения Жуковской способствовала тому, что интерес к ВК в СССР исчез, фактически даже как следует не проявившись. В то же время за рубежом обсуждение вопросов, связанных с подлинностью памятника, прежде всего благодаря работам Лесного, продолжалось достаточно активно. В 1964 г. Лесной опубликовал книгу «Русь, откуда ты?», посвятив ВК несколько десятков страниц¹⁰, а с 1966 г. стал публиковать в виде отдельных выпусков подлинный текст, перевод ВК и комментарии к ней¹¹. Последняя работа Лесного является одним из наиболее фундаментальных и завершенных сводов аргументов сторонников подлинности ВК и интерпретации ее текста. Поэтому остановимся на ней подробнее.

Признавая, что сомнение является необходимым условием любого научного исследования, Лесной постарался с этих позиций подойти и к дощечкам Изенбека, т.е. допустить их фальсифициро-

ванный характер. По мнению Лесного, логика размышлений в этом направлении доказывает обратное. У самого Изенбека не обнаруживается никаких видимых причин для фальсификации: он не пытался продать свою находку, стремясь получить тем самым материальную выгоду, не снискал с помощью «дощечек» для себя славы, храня их «почти в тайне», не продемонстрировал с их помощью желания подшутить над современниками. Лесной называет и другое логическое предположение, а именно, что «дощечки» попали к Изенбеку уже будучи фальсификацией. Но почему тогда прежние владельцы не обнародовали их? — задается неожиданно риторическим вопросом автор и далее дает, по его мнению, наиболее правдоподобное объяснение. Оно сводится к тому, что «дощечки сохранялись в родовом архиве от поколения к поколению, но никто не понимал их истинного значения и фактически о них ничего не знал, только разгром библиотеки выбросил их на пол, и они были замечены Изенбеком»¹².

Главное доказательство подлинности «дощечек Изенбека» Лесной видит в их принципиальной непохожести на все известные в мире памятники письменности. Эту непохожесть он обнаруживает по меньшей мере в десяти признаках. Материал памятника — деревянные дощечки — неизвестен науке как носитель письменной информации. Фальсификатор поэтому должен был обладать немислимой дерзостью, пренебрегая возможностью быть изобличенным по этой причине. Алфавитная система, употребленная в ВК, очень своеобразна, хотя и близка к кириллической. Поскольку неизвестен ни один памятник, написанный такой системой, его подлинность также должна была вызвать немедленное подозрение. Лесной признает неповторимость языка ВК — «совершенно неизвестный славянский язык», объединивший архаизмы и кажущиеся новыми языковые формы, однако именно в этой неповторимости он также видит один из признаков подлинности. Большой объем ВК, по мнению Лесного, также говорит в пользу ее подлинности, ибо фальсификатору не было смысла тратить на это уйму времени и труда. В ВК Лесной обнаруживает ряд подробностей, известных из очень редких источников, которые демонстрируют тончайшее знание автором древней истории. «При таких знаниях, — пишет Лесной, — проще быть известным исследователем, чем зачем-то неизвестным фальсификатором»¹³.

О подлинности ВК, по мнению Лесного, говорит и ее содержание. Среди всех необычностей последнего он особо обращает внимание на три. Первая — это апологетика язычества и критика христианства. Вторая — сосредоточенность повествования памятника на древнейшей истории юга Руси, «о которой мы ровно ничего не знаем», по словам Лесного, из других источников. Третью необычность содержания Лесной видит в том, что повествование ВК представляет собой скупой, безличный рассказ, наполненный жалобами на раздоры славянских племен. «Это не панегирик, ко-

того можно было ожидать, а скорее увещевание и даже отчитка», — заключает автор.

Приведенные доказательства подлинности ВК Лесной называет «логическими». Нетрудно заметить, что как раз никакой логики в них нет, кроме достаточно общих, противоречивых, а главное, обходящих все иные, сколько-нибудь допустимые, варианты рассуждений. Его общая посылка о подлинности ВК в силу оригинальности ее изготовления, содержания и бытования легко опровергается равным допущением того, что фальсификатор, чтобы придать большую видимость подлинности своему изделию именно и стремился сознательно к тому, чтобы сделать его непохожим на все известные памятники.

Только полное незнание истории фальсификаций исторических источников позволило Лесному глубокомысленно заявить, что при той эрудиции, которую продемонстрировал автор ВК, проще быть известным ученым, чем неизвестным фальсификатором. История подделок источников свидетельствует как раз об обратном: автор подлога всегда полагает, что лучше остаться неизвестным фальсификатором и быть известным первооткрывателем подлога, выдавая его за подлинный исторический источник. С этой точки зрения абсолютно схоластичны, искусственны и все другие рассуждения Лесного. Например, он не видит оснований считать, что сам Изенбек мог изготовить подлог. Действительно, приводимые Лесным факты, основанные на показаниях Миролюбова, не позволяют даже и предположить это: достаточно вспомнить, что Изенбек плохо знал даже русский язык. Однако это рассуждение становится пустым звуком, как только под подозрение попадут рассказы Миролюбова. В самом деле, они не подкреплены абсолютно ничем, кроме одного — факта существования Изенбека. С этой позиции подозрения в достоверности рассказа Миролюбова об истории находки ВК неизбежно заставляют поставить вопрос о мотиве его вымысла. И логически этот мотив можно связать только с одним: фальсификатор ВК Миролюбов был заинтересован в создании легенды, связанной с бытованием ВК.

Впрочем, Миролюбов еще станет предметом нашего внимания ниже. Сейчас мы вернемся к Лесному, который в дополнение к «логическим» доказательствам подлинности ВК указывает и на «одно фактическое». Его он видит в решительном отрицании в ВК бытования у древних славян-русичей кумирен и человеческих жертвоприношений. По мнению Лесного, внимательное чтение Начальной летописи подтверждает это: летопись говорит, что человеческие жертвоприношения на Руси были заимствованы Владимиром Великим от варягов в 980 г. и просуществовали лишь около 10 лет. Столь смелое историческое заключение, разумеется, не соответствует действительности.

Можно было бы и дальше продолжать анализ беспомощных доказательств подлинности ВК, предпринятых Лесным. Но и из сказанного очевидно: автор не смог привести ни одного сколько-

нибудь серьезного логического и фактического аргумента, опровергающего скепсис в отношении этого памятника. Работа Лесного о ВК замечательна другим. Она может считаться образцом искренней или неискренней (об этом мы поговорим ниже) попытки непрофессиональных размышлений о подлогах исторических источников и доказательствах их подлинности. Лесной продемонстрировал пример подмены накопленных наукой общепризнанных приемов критики исторических источников поверхностными и внешне привлекательно-неумудренными рассуждениями, исходившими в конечном счете из тезиса о безусловной подлинности ВК.

Тем не менее именно книга Лесного, изданная тиражом в тысячу экземпляров, сыграла свою роль в пропаганде ВК. Слухи о ней достигли и СССР. В 1970 г. именно по этим слухам в советской печати о ВК как о подлинном памятнике впервые упомянул поэт и художник И.Кобзев¹⁴. Автор этих строк помнит, как во второй половине 70-х годов он однажды оказался на выставке картин Кобзева, основанных на сюжетах ВК. Поклонников этих картин, уверовавших в подлинность памятника, давшего творческий импульс Кобзеву, оказалось немало...

С этого времени в советской печати началась настоящая полемическая дуэль вокруг ВК. Важно отметить, что она разворачивалась на фоне дискуссии по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве», инициированной профессором А.А.Зиминым. Дискуссия стала одним из самых заметных событий в советской историографии 60-х годов. Административное вмешательство в научный спор не позволило объективно обсудить и оценить гипотезу Зимина о создании «Слова о полку Игореве» в XVIII в. Однако в 70-е годы ему удалось в ряде провинциальных и центральных изданий опубликовать серию статей с обоснованием своей точки зрения, встретившую ответные полемические выступления. Как увидим ниже, спор с Зиминым по поводу подлинности «Слова о полку Игореве» придал особую пикантность полемике вокруг ВК, поскольку она привела к расколу внутри лагеря защитников «Слова».

Начало полемики в СССР вокруг ВК было положено статьей В.Скурлатова и Н.Николаева, опубликованной в популярном еженедельнике¹⁵. Вслед за Лесным авторы были склонны полагать, что необычность содержания ВК является главным доказательством ее подлинности. По их словам, эта «таинственная летопись» позволяет по-новому поставить вопрос о времени возникновения славянской письменности, внести кардинальные изменения в современные научные представления об этногенезе славян, их уровне общественного развития, мифологии. «Придумать такое, — писали они, — вряд ли под силу какому-либо заурядному фальсификатору». В том же 1976 г. газета «Неделя» поместила уже целую подборку восторженных отзывов о ВК, среди которых все отчетливее зазвучало обвинение против тех, кто якобы стремился «замалчиванием отстранять» читателей и писателей от этого выдающегося произведения¹⁶.

Это было мощное наступление, участники которого взяли себе на вооружение формальные результаты завершившейся дискуссии вокруг «Слова о полку Игореве». С их точки зрения получалось, что совсем недавно патриоты отечественного прошлого одержали победу над ниспровергателями его духовного наследия. Но эта победа казалась им частичной, поскольку другой древний памятник — ВК — все еще оставался под сомнением и даже запретом в СССР. Однако как бы мы ни отнеслись к подобным обвинениям сторонников подлинности ВК, важно отметить, что в одном они были абсолютно правы — в своем требовании немедленно издать это сочинение. Выполнить же это требование в условиях господства тогдашней идеологии было практически невозможно: отпугивала целая когорта эмигрантов, с именами которых оказался связан этот памятник и которые при комментировании его не щадили советскую власть. Вместе с тем и «замалчивание» ВК также грозило идеологическим устоям, неизбежно порождая элементы подозрительности в отношении его причин. Кроме того, после неуклюже организованной дискуссии о «Слове о полку Игореве», которой не удалось придать блеска академизма, было важно продемонстрировать хотя бы внешне объективность советской историко-филологической науки. Пересечение всех этих интересов и обеспечило возможность появления статьи исследователей Б.А.Рыбакова, Л.П.Жуковской и В.И.Буганова, два первых из которых были решительными защитниками подлинности «Слова о полку Игореве»¹⁷. Это была безупречная в анализе палеографических, лингвистических, исторических особенностей ВК статья, показавшая фальсифицированный характер памятника.

Ответ на нее последовал немедленно. Его автором стал известный писатель В.Жуков, попытавшийся представить критику Рыбаковым, Жуковской и Бугановым работ о ВК Миролюбова, Кура, Лесного «предметом научных споров». Выступление Жукова нашло поддержку в ряде других массовых изданий, где восторженные отзывы о ВК поместили Кобзев, Скурлатова и вновь сам Жуков¹⁹. Интересно обратить внимание на те аргументы, которыми пользовались названные авторы. Они оказались на редкость однообразны, но в своей основе восходили к попыткам подменить вопрос о подлинности «дощечек Изенбека» вопросом о сложности прочтения их текстов, скрывающих еще не разгаданные тайны далекого прошлого.

Отклик на серию этих выступлений оказался традиционным. Статья Ф.П.Филина и Жуковской излагала результаты лингвистического анализа ВК и на его основе квалифицировала памятник как «явную и грубую» подделку²⁰.

Однако и этот отклик не остался без ответа. В.Осокин, литератор и журналист, по странным причудам своих интересов и характера почему-то питающий особую склонность к пропаганде подделок, не обошел своей защитой и ВК. С традиционно присущей ему небрежностью и умением сознательно исказить факты,

он в специальной статье охарактеризовал памятник как ценнейший исторический источник, игнорируемый лишь отдельными учеными. Согласно Осокину, существовали уже фотокопии всех «дощечек Изенбека», несостоявшийся доклад С.Лесного о ВК на V Международном съезде славистов, оказывается, вызвал «большой интерес» и до такой степени взволновал его участников, что они едва ли не приняли решение приступить к подробному изучению памятника²¹.

Можно было бы продолжать перечисление других письменных и устных выступлений сторонников подлинности ВК²². Но это не прибавит что-либо нового к тем аргументам, о которых мы рассказали выше. Главный же результат этих выступлений следует выделить: вокруг ВК был создан ореол непознанной таинственной рукописи. Знаменательно, что первая серьезная статья, опубликованная в широко читаемом издании и показавшая фальсифицированный характер ВК²³, осталась мало замеченной и фактически была проигнорирована теми, кто настаивал на подлинности памятника.

Параллельно с дискуссией в советской печати все больше и больше усиливалась кампания в защиту подлинности ВК за рубежом. Внешне она, правда, выглядела более академической. Уже к середине 70-х годов существовало по крайней мере пять переводов памятника на современные языки: два — на русский, два — на украинский и один — на английский²⁴. С 1972 г. начинает печатать текст ВК с комментариями известный славист Н.Ф.Скрипник²⁵. Он первый решил сравнить тексты памятника, опубликованные в «Жар-птице» (далее — Ж), присланные Миролюбовым Куру (далее — М) (они находились в Сан-Франциско в архиве Кура), сохранившиеся в архиве Миролюбова в Аахене, а также изданные С.Лесным. Сравнение обнаружило, по словам Скрипника, «странные и удручающие» расхождения текстов. Во-первых, в архиве Миролюбова обнаружили тексты 16 нигде не публиковавшихся дощечек. Во-вторых, в архиве Миролюбова отсутствовали тексты нескольких дощечек, опубликованных в «Жар-птице» и С.Лесным. В-третьих, что являлось самым главным, сравнение текстов ВК, помещенных в «Жар-птице», с текстами, присланными Миролюбовым Куру, выявило, по свидетельству Скрипника, «сотни различий, какие никак нельзя объяснить обычной редакционной правкой...». Хотя Скрипник, добросовестно изложив эти наблюдения, не рискнул сделать из них каких-либо категорических выводов, они фактически означали, что в распоряжении исследователей не имеется не только «подлинного» текста ВК, но и текста, снятого Миролюбовым с «дощечек Изенбека». Тем не менее посмертная публикация сочинений Миролюбова в 1977—1984 гг. с подробными рассказами о его находке «дощечек Изенбека» и работе с ними еще раз как бы подтверждала подлинность ВК и ее непреходящее историческое значение²⁶.

К концу 80-х годов сложились условия и появились возможности для капитального издания и окончательного анализа ВК и в

советской печати. Эта фундаментальная работа была проделана О.В.Твороговым, вероятно, в рамках плановой работы Пушкинского Дома. Сначала малотиражным изданием²⁷, а затем в пользующихся мировой известностью «Трудах Отдела древнерусской литературы» появилась его работа, посвященная анализу истории открытия ВК, ее изучению в зарубежной и советской литературе, исследованию ее источников и автора и доказывающая фальсифицированный характер памятника. Здесь же помещен и сводный текст ВК с привлечением всех сохранившихся материалов.

Поскольку работа Творогова представляет собой наиболее завершенный анализ ВК, основанный на почти всей совокупности дошедших источников, мы ограничимся пересказом его выводов с добавлением собственных наблюдений, имеющих важное отношение именно к теме нашей книги.

Вслед за Скрипником, сопоставляя тексты Ж и М, Творогов обнаружил ряд новых важных деталей. Во-первых, до публикации М в Ж текст ВК существовал в виде отдельных фрагментов, пронумерованных Миролюбовым в определенном порядке. Ж представляет собой уже попытку расположить фрагменты М в некоей хронологической последовательности, причем с пропуском ряда текстов М. Во-вторых, разные фрагменты текста Ж опубликованы по разным правилам: здесь можно встретить передачу фрагментов текстов без разбивки на слова, попытки внести в сплошное написание текстов пробелов и, наконец, наряду со слитным написанием разделить тексты на слова. Разными оказались и правила передачи орфографии памятника.

Удивительными оказались и другие детали. В М не были обозначены границы строк, тогда как Ж тщательно воспроизводит их. Ж систематически отмечает дефекты текстов «дощечек Изенбека» маргиналиями типа «текст сколот», «текст разрушен» и т.д., в местах, которые в М прекрасно читаются. Между тем сам Миролюбов, пересылая в октябре 1953 г. Куру текст М, писал: «Как и в прежних переписках текстов, в данном случае я строго придерживался копии, сделанной в тридцать седьмом году у художника Изенбека, и ни слова не прибавил или не убавил, но, видя трудности чтения, оставил без изменения текст, дабы кто-либо более удачливый, нежели Ваш слуга, смог бы разобрать и объяснить неясное мне самому»²⁸. Из всего этого вытекает неизбежный вывод о том, что Кур, публикуя М, сознательно и широко его фальсифицировал. Но почему тогда такая фальсификация не встретила протеста со стороны Миролюбова? Ответ может быть только один: Миролюбов, по крайней мере, соглашался с исправлениями своего текста Куром, если не включил его в соавторы.

Не оставляет никаких шансов Творогов сторонникам подлинности ВК и на основе анализа ее языка. Хотя Лесной утверждал, что язык памятника неизвестен науке, ясно, что его лексика все же славянская. В противном случае было бы просто невозможно так или иначе понимать содержание ВК. Ее география связана с

территорией восточно-славянских языков. А это значит, что есть все основания анализировать язык памятника в соответствии с известными закономерностями развития именно славянских языков. «А этот анализ, — пишет Творогов, — приводит нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем «изобретенный» лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную, языковую систему»²⁹.

Творогов выделяет несколько особенностей языка ВК, резко расходящихся с процессами, характерными для развития различных групп славянских языков из общеславянского. Известно, что развитию славянских языков присуща утрата редуцированных гласных. В ВК все наоборот: там, где такие гласные должны быть, они отсутствуют, в случаях же, когда гласные полного образования просто необходимы, они заменены редуцированными. Важное наблюдение было сделано Твороговым относительно обозначения звука «е» в ВК. Оказывается, в одних и тех же словах в Ж и М обнаруживаются взаимные замены букв, обозначающих этот звук, что можно объяснить только произвольным выбором, по крайней мере, все того же Кура с молчаливого согласия Миролюбова. Творогов обнаружил и искусственность образования ряда языковых форм ВК, которые не могли существовать ни в одном славянском языке, например, «шас», «щасе», «щистоу», «до вщере» вместо «час», «часе», «чистоу», «до вечера», — в данном случае автор ВК не знал, что праславянский звук «щ» в древнерусском превратился в звук «ч», а в старославянском — в «ш». Однако он наблюдал это расхождение и, не понимая его, ставил «ш» там, где такое написание восходило не к «щ», а к совершенно иным праславянским звукам.

Творогов привел и другие немыслимые особенности фонетической системы ВК, однозначно показывающие, что они были искусственно изобретены фальсификатором.

Об этом же свидетельствует и целый ряд грамматических форм языка памятника: невозможные глагольные формы («бьяшехом», «грм грыщаеть», «победяте врази»), неверное управление («зовенхом... вутце наше»), отсутствие согласования у прилагательного с определяемым им существительным («вендле троянь валу», «о седме рещех») и т.д. В языке ВК неожиданно и невозможно появление современных сербских, чешских, польских, украинских слов, а не их древних вариантов.

«Иными словами, — заключает Творогов, — анализ языка "Влесовой книги" не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственно и крайне неумело сконструированный "язык", создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом — чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть»³⁰. Как мы помним, этот прием использовался при фальсификации исторических источников в России в более раннее время, например, А.И.Сулакадзевым³¹.

Казалось бы, что после работ О.В.Творогова вопрос о подлинности «Влесовой книги» можно было считать окончательно закрытым. Наверное, так бы и случилось, по крайней мере, в нашей стране, оставаясь она такой, какой была до 1985 г. Но постепенная эрозия прежней идеологии, ослабление, а затем и ликвидация идеологической и политической цензуры создали условия для свободного обсуждения вопроса о ВК. Сторонники ее подлинности, которые когда-то отправляли свои опусы в Отделение истории Академии наук СССР с просьбой немедленно опубликовать их, теперь получили возможность публично излагать свои взгляды. Члены некоего общества, укравшие название существовавшего до 1917 г. авторитетнейшего Русского исторического общества, выпустили текст этого сочинения с обширным предисловием В.В.Грицкова³², затем в сокращенном виде опубликованное в журнале «Наука и религия»³³. Вскоре в альманахе «Русская старина» появилась статья директора общественного музея «Слова о полку Игореве» Г.С.Беляковой о ВК³⁴, затем серия статей А.И.Асова и его же переводы этого источника³⁵. Суть всех этих выступлений — признание безусловной подлинности ВК и несогласие с лингвистическими и историческими доказательствами О.В.Творогова.

Наиболее пространно и концентрированно позиция сторонников подлинности ВК недавно изложена в специальной книге А.И.Асова «Влесова книга», опубликованной тиражом в 10000 экз.³⁶ С выходом в свет этой книги можно считать реализованной давнее стремление Кобзева и его единомышленников сделать известным для российского читателя текст памятника. Но дело не только в известности. Книге попытались придать научный авторитет. На ее титуле в качестве официальных рецензентов значатся: доктор исторических наук, заведующий сектором славяно-русских рукописных книг Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, председатель Московского отделения Русского исторического общества И.В.Левочкин; доктор филологических наук России и Болгарии, академик Международной славянской, Петровской и Русской академий наук Ю.К.Бегунов; доктор филологических наук Югославии, профессор Белградского университета, президент Сербского фонда славянской письменности и славянских культур, академик Международной славянской академии наук, образования и культуры Р.Мароевич. Читатель, наверное, устал от громких титулов. Мы посочувствуем ему, а заодно пожалеем те академии и общества, в которых значатся названные ученые, освятившие своим авторитетом сочинение Асова.

Разберем его сочинение более подробно. Оно включает текст ВК на «влесовом алфавите», реконструированный автором, его перевод на современный русский язык, обширные комментарии и примечания. Отметим сразу же категоричность и едва прикрытые передергивания Асова в суждениях и изложении достоверно известных фактов.

Приведем всего лишь несколько примеров этого. ВК, пишет он, «была вырезана на буковых досках новгородскими жрецами в IX веке н.э.» — утверждение, не имеющее под собой никаких оснований, поскольку в источниках нигде не говорится, что доски были букowymi, а текст на них написан новгородскими жрецами. Понятно, для чего Асову потребовались именно «буковые доски» и «новгородские жрецы»: от них он тянет ниточку к знаменитому собранию А.И.Сулакадзева, в описи которого значился некий подложный памятник под названием «Патриарси» на 45 букowych дощечках. Тем самым уже к XIX в. относится бытование ВК.

Собранию Сулакадзева и личности его владельца Асов уделяет особое внимание. Под его пером этот один из самых известных российских фальсификаторов исторических источников³⁷ становится незаслуженно оклеветанным национальным героем, владельцем уникальных утраченных письменных памятников, включая разоблаченные еще в XIX в. как подлоги «Песнь Бояну», «Оповедь» и другие фантастические произведения Сулакадзева.

Для характеристики уровня логического мышления Асова примечателен и следующий пример. Высказывая гипотезу о том, что около 991 г. ВК была передана на хранение греку Иоакиму, ставшему впоследствии первым новгородским епископом, автор далее пишет, что «косвенным подтверждением того, что он имел Влесову книгу, можно считать наличие цитат из нее в Иоакимовской летописи»³⁸. Иоакимовская летопись — известный, однако спорный памятник летописания, впервые использованный В.Н.Татишевым. Но в данном случае важно отметить, что с равным основанием можно говорить не только о том, что Иоаким использовал в X в. ВК, но и о том, что Иоакимовская летопись послужила источником для ее изготовления. В этом случае все построение Асова немедленно рушится.

Асов сам признает, что многие его выводы и наблюдения являются «не более чем фантазией»³⁹. Но эти фантазии весьма своеобразны. Они вырастают как бы из двух корней: признания подлинности ВК и своеобразной трактовки ее содержания. В первом случае, в конце концов, автор был вынужден признать: «Главное же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух Влесовой книги. Ее мистериальная тайна, великая магия слова»⁴⁰. Трудно добавить что-либо к этим словам, поскольку процесс добывания подлинных знаний они подменяют мистическим созерцанием и верой. Видимо, понимая это, автор, отказываясь от каких-либо доказательств, неожиданно выдвигает новую конструкцию. По его мнению, текст ВК — истинный, т.е. подлинный. Что же касается самих «дощечек», хранившихся у Изенбека, то они могли иметь позднее происхождение, являлись копиями, полностью воспроизводившими графику ВК. После этого просто уже невозможно разобраться в полетах фантазии Асова, щедро предлага-

ющего читателю ворох не связанных друг с другом противоречивых соображений и выводов.

Решив подобным образом проблему подлинности ВК, Асов далее считает себя свободным в исторических и лингвистических построениях. Памятник провозглашается им жреческой книгой, зафиксировавшей «древнейшую традицию Европы» в книжности и разрешающей спор о происхождении славян. Азбука, которой написан текст, объявляется им независимой от кириллицы и много древнее ее. Кириллица же, как христианская славянская азбука, провозглашается зависимой от «велесовицы». Язык ВК объявляется новгородским, близким или даже совпадающим с языком новгородских берестяных грамот, «многие славянские племена» возводятся по своему происхождению к Арию — сыну одного из героев греческой мифологии Апполона и т.д. Трудно уследить за изгибами и высотами парения мысли автора, оперирующего то «реставрированными песнями птицы Гамаюн», то ригведийскими гимнами об Индре и Валу, то «самыми последними открытиями скифологии и славяноведения». С его фантазиями невозможно спорить, как невозможно выиграть шахматную партию у человека, игнорирующего правила шахматной игры.

Оставим Асова и, переведа дух, признаем все же, что ВК существует. Кто и для чего решился на такой многословный подлог древнего памятника?

В поисках ответов на эти вопросы приглядимся внимательнее к Миролюбову, с именем которого оказалось связано введение ВК в общественный оборот. Умерший в 1970 г., он оставил после себя многотомное собрание поэтических, прозаических, этнографических и исторических сочинений. Последние представляют для нас первостепенный интерес, поскольку они имеют непосредственное отношение к ВК.

Главный и основной интерес Миролюбова — древняя история славян, их общественное устройство, религия, мифология. Этим вопросам, помимо многочисленных статей, он посвятил несколько больших специальных сочинений: «Ригведа и язычество» (закончено в 1952 г.), «Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов» (закончено в 1953 г.), «Русский христианский фольклор. Православные легенды» (закончено в августе 1954 г.), «Материалы к праистории русов» (работа 1967 г.), «Славяно-русский фольклор» (работа конца 60-х гг.) и др. В них Миролюбов изложил свои весьма специфические представления о славянской истории⁴¹. Но прежде чем охарактеризовать их, отметим, что этому автору присущ не просто дилетантизм, но дилетантизм принципиальный — сознательно вызывающее игнорирование всех накопленных наукой знаний. Вопреки даже абсолютно непреложным историческим фактам, Миролюбов создал собственную фантастическую картину этногенеза и истории славян. Выражаясь его собственными словами, скажем, что он решил «поворачивать всю историю». С цинич-

ной легкостью и самоуверенностью Миролюбов нарисовал новое полотно российского исторического процесса.

Изобретенный Миролюбовым народ «славяно-росов» он делает «древнейшими людьми на Земле». Их прародину Миролюбов обнаруживает в районе между Шумером, Ираном и Северной Индией. Отсюда приблизительно за три тысячи лет до начала нашей эры «славяно-росы» начали свое продвижение, захватили территорию теперешнего Ирана, а затем «ринулись конницей на деспотии Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет». Приблизительно в VIII в. до н.э., по концепции Миролюбова, «славяно-росы» ворвались уже в Европу, идя в авангарде почему-то ассирийского войска, и захватили «земли, которые им нравились».

Отождествляя древних «славяно-росов» с древними индийцами, Миролюбов пишет, что религией первых являлся ведизм. Она долгое время сохранялась благодаря особой письменности, сходной с санскритским письмом. Однако со временем славянское жречество «огрубело, забыло ведический язык», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски». Новая языческая религия «славяно-росов» предвосхитила христианство, позже во многом оказалась созвучной ему, идеологически «совпала» с христианским вероучением.

В основу своих построений Миролюбов положил несколько источников. Он упоминает «Книгу о князем утерпении» как остатке древнего русского языческого эпоса, которую его родители видели (!) в прошлом веке, «припоминает» виденную им самим до Первой мировой войны книгу со славянскими «руническим надписями» (!), наконец, ссылается на реально существующие памятники литературы и письменности: «Слово о полку Игореве», «Задонщину», «Голубиную книгу», «Хождение Богородицы по мукам». Оставим без комментариев показание Миролюбова о виденных им и его родителями «раритетах». Заметим лишь, что подавляющую часть древнерусских и древнеславянских подлинных произведений и рукописей он попросту игнорирует.

Зато основным источником своих научных упражнений Миролюбов делает собственные наблюдения «в народе» — за жителями украинских сел Юрьевки, Антоновки, Анновки, а также рассказы няни его отца — бабки Варвары — и еще одной старушки — Захарихи. Они были посвящены, по словам Миролюбова, «описанию войн, нашествий и случаев из скотоводческого периода жизни славян». Достоверность и точность рассказов старушек Миролюбов обосновывает тем, что эти люди жили вдалеке от городов и «железнодорожных станций», благодаря чему, по его словам, их жизнь «как бы застыла на целую тысячу лет в своих традициях». Мы оставляем читателям возможность самим поразмышлять над тем, насколько возможно сохранение сведений о событиях тысячелетней давности и тысячелетних традиций в Украине. Заметим только, что в сочинениях Миролюбова часто речь идет не просто о тради-

циях, но и о таких народных знаниях, которые, выражаясь языком Миролюбова, стоили «целого факультета истории и фольклора». Так, например, бабка Варвара вспоминает ему весь пантеон языческих богов: Огника, Огнебога, Сему, Ряглу, Дажба, «всех Сварожичей». Старый дед на хуторе под Екатеринославлем уверенно поучал его: «В старину люди грамоте знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богови, а под нее крючки лепили и читать по ней знали!» То же самое сообщает Миролюбову и еще одна старуха: «Наши пращуры умели писать по-нашему раньше всякой грамоты»⁴².

Несмотря на самоуверенность и апломб, которыми пронизаны сочинения Миролюбова, в 1952 г. он скромно заметил, что источников о древней истории «славяно-росов» в его распоряжении недостаточно. Однако примечательно, что уже тогда Миролюбов не был лишен оптимизма. Говоря о предшествующем кириллице славянском алфавите, он предупреждал: «Мы утверждаем, что такая грамота была и что она, может быть, будет даже однажды найдена! И, значит, заранее говорим, что критики критиков окажутся совершенно лишними»⁴³. В 1953 г. в сочинении «Русский языческий фольклор» Миролюбов впервые упоминает ВК. «Впоследствии, — пишет он, — нам выпало большое счастье видеть "дошки" из коллекции художника Изенбека, число 37, с выжженным текстом. Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские, текст был слит. Содержание трудно поддавалось разбору, но по смыслу отдельных слов это были моления Перуну... Подробный разбор "дошек", которые нам удалось прочесть до их исчезновения, будет нами дан отдельно»⁴⁴.

В 1955 г. в книге «Русский христианский фольклор» Миролюбов вновь упоминает о ВК. Говоря о славянской письменности, существовавшей до кириллицы, он со ссылкой на ВК пишет, что такая письменность была и представляла собой смесь «готических, греческих и ведических знаков». Далее в характеристике дощечек Изенбека появляются новые элементы: в них имеется «общая черта, под которой написаны [тексты] каленым железом, видно, буквы слитно и без разделения на фразы»⁴⁵.

В сочинении «Русская мифология» (1954 г.) Миролюбов уже прямо откликается на вспыхнувшую вокруг ВК после начала ее публикации Куром полемику. «Дощечки, — пишет он, — мы считаем столь же подлинным документом, как и всякий документ, относящийся к той отдаленной эпохе. То есть в нем есть и подлинное, и неподлинное. Одно — из предания, другое — от автора»⁴⁶. Иначе говоря, вопрос о подлинности дощечек Изенбека Миролюбов пытался подменить вопросом о достоверности содержащихся в них сведений — прием, уже хорошо известный нам из истории фальсификаций исторических источников. Далее Миролюбов сделал неожиданное, на первый взгляд, заявление. По его словам, содержание дощечек Изенбека еще «нами не изучено, и никаких теорий на их основании мы не строим».

Действительно, во всех своих сочинениях Миролюбов ссылается не столько на ВК, сколько на уже охарактеризованные выше собственные наблюдения «в народе» и «сказы» двух старушек, ограничиваясь замечанием о том, что они и ВК «взаимодополняют» друг друга.

Однако, несмотря на заявления Миролюбова, несмотря на внешне отсутствующие у него прямые заимствования или ссылки на ВК, именно она являлась основным источником всех его сочинений. Это нашло свое отражение прежде всего в совпадении целого ряда принципиально значимых для исторической конструкции Миролюбова деталей. И в сочинениях Миролюбова, и в ВК имеются сюжеты о жертвоприношениях на Руси, «русичи» представлены как «внуки Дажь-Божьи», содержатся рассказы о праотце Ории, битвах «славяно-росов» с готами, кособокками, другими народами. И там, и здесь тексты наполнены общими именами и понятиями — Явь, Правь, Навь, Кустич, Листич, Травник, Стеблич, Кветич, Ягодич. Совпадают целые образные выражения, фразеология. Но как раз все эти параллели своих сочинений Миролюбов объясняет не заимствованиями из ВК, а рассказами старушек и собственными наблюдениями. Это обнаруживает именно в нем автора фальсификации, которую он постарался не выделять в своих сочинениях как источник исторических сведений.

Из сказанного выше становится известен и один из мотивов, которым руководствовался Миролюбов, задумывая подлог. Своим фантастическим историко-этнографическим построениям он искал подтверждения. Но документальных фактов для этого в природе не существовало. Поэтому Миролюбов придумывает сначала загадочные древние рукописи, затем рассказы бабок и стариков. Но, знакомый с научной литературой, Миролюбов, конечно, понимал, что подобные «источники» не вызовут доверия у специалистов. И тогда ему пришла в голову мысль специально изобрести письменный памятник. Идея едва ли не с самого начала носила универсальный характер. Фальсификатор задумал изготовить не только текст, но и его «носитель» в виде дощечек, на которых текст представлен на неизвестном языке и с помощью неизвестной системы письма. Такая универсальность позволяла фальсификатору продемонстрировать доказательства целой системы его взглядов, связанных со славянской историей.

Но именно эта универсальность создавала известные трудности при легализации подлога, ибо предполагала предъявление «дощечек», которые были бы немедленно разоблачены. Так возникает легенда о «дощечках Изенбека», которая со временем уточнялась и дополнялась противоречивыми рассказами о снятых с них фотографиях и изготовленных прорисях.

Нам вряд ли представится возможность определить, был ли в замысел Миролюбова сразу же посвящен Кур или это произошло после того, как тот начал публикацию ВК. Однако причастность его к подлогу несомненна, хотя бы из приведенных выше приме-

ров переработки списка М в списке Ж. Более того, мы склонны полагать, что и Лесной, если не участвовал в фальсификации, то был посвящен в нее. Его вначале внешне скептическое отношение к ВК, сменившееся затем безусловным восторженным признанием ее подлинности, выглядит не чем иным, как ловким тактическим приемом, призванным продемонстрировать читающей публике, как процесс углубленного изучения памятника приводит к возникновению убеждения в его подлинности. Весь тон, вся система доказательств подлинности ВК, изложенная в специальной книге Лесного, заставляют сомневаться в искренности автора и включить его в число лиц, по крайней мере, посвященных в подлог.

Но и после сказанного невольно возникает еще один, может быть, самый главный вопрос. Для чего Миролюбову и его коллегам потребовалось придумать столь фантастическую картину древней истории славян, чтобы затем изобрести доказательство ее истинности в виде ВК? И в ответе на этот вопрос, может быть, и скрывается главный мотив изготовления подлога, который долгие годы препятствовал широкой дискуссии о ВК в советской печати. Свои сочинения о славянской истории Миролюбов рассматривал как вклад в борьбу с советской системой и коммунизмом. По словам Миролюбова, побороть их можно, только накапливая в себе «божественное начало» христианской религии. Но, видимо, современное христианство его не удовлетворяло: он не принимал всерьез ту ручную Православную Церковь, которая существовала на его Родине, и не питал особых чувств и уважения к зарубежной Русской Православной Церкви. Истинное христианство он искал в глубокой древности: не случайно его «славяно-росы» оказываются в Палестине и других регионах, связанных с зарождением исторического христианства. Именно сугубо политические и идеологические искания самого Миролюбова подтолкнули его к своеобразным историческим выводам, а те — вынудили пойти на подлог.

В основу методологии подлога ВК Миролюбов положил принцип неповторимости, необычности языка, графики, содержания задуманной им фальшивки. Это избавляло автора от излишнего труда изучения действительных закономерностей развития славянских языков и письменности с целью их использования в своем издании. В то же время в глазах Миролюбова и его коллег это выглядело как аргумент в пользу подлинности сочинения: вспомним, что аналогичным приемом пользовался и Сулакадзев при фальсификации своих подлогов.

И все же подлог Миролюбова мы ни в коей мере не можем считать оригинальным. Более того, история с ВК может рассматриваться как концентрированное выражение всех основных методов и приемов изготовления, легализации и защиты фальсифицированного исторического источника. В этом смысле мы можем назвать ее классическим подлогом. Оригинальность языка, содержания, легенды открытия ВК прекрасно корреспондируются с фальсификацией Д.И.Минаевым «Сказания о Руси и вещем Олеге»⁴⁷.

Складывается впечатление, что это сочинение лежало на столе у Миролюбова: в ВК обнаруживаются прямые параллели со «Сказанием» в сюжетах, языке и выражениях. Не был оригинален Миролюбов и в легендировании своей фальшивки. Ее «носитель» — дощечки — был изобретен еще в XIX в. А.И.Сулакадзевым. Утрата оригинала дощечек — типичный случай в истории фальсификаций. Использование промежуточного лица в легализации подлога также не является оригинальным ходом: именно так поступил все тот же Минаев, передав свой подлог журналисту Н.С.Курочкину. Кстати говоря, как и Минаев, Миролюбов с помощью подлога пытался обосновать собственные исторические конструкции. Не пошел дальше Миролюбов и в использовании исторических источников в своей фальсификации. «Слово о полку Игореве» словно магнит притягивало его взор, и он не удержался от классических для истории фальсификаций заимствований из этого памятника, связанных, прежде всего, с его «темными местами» и спорными в литературе топонимами и именами собственными.

Типичным для истории фальсификаций оказалось и бытование ВК. Ее появление немедленно вызвало критику. Ее трудно было опровергать, приходилось просто игнорировать, замалчивать, либо бесстыдно извращать в глазах не посвященной в тонкости науки публики. ВК оказалась предметом восхищения и поклонения очень узкой группы неспециалистов и умерла как подлинный исторический документ вместе с их смертью.

И все же как подлог ВК в некоторых отношениях — явление примечательное. Поражает размах фальсификации и попыток ее реанимации. Достаточно заметить, что тезисы Лесного о подлинности этого сочинения опубликованы в подготовительных материалах к съезду славистов. Объем фальсификации несопоставим с объемами других подложных источников по древнерусской истории: он намного больше их. Для ее окончательного разоблачения пришлось писать серьезный научный трактат, во много раз превышающий по объему текст самой ВК.

Словно молния, ВК прочертила след на небосводе мировой и отечественной славистики. Не поразив выбранную цель, она тихо погасила свой фальшивый заряд и умерла ошипанной жар-птицей примитивного изобретательства своих авторов. Пусть будет мир над ее разбросанными в разных изданиях и архивах перьями.

Глава 8.

«Величайший секрет» И.В.Сталина

19 апреля 1956 г. газета русских белоэмигрантов «Новое русское слово» в статье «Сталин был агентом царской охранки» анонсировала предстоящую публикацию в журнале «Лайф» сенсационного документа, доказывающего связь И.В.Сталина с Охранным отделением Департамента полиции¹. Одновременно с этим директор-распорядитель базировавшегося в США Толстовского фонда А.Л.Толстая устроила пресс-конференцию, на которой объявила, что этот документ хранится в одном из банков и принадлежит Толстовскому фонду. Публике была продемонстрирована фотокопия документа. «Мы, — объявила Толстая, — пытались опубликовать этот документ и здесь, и в Англии. Несмотря на его достоверность, до сих пор нам это сделать не удалось, так как мешали соображения международного политического характера»².

Публикация документа вместе с пространными комментариями известного биографа Сталина И.Д.Левина появилась в номере журнала «Лайф» от 23 апреля³. Спустя некоторое время работа Левина в расширенном варианте вышла в свет отдельной книгой⁴.

Приведем полностью и по возможности точно текст этого документа.

«М.В.Д.
Заведывающий
Особым отделом
Департамента Полиции

Совершенно секретно
Л и ч н о

12 июля 1913 года
[№] 2898

Милостивый Государь Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский Край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал Начальнику Тифлиского Губернского Жандармского Управления ценные агентурные сведения.

В 1908 году Начальник Бакинского Охранного Отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного Отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный Комитет Партии в г. Праге, Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении»⁵.

Письмо было подписано подписью-автографом «Еремин», на полях указывался его адресат — «Начальник Енисейского Охранного Отделения А.Ф.Железняков», документ содержал регистрационный штамп этого отделения, входящий регистрационный номер («152»), дату регистрации («23/VII»).

Левин подробно рассказал об истории открытия им документа. По его словам, впервые в поле его внимания он попал в 1946 г. благодаря сыну известного российского адмирала С.Макарова — В.Макарову. Владелец оригинала письма Еремина Б.Сергиевский в 1947 г. передал его Левину для экспертизы на предмет подлинности, сообщив, что к нему он попал из Шанхая от профессора М.П.Головачева, который, в свою очередь, получил его «от его сибирских товарищей, бежавших в Китай» из России. Продолжая поиски, Левин установил, что человек, привезший письмо в Китай, был неким полковником Руссияновым. Письмо Еремина он извлек вместе с другими документами «из архивов Сибирского охранного отделения».

Пытаясь установить подлинность письма Еремина, Левин обратился к ведущему американскому эксперту в области сомнительных документов А.Д.Осборну. Тот с помощью лабораторных исследований установил, что документ написан на бумаге не американского и не западно-европейского производства, изготовленной «давно». «Значит, — заключил Левин, — она вполне могла быть произведена в России еще до Первой мировой войны»⁶. По мнению Осборна, документ был напечатан на пишущей машинке «Ремингтон» шестой модели, собранной до революции.

В ходе дальнейших поисков Левин установил, что и Железняков, и Еремин — реальные исторические лица и даже занимали в это время соответствующие должности.

Одним из важнейших информаторов Левина в этой части его розысканий стал бывший генерал охраны А.Спиридович. Он подтвердил аутентичность подписи Еремина на документе, а затем даже отдал ему серебряный графин, подаренный его подчиненными, на котором среди прочих подписей была выгравирована и подпись Еремина, совпавшая с почерком на письме. Спиридович же назвал Левину и человека, который мог иметь отношение к связям Сталина с охранкой. Это был офицер охраны, некий Николай «Золотые очки», бежавший из России в Германию и под фамилией «Добролюбов» служивший сторожем при греческой православной церкви в Берлине.

Левин отправился в Берлин, где узнал, что «Добролюбов» переехал в церковь в Висбадене. Но и здесь оказалось, что он опоздал: человек по кличке Николай «Золотые очки» закончил свой жизненный путь на кладбище. Запомним этот, на первый взгляд, незначительный эпизод, поскольку вскоре он станет очень важным в сюжете о письме Еремина, приобретая совершенно иной, далекий от российской истории характер.

Публикация Левина не была случайной. В том же апрельском номере журнала «Лайф» был помещен еще более сенсационный материал — ранее не публиковавшийся отрывок из мемуаров крупного советского разведчика А. Орлова, в 1938 г. сбежавшего в Соединенные Штаты Америки⁷. Орлов, приведя огромное количество дотоле неизвестных фактов, попытался доказать, что т.н. «заговор Тухачевского», во-первых, реально существовал и, во-вторых, расстрел высокопоставленных советских военачальников был мезью Сталина за то, что в их распоряжении оказались подлинные документы, подтверждавшие связи диктатора с охранкой. Более того, Орлов пошел еще дальше. По его мнению, побудительным мотивом состоявшегося в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС доклада Н.С. Хрущева с разоблачением культа личности Сталина стали открывшиеся партийному руководству СССР обстоятельства сотрудничества Сталина с царской охранкой. Боясь, что его опередят с разоблачениями, считает Орлов, Хрущев и пошел на подобный шаг.

Левин старательно следует этому фантастическому домыслу Орлова. Документально доказав, пишет он, что «вся карьера Сталина до революции складывалась под знаком великого секрета его жизни-службы в качестве шпиона, мы получим ответ на вопрос, который задает весь мир после сенсационных разоблачений, прозвучавших на XX съезде...»⁸.

Итак, «Лайф» своим апрельским номером разом представил общественности двойную сенсацию, удивительно сходящуюся в одну точку. Немудрено поэтому, что вокруг этих сенсаций развернулась одна из самых выдающихся в истории фальсификаций исторических источников полемика дуэль.

Еще до выхода в свет журнала в редакционной статье «Нового русского слова» М. Вейнбаум назвал аргументацию Левина подлинности письма Еремина недостаточной. Суть его опровержений заключалась в следующем. Не установлено, что в Енисейске было охранное отделение, на письме отсутствует печать, псевдоним «Сталин» был в 1913 г. мало кому известен, Департамент полиции никогда не называл своих сотрудников «агентами», употребляя вместо этого понятие «секретные сотрудники», наконец, вызывает подозрение упоминание в письме Еремина об избрании Сталина в ЦК большевистской партии на Пражской конференции, так как он был кооптирован в ЦК уже после нее⁹.

Через несколько дней Вейнбауму ответил А. Михайловский, попытавшийся развеять его сомнения в подлинности письма Ереми-

на. По его словам, в Енисейске было охранное отделение, на документах Департамента полиции, имевших характер внутренней переписки, печати не ставились, Департамент полиции не употреблял понятий «сотрудник», «секретный сотрудник», а только «агент», «секретный агент», для Еремина было совершенно безразлично, был избран или кооптирован Сталин в ЦК партии. Кроме того, пишет он, в Департаменте полиции «существовал такой порядок: если агент, работавший на два фронта, становился в оппозицию к царскому режиму, то его кличка не упоминалась»¹⁰.

Однако уже на следующий день в газете «Новое русское слово» Г.Аронсон попытался вновь показать фальсифицированный характер письма Еремина. Повторив часть аргументов Вейнбаума, он добавил к ним новые. По его мнению, обычному полицейско-канцелярскому стилю деловых бумаг не соответствует имеющееся в письме выражение «...Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству...», т.к. большевики были партией революции, а не оппозиции. В документе 1913 г., т.е. до начала Первой мировой войны, упоминается «Петербург», а не «Санкт-Петербург» или хотя бы «С.-Петербург». «Мы имеем дело не с подлинным документом, — заключал Аронсон, — а с фальшивкой, каких одно время в русской эмиграции расплодилось немало и по разнообразным случаям»¹¹. Своей следующей заметкой Аронсон еще больше усилил свою позицию. Ссылаясь на вышедшую в 1947 г. в СССР книгу М.Москалева «Русское Бюро. ЦК большевистской партии, 1912 — март 1917», он заметил, что в ней автор использовал архивные фонды Енисейского жандармского управления и Енисейского розыскного пункта и ни разу не сослался на дела и документы Енисейского охранного отделения. «Отсутствие всякого упоминания об охранном отделении в Енисейске, — заключал Аронсон, — усиливает сомнение в достоверности документа, адресованного Енисейскому охранному отделению»¹².

Аронсону 6 мая вновь ответил Михайловский¹³. По его мнению, Еремин был вправе говорить о том, что Сталин встал в оппозицию, поскольку он был своим человеком в Департаменте полиции, употребление полного, а не сокращенного названия российской столицы (Петербург) являлось «формальностью», не соблюдавшейся в «маловажной переписке», виденные им документы Департамента полиции имеют тот же бланк, что и письмо Еремина, который в качестве руководителя отдела имел право ставить на документах одну свою подпись, в отличие от «обывателя» охранка хорошо знала все псевдонимы Сталина.

Любопытно, что в этом же номере газеты «Новое русское слово» была помещена под нейтральным названием «Документ о Сталине» заметка Н.Нарокова¹⁴. Соглашаясь с тем, что письмо Еремина «не отвечает формам тогдашнего делопроизводства, прежде всего гражданского», автор тем не менее фактически в своем заключении говорит о его подлинности. Письмо Еремина,

пишет он, не является ни «предписанием», ни «отношением», ни «циркуляром», ни «справкой», а представляет собой особый вид служебной бумаги — «официальное письмо», отправленное не от учреждения, а от «лица» и на «личном бланке» (?).

Аргументацию Нарокова вскоре попытался конкретизировать П.Елецкий. Согласно его заключению, злополучный документ написан по форме «личного письма из Положения о письмоводстве в военном ведомстве», которым пользовался Корпус жандармов и, «надо думать», Департамент полиции. В соответствии с этим «Положением» подписи второго лица и печати на подобного рода документах не требовались¹⁵.

Во все более раскручивавшейся полемической дуэли вокруг письма Еремина вскоре прозвучал и голос почти очевидца событий. А.В.Байкалов, проживавший в Красноярске с конца 1910 г. по 1918 г. после административной ссылки в Туруханский край, заявил, что в Енисейске «никаких жандармских учреждений вообще не было». После Февральской революции он лично во главе военного наряда занял и опечатал помещения губернского жандармского управления в Красноярске, в том числе архив. В ходе тщательного изучения архива жандармского управления на предмет выявления его секретных агентов никаких данных о связях Сталина с охранкой обнаружено не было¹⁶.

После более чем месячной паузы в полемическую дуэль вступил и главный виновник сенсаций — журнал «Лайф». Б.Д.Вольф, автор книги «Трое, сделавшие революцию», находя воспоминания Орлова убедительными, в отношении письма Еремина предлагает «проверить несколько моментов»: известность псевдонима Сталина, впервые использованного им 12 января 1913 г., и эпизод с разгромом полицией Авлабарской типографии — 15 апреля 1906 г., когда это случилось, Сталин находился в Стокгольме, а не в Грузии. Но в свете дальнейших событий, о которых читатель узнает ниже, важное значение имело своеобразное мемуарное свидетельство Вольфа. «В 1952 году, — пишет он, — ко мне обращался за консультацией чиновник, эксперт по России из Госдепартамента, по поводу документа, являющегося, как кажется, тем самым, который вы теперь опубликовали. Мы пришли к заключению, что результаты его публикации в тот момент были непредсказуемы»¹⁷.

Серия последующих полемических выпадов друг против друга сторонников и противников подлинности письма Еремина мало что добавляла к их аргументации. Дисбаланс в их все более и более ужесточающийся спор внесла статья Аронсона «Фальшивка о Сталине». По опубликованным в СССР еще в 1927 г. источникам он установил, что 12 июля 1913 г. Еремин никак не мог подписать письмо Железнякову, поскольку еще 11 июня того же года он был назначен начальником Финляндского жандармского управления. Фальсификатор или фальсификаторы, не зная об этом, «не доглядели мелочь — и на этой мелочи провалились», заключал Аронсон¹⁸.

Спустя три дня газета «Новое русское слово» поместила обширную статью бывшего служащего российского МВД М. Подольского. Опираясь на правила ведения делопроизводства в министерствах и ведомствах Российской империи, зафиксированных в законе «Учреждение министерств», автор высказал ряд важных соображений. По его мнению, «совершенно невероятно» сокращение «М.В.Д.» в угловом штампе, после которого отсутствует еще один необходимый элемент — гриф «Департамент полиции». Вместо правильного наименования адресата («Начальнику Енисейского Охранного отделения») письмо Еремина содержит «совершенно недопустимое личное обращение», а также «совершенно неприемлемое окончание». В то же время Подольский обратил внимание на ряд иных деталей письма Еремина, свидетельствующих о его подлинности. Отсутствие печати он объясняет существовавшей «административной практикой» отношений государственных учреждений друг с другом, начальник Особого отдела Департамента полиции назывался «заведывающий», агенты охранных отделений назывались «секретными сотрудниками» и во избежание провалов имели клички¹⁹.

Одновременно происходило и непубличное обсуждение вопроса о подлинности письма Еремина. Так, например, Л.О. Дан в письме Н.В. Валентинову-Вольскому от 19 апреля 1956 г. уверенно заявляла о его фальсифицированном характере: «Есть разные мелкие соображения, не имеющие абсолютной силы, — и язык не тот канцелярский, на каком писались такие "отношения", и подпись, мне кажется, ставилась иначе — не просто фамилия, а указание чина или звания, и не говорили охранники "оппозиция к правительству", и называли они своих людей "сотрудники", а не "агенты" и т.д.»²⁰. В другом своем письме тому же адресату от 3 мая, касаясь мнения Валентинова-Вольского об отсутствии в Енисейске охранного отделения, Дан поделилась с ним важным фактом: «Я тоже так думала, но это не верно, но все же именно на этой косточке фальшивомонетки и поскользнулись! Оно существовало, но было упразднено до той даты, которая фигурирует на фальшивке. Так что эти плуты знали, но не все»²¹.

Новые важные факты, связанные с историей бытования письма Еремина, стали известны после публикации статьи известного специалиста по подлогам Р. Враги²². По его данным, письмо Еремина впервые появилось на «информационном рынке» в 1936—1937 гг. в кругах российской эмиграции, связанных с двумя организациями — «Братством Русской Правды» (Прибалтика) и «Союзом русских фашистов» (Дальний Восток). Уже тогда мнения о его подлинности разделились: у одних она не вызывала сомнения, другие прямо утверждали, что письмо изготовлено в Риге бывшим агентом охранки, третьи связывали его изготовление с разведывательной службой атамана Семенова. Тогда же предпринимались неоднократные попытки продать письмо Еремина немцам, японцам, румынам. Наконец, в 1949 г. письмо Еремина вновь «всплы-

ло» в Париже, где была предпринята попытка его публикации, но экспертиза, проведенная Врагой и Б.Сувариным, доказала, что это фальшивка.

Врага далее кратко изложил свои доказательства. Во-первых, невозможно понять, что побудило Еремина отправить такое письмо. Во-вторых, в Енисейске не было охранного отделения. В-третьих, к ротмистру Железнякову Еремин не мог обращаться так вежливо, равно как и завершать столь же вежливо свое письмо. Далее Врага систематически изложил и другие аргументы, уже появившиеся к моменту его публикации в печати и рассмотренные нами выше.

Опубликованная к этому времени книга Левина мало что добавляла к его аргументации в пользу подлинности письма Еремина. Однако она в концентрированном виде содержала ответы его оппонентам. Суть их в следующем: отзыв о Сталине как агенте, работа которого отличалась точностью, «подходит к нему больше, чем к большинству революционеров»; упоминание Петербурга, а не Санкт-Петербурга «является признаком подлинности, поскольку так обычно называли столицу»; к концу 1913 г. Джугашвили уже был известен как автор книги «Марксизм и национальный вопрос», подписанной псевдонимом «К.Сталин»; шестикратное упоминание его имени в письме также указывает на его подлинность, поскольку фальсификатор «навверняка избегал бы таких повторов».

В обширной рецензии на книгу Левина Аронсон повторил свои прежние аргументы относительно подложности письма Еремина и дополнил их новым. «Разве это постижимо, — пишет он, — чтобы на протяжении более 40 лет никто не мог раскрыть "великий секрет" человека, окруженного ненавистью? Разве Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский и другие не использовали бы этот козырь в своей борьбе против Сталина? Разве не был бы документ, будь он подлинным, передан нацистским или японским агентам? Разве некий чиновник охраны держал бы его под замком и в конечном итоге продал нескольким русским эмигрантам? И, в частности, по какой причине бывшие чиновники царской полиции скрывали службу им Сталина?»²³

Пытаясь найти политические мотивы подлога, вернее его реанимации в 1956 г., Аронсон увидел их в том, чтобы переключить внимание общественности с развенчивания сталинщины «в сферу спорных мелочей», и далее делает важный вывод: доказательство подложности письма Еремина «стало бы сокрушительным ударом всему делу дискредитации сталинизма».

Иначе посмотрел на книгу Левина ее рецензент в газете «Россия» П.Шпилевский. Старательно изложив доводы автора относительно подлинности письма Еремина, он далее заметил: «Если, пренебрегая всеми шестью изложенными доказанными фактами, попытаться утверждать, что все-таки документ подделан, то его подлинность от этого только выиграет...» Суть последующих рассуждений автора, подтверждающих этот неожиданный вывод, сво-

дилась к следующему. Если письмо — фальшивка, то она могла быть изготовлена только тогда, когда деспотизм Сталина стал очевидным. Вряд ли подлог сделан в СССР. Следовательно, автор или авторы фальсификации должны были иметь в своем распоряжении соответствующую пишущую машинку и бумагу дореволюционных образцов. Тот или те, кто стоял (стояли) за фальсификацией, должен был быть в курсе биографии Сталина тридцатилетней давности, в курсе агентурной работы Департамента полиции по социал-демократическому подполью и правил постановки делопроизводства в этом учреждении. Кроме того, пишет Шпилевский, в случае фальсификации «документ должен был быть иначе составлен, т.е. лишен сомнительных, трудно доказуемых деталей»²⁴.

Вскоре своим критикам — Подольскому и Аронсону — вновь ответил Левин. Он представил фотокопию подлинного документа Департамента полиции, отправленного за несколько месяцев до письма Еремина, в Норвегию и хранящегося в архиве Гуверовского института. Оно опровергало наблюдения Подольского над формуляром письма Еремина, и поэтому Левин торжествующе заметил, что Департамент полиции «следовал не правилам, принятым в гражданской переписке..., но правилам, принятым в военных учреждениях». Касаясь же аргумента Аронсона относительно того, что Еремин не мог в июле подписать свое письмо, так как был переведен в Финляндию, Левин и вовсе обезоружил своего оппонента. Оказывается, по свидетельству генерала Спиридовича, в 1913 г., когда праздновалось 300-летие дома Романовых, царская семья путешествовала по России «в сопровождении высоких жандармских чинов — подчиненных (?! — В.К.) Еремину, а потому он оставался на своем посту несколько недель после своего назначения»²⁵.

«Новое русское слово» вскоре предоставило свои страницы и человеку, непосредственно служившему в российском МВД и даже знавшему Еремина²⁶. «Каждому, кто хоть немного знаком с системой письмоводства в Департаменте полиции, — писал Николай Веселаго, — невозможно представить, чтобы из него вышел подобный документ, контрастирующий с подлинными документами стилистикой, характером адресовки, концовки, исходящим номером 2898, что не соответствует самой работе Особого отдела, из которого ежедневно исходило не менее 50 номеров, большинство, или даже почти все, секретные, а это была вторая половина года». Осторожное, но все же сомнение у Веселаго вызвало и упоминание Енисейского охранного отделения. «Если мне память не изменяет, — заметил он, — в то время в Енисейске был розыскной пункт, но утверждать этого я не могу, так как 43 года — слишком большой срок, чтобы помнить это». И в то же время Веселаго уверенно заявил, что 12 июля 1913 г. (пятница) Еремин точно еще находился в Особом отделе Департамента полиции, ссылаясь на «одно мое личное дело» этого дня, зафиксированное в памяти.

Полемика продолжалась словно закрученная и брошенная вверх монета: «орел» или «решка», подлинное или сфальсифицированное письмо Еремина. Для тех, кто наблюдал дискуссию вокруг него, кажется, истина уже представлялась непостижимой, как непостижимо угадать падение монеты, брошенной, впрочем, честной рукой.

Заметка бывшего полкового адъютанта Е.Л.Янковского поясняла «характер и общий вид» документов, установленных Положением о письмоводстве военного ведомства. Чиновник с многолетним стажем, он констатировал, что строгие правила, зафиксированные в этом Положении, «не могут являться окончательным критерием при выяснении подлинности сталинского (так в тексте. — В.К.) письма», поскольку российская практика была, как всегда, далека от идеала.

Полемическими ударами вскоре вновь обменялись Левин и Аронсон. Левин повторил свои аргументы в пользу подлинности письма Еремина и одновременно попытался подкрепить их новым фактическим материалом. Цитируя не вызывающее сомнения письмо Департамента полиции генерал-губернатору Финляндии о предотвращении контрабанды оружия от 20 августа 1913 г., он обращает внимание на то, что в нем упоминаются «секретные агенты», ссылается на свидетельства современников о наличии в Енисейске охранного отделения, в т.ч. Б.Николаевского, бывшего в Енисейске председателем Комитета общественной безопасности и заставшего полковника Руссиянова за уничтожением бумаг у себя в кабинете. Касаясь эпизода с назначением Еремина в Финляндию 11 июня 1913 г., Левин приводит документальное свидетельство о том, что тот еще 20 июня находился в Департаменте полиции в Санкт-Петербурге, что подтверждает и публикация Веселаго. Более того, Левин в одном из финских архивов обнаружил извещение генерал-губернатора Финляндии о том, что 11 июня Еремин назначен под его командование. Извещение было получено канцелярией генерал-губернатора 7 июля, что, по мнению Левина, означает: Еремин не мог занять новый пост сразу после назначения на него²⁷.

В ответе Левину Аронсон усилил свои прежние аргументы, добавив к ним новые. Шестикратное упоминание в письме Еремина псевдонима «Сталин» никак не возможно объяснить, если учесть, что Джугашвили до 1913 г. всего лишь однажды использовал этот псевдоним; все устные свидетельства о наличии в Енисейске охранного отделения, на которые опирается Левин, носят характер предположений и не подкреплены конкретными документальными фактами; Левин не доказал, что Еремин мог подписать 13 июля 1913 г. письмо в Енисейск²⁸.

Легко заметить, что в полемике вокруг письма Еремина ее участники от общих рассуждений и домыслов постепенно все чаще и чаще стали обращаться к свидетельствам очевидцев, а затем использовать и документальные источники. Poleмика из

разряда отвлеченных интеллектуальных упражнений все больше становилась на почву реального анализа, добывания конкретных, проверенных знаний.

Выдающуюся роль в этом деле сыграл доклад преподавателя Бруклинского колледжа, специалиста в области криминологии М.К.Тителла на заседании Американской ассоциации развития науки 29 декабря 1956 г., где присутствовало около 200 слушателей. Главный вывод доклада был сформулирован его автором следующим образом: «Изучение сталинского-ереминского письма, которое повлекло за собой [мою] поездку по нескольким европейским странам с целью опроса тех, кому могло быть что-то известно по этому поводу, а также анализ нескольких тысяч документов убедили меня в том, что письмо является подлогом»²⁹.

Прежде всего Тителл установил, что письмо Еремина напечатано не на машинке завода «Ремингтон», а на машинке немецкого производства типа «Адлер». Архив завода «Адлер» был уничтожен во время Второй мировой войны, но Тителл опросил его старейших сотрудников, и те сообщили, что «русский шрифт, которым отпечатан оспариваемый документ, был изготовлен впервые в 1912 году». Поскольку из текста ереминского письма видно, что он набран «изношенным и разбитым» шрифтом, Тителл сделал вывод о том, что этот текст должен был быть написан много лет спустя после 1912—1913 гг.

Далее Тителл в поисках Добролюбова, о котором писал Левин, посетил греческую православную церковь в Берлине (Шарлоттенбурге) и опросил ее служителей. Те категорически заявили, что никакой Добролюбов не служил в этой церкви, равно как и то, что никакой Левин никогда не спрашивал их о нем. То же самое повторилось и в Висбадене, на русском кладбище которого не обнаружилась могила Добролюбова, а в книгах захоронений с 1945 г. не значился умерший с такой фамилией.

Из Германии Тителл отправился в Хельсинки, где изучил более 3 тысяч документов из фонда Финляндского жандармского управления, включая 85, подписанных Ереминым. Ни один из них не был напечатан на машинке «Адлер», что же касается подписей Еремина, то их различия с подписью на письме Железнякову оказались столь очевидны, «что дополнительных комментариев не требуется», заявил Тителл. Кроме того, в этом же фонде он обнаружил документ, подписанный Ереминым 19 июля 1913 г. уже в качестве шефа жандармов Финляндии, т.е. спустя всего неделю после отправки письма в Енисейск, что, по мнению автора доклада, является невероятным.

Казалось, доклад Тителла ставил все точки над *i* в затянувшемся споре вокруг подлинности письма Еремина. В значительной степени из плоскости отвлеченных рассуждений предшествующих участников дискуссии он переводил проблему в плоскость фактических наблюдений, из которых однозначно следовало, что письмо — фальшивка.

Однако дальнейшие события начали разворачиваться неожиданно, прежде всего для самого Тителла, образом, поставив под удар не только его научный авторитет, но и судьбу. Информация о докладе и его основные положения были опубликованы в четырех номерах газеты американских коммунистов «Дейли Уоркер». Эта публикация привлекла внимание подкомитета по внутренней безопасности Сената США, увидевшего в ней «защиту премьера Сталина». Главный советник подкомитета Р.Моррис свидетельствовал: «Будучи озабоченным возможностью того, что коммунисты начинают кампанию по реабилитации маршала Сталина, подкомитет решил ознакомиться с тем, чем занимался г-н Тителл»³⁰.

С июня 1957 г. по январь 1958 г. Тителл был трижды опрошен на заседаниях подкомитета Сената по внутренней безопасности. Уже первые, вроде бы невинные, вопросы не обещали для Тителла ничего хорошего. Упомянутый выше советник Моррис спросил: «Не работали ли Вы на кого-нибудь?», а затем попросил уточнить Тителла, предпринял ли он свое исследование «на самостоятельной основе или как деловое предприятие». Автор нашумевшего доклада категорически отверг какие-либо подозрения в заказном характере своей работы³¹.

Однако приведенный к присяге, боясь обвинений в лжесвидетельстве, Тителл спустя чуть более месяца в специальном письменном заявлении был вынужден сделать ряд важных признаний. Дело в том, что в качестве специалиста по подлогам он оказывал консультации А.Хиссу в ходе подготовки над тем второго судебного процесса. «Дело Хисса» — одно из нашумевших судебных дел периода маккартизма. В 1948 г. он был обвинен в передаче СССР секретных документов внешнеполитического ведомства США. Тогда Хисса осудить не удалось. В начале 50-х годов готовился новый судебный процесс, в результате которого Хисс был приговорен к 5 годам тюремного заключения. В качестве одного из доказательств предательства Хисса фигурировали документы, подлинность которых Хисс и его адвокаты оспаривали.

В своем заявлении Тителл свидетельствовал: ему показалось, что «поверенных Алджера Хисса... может заинтересовать вопрос о подлинности или поддельности» письма Еремина. Посетив одного из них — Ч.Т.Лейна, он поделился с ним своими сомнениями. Тот сказал, что «ему будет весьма интересно», если исследование Тителла «покажет, что подделка, если это подделка, окажется изготовленной на пишущей машинке такого типа, который был использован для подделки документов в деле Хисса»³². Получив 1000 долларов в качестве гонорара, Тителл и приступил к своему исследованию.

Это было важное признание, показывавшее заказной характер работы Тителла. Но далее события приобрели и вовсе печальный для него оборот. Директор подкомитета по внутренней безопасности Б.Мандель посетил висбаденскую церковь и опросил лиц, с которыми ранее беседовал Тителл. Оказалось, что загадочный

«Добролюбов», как бывший подпольщик (?!), имел не один псевдоним. В их числе был и псевдоним «Добровольский». Без какого-либо труда Мандель обнаружил могилу, надгробный камень Добровольского и получил копии свидетельств о его смерти.

В качестве одного из доказательств подлога письма Еремина, а ранее недобросовестности Левина, Тителл привел подлинное письменное свидетельство протоиерея церкви Адамантова. Оно гласило: «Я, нижеподписавшийся, служу в русской православной церкви Висбадена с сентября 1908 года по настоящее время за исключением периода Первой мировой войны (1914—1919 гг.). Ни один человек с фамилией Добролюбов со мною не служил ни в каком качестве. Кроме того, на нашем русском кладбище нет надгробия с такой фамилией. Я не помню встречи с американским журналистом, г-ном Дон Левиным». Неутомимый Мандель и в этом случае обнаружил фальсификацию Тителла. Оказалось, что существует первый вариант письменного свидетельства Адамантова, в котором было перечеркнуто важное дополнение: «Но есть могила, в которой захоронен русский полковник запаса Иван Васильевич Добровольский, 65-ти лет от роду. 1/14 февраля 1947 г. Добровольский поселился в Висбадене после Второй мировой войны и временно исполнял обязанности пономаря в нашей церкви»³³.

Все тот же Мандель нанес и еще один, вовсе сокрушительный, удар построениям Тителла. Посетив предприятие, выпускавшее пишущие машинки «Адлер», он получил «без труда» письменное свидетельство его руководства о том, что «первая пишущая машинка с русским кириллическим шрифтом, модель 8, была изготовлена в 1903 году»³⁴.

Бедный Тителл! В своем исследовательском, пусть и меркантильном, порыве он не мог представить себе, что на мгновение окажется объектом внимания специальных служб США. Простыми до примитивности способами они не только дезавуировали его выводы о фальсификации письма Еремина, но и скомпрометировали его имидж ученого и человека. Разорванная цепочка: письмо Еремина — «дело Хисса» больно ужалила ее создателей своими концами.

Подкомитет по внутренней безопасности Сената США не только решил поставленную перед ним задачу нейтрализации выводов Тителла, но и достиг цели создания соответствующего фона вокруг судебного процесса над Хиссом. Политика и ее грязные методы в очередной раз танцевали канкан над наукой.

В число действующих персонажей пьесы (драмы, трагедии, фарса?) «Сталин — агент охраны» теперь мы должны ввести нового персонажа. Э.Смит, американский историк, готовивший наивную книгу о Сталине «Сталин: неуловимый революционер», обратился за консультациями к Дж.Кеннану. Это был бывший ответственный сотрудник Государственного департамента США, в руки которого, едва ли не первого в истории с письмом Еремина, попал

этот документ. Потом он был послом США в СССР и затем вдруг стал историком. Будучи чиновником, а не историком, он, конечно, письмо Еремина включал в иной контекст. «Моя реакция, — назидательно писал он Смигу, — на этот документ состояла в том, что я не обнаружил абсолютно ничего, что бросало бы сомнение на его подлинность, и я признаю его заслуживающим самого тщательного изучения. Я не считаю, что правительству Соединенных Штатов следовало публиковать его при жизни Сталина (будучи уверенным, что это повредит его достоверности), и предложил, что если его и публиковать, то это должно быть сделано частным образом, на достаточно высоком научном уровне, в сопровождении критического анализа компетентного историка»³⁵. Так размышлял Кеннан-чиновник. Став историком, он, конечно, должен был продемонстрировать бóльшую объективность. Она оказалась довольно странной по своей противоречивости. Мэтр политики писал своему корреспонденту Смигу в 1966 г. о письме Еремина: «Я могу не колеблясь сказать, что следы подлинности слишком сильны, чтобы оно было подделкой, но и следы подделки почти столь же очевидны, чтобы считать документ абсолютно подлинным»³⁶. Чиновник Кеннан боролся сам с собой, с историком Кеннаном, а потому в конце концов в том же письме Смигу был вынужден признать: «Лично я думаю, что документ, возможно, и подделан, но подделан тем, кто был полностью знаком с существовавшей документацией, кто имел марки, печати, бланки и т.п. енисейского ведомства и видел подлинный документ подобного содержания»³⁷.

Печально, но факт: все споры вокруг письма Еремина могли бы прекратиться сразу после знакомства с советскими архивами. Но иностранцам по столь деликатной проблеме доступ к ним был закрыт, а для советских ученых сама постановка темы «Сталин — агент охраны» была просто невозможна.

Впрочем, до определенного момента. С началом перестройки появилась возможность более или менее свободного обсуждения ранее запретных тем. Уверен, что ни М.С.Горбачев, ни его советники, задумывая перестройку, к сожалению, ничего не знали о своем предшественнике — египетском фараоне Аменхотепе, также решительно разорвавшем связь с прошлой идеологией. Опьяняющее ощущение свободы слова и мнений, к которой так жадно десятилетиями стремились россияне, наконец-то стало возможным.

«Комсомолец Забайкалья», кажется, стал первым органом массовой информации, поведавшим советскому читателю о том, что «Сталин — агент царской охраны». Помещенное на страницах этой газеты интервью доктора исторических наук, профессора Московского государственного института международных отношений Ф.Д.Волкова не оставляло никаких сомнений на этот счет. В интервью корреспонденту этой газеты Волков сообщил о сенсационном факте: «Доктором исторических наук, профессором Георгием Анастасовичем Арутюновым в Центральном государственном архиве Октябрьской революции найден документ, подтверждаю-

щий, что И.Сталин-Джугашвили был агентом царской охранки. Копия этого документа была направлена в свое время Н.С.Хрущеву. О нем было сообщено Л.И.Брежневу, К.У.Черненко и в 1986 году — М.С.Горбачеву»³⁸.

Вскоре массовый советский читатель впервые получил возможность ознакомиться и с текстом письма Еремина, хранившегося, по словам его публикаторов — Волкова и Арутюнова, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. В комментариях к публикации авторы констатировали, что письмо Еремина «свидетельствует: не позже 1906 года И.Джугашвили (Сталин) стал агентом царской охранки и добросовестно выполнял принятые на себя обязательства на протяжении нескольких лет, примерно до 1912 года»³⁹.

Публикация Волкова и Арутюнова легко и плавно включила предательство Сталиным дела революции в мрачный список преступлений сталинизма, все более и более стремительно пополнявшийся на рубеже 80—90-х годов. Правда, ее авторы были вынуждены отметить «замечания в отношении его (письма Еремина — В.К.) подлинности», тут же, впрочем, постаравшись дезавуировать их. Касаясь возможности того, чтобы Департамент полиции в официальной переписке мог назвать подлинную фамилию, а не кличку своего агента, Волков и Арутюнов склонны объяснить это тем, что к 1913 г. «надобность в жандармской конспирации отпала», поскольку Сталин порвал сотрудничество с охранкой. По их словам, начальником Енисейского охранного отделения в 1913 г. был М.А.Байкалов, а не Железняков, но это несоответствие авторы объясняют «намеренной или ненамеренной ошибкой Еремина, который в бюрократическом рвении "повысил" в должности А.Ф.Железнякова» (?). По заключению Волкова и Арутюнова, подпись Еремина совпадает с подписями на других вышедших из его подразделения документах.

Волков и Арутюнов либо не знали или не имели возможности знать о той полемике, которая существовала в западной прессе вокруг письма Еремина, либо сознательно умолчали о ней. Ведь тогда шокированному советскому читателю было бы легче объективно судить об этом документе. Однако их публикация содержала ссылки на архивные материалы, даже прямо сообщала, что оригинал, т.е. отпуск письма, направленного в Енисейск Ереминым, сохранился. Иначе говоря, казалось, что для советских ученых стало возможным то, что в силу обстоятельств доступа к советским архивам было абсолютно невозможно для западных исследователей.

После публикации Волкова и Арутюнова стало ясно: ответ на вопрос о подлинности письма Еремина могут дать только архивные разыскания, тем более что время перестройки создало условия для них в гораздо большей степени, чем ранее. И такие разыскания были блестяще проведены сотрудниками того самого архива, на который ссылались Волков и Арутюнов.

Серия статей З.И.Перегудовой и Б.В.Каптелова⁴⁰ представляла собой образец высочайшего мастерства источниковедческого анализа, традиционно известного как «внутренняя» и «внешняя» критика исторического источника. Поразительно, что, вероятно, не зная полемики вокруг письма Еремина в западных средствах массовой информации, авторы статей шли в своих размышлениях как бы параллельно с теми, кто доказывал фальсифицированный характер этого документа на основании его определенных признаков. Но у них было еще и большое преимущество перед своими коллегами-предшественниками: они прекрасно знали документы Департамента полиции и потому могли пользоваться не воспоминаниями, не предположениями и домыслами, а всей совокупностью фактов, документально зафиксированных в архивных материалах.

Прежде всего, выяснилось, что никакого отпуска, копии письма Еремина в тщательно сохраненных и пронумерованных еще до 1917 г. делах Департамента полиции нет и не было, что подтверждается и журналом регистрации исходящей корреспонденции. Угловой штамп письма Еремина не соответствует угловым штампам бумаг, исходящих из Департамента полиции в 1906—1913 гг.: например, бланки со словом «заведывающий» не употреблялись со второй половины 1910 г. Регистрационный штамп входящей корреспонденции также вызвал у авторов «недоумение». Они установили, что в «этот период» «во всех жандармских учреждениях подобные штампы проставлялись с зафиксированной на каждый день датой и только сам номер заполнялся от руки». Переписка с пометой «лично», согласно существовавшим правилам, неизбежно предполагала указание не только должности, но и чина адресата и автора.

Поразительный результат дал анализ исходящего номера письма Еремина — 2889. Согласно действовавшей в 1913 г. в Департаменте полиции Инструкции по ведению делопроизводства, Особый отдел получил для секретной корреспонденции номера начиная с 93001 и далее, а для совершенно секретной корреспонденции — с номера 111001. Следовательно, документ с номером 2889 никак не мог выйти из Особого отдела.

Вызывают у авторов статьи сомнения и другие особенности письма Еремина. Так, согласно правилам дореволюционного правописания, в бумагах Департамента полиции невозможно найти отчества («Иванович», «Васильевич» и т.д. — всегда писалось «Иванов», «Васильев» и т.д.), тогда как в письме Еремина Сталин назван Иосифом Виссарионовичем. Документами архива не подтверждается причастность Сталина к разгрому Авлабарской типографии, обнаруженной полицией в 1906 г. совершенно случайно. Во всех документах Департамента полиции Сталин фигурирует в это время под кличками «Коба», «Сосо», «Кавказец», «Молоч-

ный». Кличка «Сталин» использовалась Департаментом полиции в отношении автора работ по национальному вопросу — там не было известно, что за ней скрывается Джугашвили. По документам известно, что в 1913 г. не существовало Енисейского охранного отделения, а существовал Енисейский розыскной пункт, заведующим которого был не Алексей Федорович Железняков, а Владимир Федорович — единственный Железняков, служивший в 1913 г. в корпусе жандармов. Сам Еремин в июле 1913 г. не мог подписать такого письма, поскольку, согласно сохранившемуся заявлению, с 1 июня находился в двухмесячном отпуске. Для архивистов, постоянно сталкивавшихся с подписанными Ереминым документами, констатировали Перегудова и Каптелов, «совершенно очевидно, что подпись Еремина подделана».

Казалось бы, выводы компетентных историков-архивистов должны были бы закрыть вопрос о подлинности письма Еремина, которое после их работы со всей очевидностью можно было бы назвать так называемым «письмом Еремина». Но оно было так привлекательно, так легко и просто объясняло период сталинского правления, что в дальнейшем полемика и в России пошла в русле «западного сценария» споров вокруг этого документа.

Волков взял на себя роль «советского Левина», упрямо доказывая в ряде своих публикаций подлинность «письма Еремина»⁴¹. Так, опираясь на справку царской охранки от 19 октября 1911 г., в которой упоминался «начальник Енисейского губернского управления» ротмистр Железняков, он почему-то уверенно заявил, что Перегудовой и Каптелову, «столь компетентным товарищам, следовало бы знать, что Енисейское охранное отделение, по имеющимся документам, существовало». Во-вторых, утверждает он, в 1913 г. начальником Енисейского охранного отделения был М.А.Байков, а А.Ф.Железняков был его заместителем. Это противоречие, по мнению Волкова, «кажущееся: может быть это ошибка Еремина, повысившего А.Ф.Железнякова и перепутавшего его имя — не Алексей, а Владимир Федорович. Ошибка могла произойти». В-третьих, Волков настаивает на подлинности подписи Еремина. В-четвертых, Волков констатирует: «по данным Б.Каптелова и З.Перегудовой номер документа не совпадает» (с чем? — *В.К.*), никак, впрочем, не пытаясь объяснить такое несоответствие. В-пятых, упоминание в «письме Еремина» Сталина и Джугашвили он объясняет двумя причинами: документ был секретным и личным, с 1912 г. Сталин прекратил или ослабил свои связи с охранкой. В-шестых, по мнению Волкова, Еремин «мог задержаться» с отъездом в Финляндию. В-седьмых, по его мнению, «можно утверждать определенно», что Сталин был причастен к провалу Авлабарской типографии.

Это была имитация научного знания в форме достаточно грубых передержек, нагловатых умолчаний и бессодержательных домыслов. Однако основные выводы статей Волкова и Арутюнова еще какое-то время оставались предметом пропаганды их последовательницы Серебряковой⁴². Впрочем, все же Серебрякова, отстаивая тезис о Сталине как агенте охраны, после работ Перегудовой и Каптелова сначала с большей осторожностью начала относиться к «письму Еремина», а затем и вовсе исключила его из арсеналов своих доказательств о провокаторстве Сталина.

К началу 90-х годов, можно сказать определенно, «письмо Еремина» утратило свою актуальность, окончательно перейдя из разряда подозрительных исторических источников в разряд фальсификаций. И вместе с тем в последние годы оно вновь продемонстрировало свою жизнестойкость, способность к реанимации. 19 сентября 1997 г. профессор Ю.Хечинов поведал читателям «Известий» об обнаруженном им в США в архиве Толстовского фонда все того же злополучного «письма Еремина»⁴³. Торопливая сенсация состоялась, хотя и была почти сразу развенчана. Сначала Ю.Фельштинский⁴⁴, а затем вновь Перегудова⁴⁵ напомнили читателям все перипетии открытия, бытования и изучения «письма Еремина». Последняя, повторив свои доказательства признаков подлога, пошла чуть дальше. Проведенная по ее просьбе юристом-графологом Д.П.Поташник графологическая экспертиза «с большой степенью вероятности удостоверила, что подпись в подражание Еремину» была выполнена... полковником Руссияновым, тем самым полковником, с именем которого связывалась находка «письма Еремина».

Трудно судить о времени изготовления подлога. Участники полемики вокруг него называли две даты: конец 30-х и конец 40-х годов. Ясно, однако, что он был точно рассчитан по своим политическим последствиям. В момент же его внедрения он не смог сыграть ту роль, которую отвел ему автор фальсификации: живой Сталин казался слишком опасной фигурой для компромата.

Чем замечательно «письмо Еремина» в истории фальсификации исторических источников? Прежде всего, высокой техникой подлога, начиная от легионирования его введения в общественный оборот и кончая приемами изготовления: бумага, шрифт, угловой штамп, штамп входящей корреспонденции, знание хронологии структурных и кадровых изменений в учреждениях охранного отделения. Но, как справедливо пишет Перегудова, «автор фальшивки слишком понадеялся на себя, на свою память», допустив серию мелких, но значимых для доказательства подлога неточностей. «Письмо Еремина», введенное в общественный оборот в очень важный период истории СССР, связанный с разоблачением Сталина, на этом фоне приобрело удивительную привле-

кательность и убедительность и потому легко реанимировалось дважды: сначала на Западе, а затем, уже в эпоху перестройки, — в СССР. Его бытование причудливым образом переплелось и с американской историей периода маккартизма.

Полемика вокруг «письма Еремина» может считаться классическим случаем постижения истины. От общих, порой условно доказательных рассуждений ее участники со временем все чаще и чаще подходили к получению проверенного знания, а затем вышли и на стадию доказательных документально фактов. Политический подтекст дискуссии, конечно, сдерживал продвижение к признанию документа фальсификацией, но он же еще больше оттеняет то обстоятельство, что тяга к истине составляет неотъемлемую черту, присущую человеческому знанию. С позиции «Сталин — агент охраны», конечно же, проще объяснить многие события советской истории, но от этого понятнее для всех нас она не станет. Наоборот, она будет упрощена, даже примитивизирована, и в личностях ее персонажей, и в сущности происходивших событий и явлений.

Глава 9.

Миф против мифа, или «Свидетельства очевидца» об убийстве царской семьи

В истории фальсификаций исторических источников подделка серии документов, о которых пойдет речь ниже, занимает особое место. Все они касались одного из самых трагических событий российской истории XX в. — уничтожения царской семьи и находящихся вместе с ней служащих. Об их мученической смерти и беспредельной жестокости, с которой были уничтожены тела жертв, стало известно впервые с большей или меньшей степенью подробности и достоверности после выхода в Берлине в 1925 г. книги судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда Н.А.Соколова «Убийство царской семьи»¹. Возглавив следствие об убийстве царской семьи в сложной обстановке Гражданской войны, Соколов сумел собрать подробные свидетельские показания очевидцев и участников одной из самых жестоких большевистских акций, раскрывавшие ее подготовку и проведение, и включил их полностью или частично в свою книгу.

Расследование Соколова, ряд других следственных действий, проведенных как по горячим следам совершенного преступления, так и много позже, прояснили многие детали убийства, но полностью восстановить его картины не смогли. Достаточно указать на то, что юридически остались не доказанными связь действий непосредственных организаторов и участников убийства с решениями большевистского центра, количество жертв, места уничтожения и захоронения трупов, персональный состав убийц. Все это являлось питательной средой для появления всевозможных слухов и домыслов, нередко приобретающих острое общественное звучание. Достаточно вспомнить периодически появлявшиеся легенды о чудесно спасшихся царевиче Алексее или царевне Анастасии, воплощавшиеся даже в реальные персонажи². Ни советское руководство, ни западный мир не могли не реагировать на эти слухи и домыслы, поскольку в случае их подтверждения легитимность и советской власти, и официально признанных наследников царской семьи подвергалась серьезной эрозии.

Поэтому в этих условиях сенсационной стала публикация, помещенная на страницах западногерманского журнала «7 дней» с 14 по 25 июля 1956 г.³ Она включала воспоминания бывшего военнослужащего австрийской армии И.П.Мейера, попавшего в июле 1916 г. в русский плен под Ровно, отправленного затем на работы в Сибирь, но благодаря знанию языков, в том числе русского,

ставшего после революционных событий 1917 г. «доверенным лицом международной бригады в Уральском военном округе».

На вопросы редактора журнала Мейер сообщил, что он присутствовал на двух заседаниях Екатеринбургского совета, где сначала принималось решение об уничтожение царской семьи и ее окружения, а затем заслушивался отчет об убийстве. Кроме того, по его словам, Мейер находился и в том месте, где происходило уничтожение трупов расстрелянных, Мейер заявил также, что, несмотря на перипетии его личной судьбы, ему удалось сохранить часть подлинных документов, связанных с этим событием. Предваряя публикацию своих «показаний», т.е. фактически мемуаров, он твердо заявил: «Я не только могу подтвердить мое сообщение, но и доказать документами, до сих пор неизвестными. Некоторые документы, вывезенные мной в Европу, пропали во время войны при бомбардировках. На то, что я при этом сообщении прилагаю, должно уже быть достаточным, чтобы вполне разъяснить, наконец, одно из самых потрясающих событий нашего столетия»⁴.

Действительно, к тексту «сообщения» были приложены фотографии шести интереснейших документов. Документ № 1 представлял собой «Протокол заседания Областного Исполнительного комитета Коммунистической партии Урала и Военно-революционного комитета», документ № 2 был озаглавлен «Список команды особого назначения в дом Ипатьева», документ № 3 назван «Протокол экстренного заседания Областного Исполнительного комитета совместно с членами Чрезвычайной комиссии и Революционного штаба», документ № 4 являлся «рублевым билетом» с подписями царской семьи, найденным якобы Мейером в доме Ипатьева, документ № 5 представлял собой типографский текст экстренного сообщения Екатеринбургского исполкома о расстреле Николая II, документ № 6 являлся удостоверением, выданным Мейеру Исполкомом Екатеринбургского совета (далее везде мы будем указывать только номера этих документов).

Фотокопии шести названных документов, которые были снабжены всеми аксессуарами подлинности (бланки, печати, подписи, грифы секретности и т.д.), действительно подтверждали обширный текст «показаний» или «сообщение» Мейера. Это был фактически цельный мемуарный отрывок, описывавший события в Екатеринбурге с 4 по 25 июля 1918 г.

Едва ли не с первых строк мемуары Мейера содержали ранее неизвестный фактический материал. Во-первых, они легализовывали фамилию одного из главных инициаторов и организаторов убийства — некоего Александра Мебиуса. Немец по национальности, родившийся в России, выпускник Горного института, он, по словам Мейера, уже со студенческих пор оказался вовлеченным в революционную деятельность. После Февральской революции Мебиус стал одним из организаторов Выборгского городского совета, затем был направлен Л.Д.Троцким в Сибирь «в качестве начальника революционного штаба». По свидетельству Мейера, Ме-

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЕ
ПРАВТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
СОВЕТОВ

Гор. Екатеринбург
19-го июля 1918 г.

ОБЛАСТНОЙ ОБЩЕ-
РАБОЧЕ-
КРЕСТЬЯНСКИЕ И СОЛДАТСКИЕ
ДЕПУТАТОВ.

ПРЕЗИДИУМ

~~Объявлено~~

№ 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Экстренного заседания Областного Исполнительного Комитета совместно с членами Чрезвычайной Комиссии и Революционного штаба.

На предстоящем заседании присутствующим был заслушан доклад подтверждающий факт ликвидации организации Чрезвычайной Комиссии семьи РСФСР согласно постановлению от 7-го июля 1918 г. Ближайшее указанное постановление состоялось 17-го июля 1918 г. в 1 час. 15 минуте.

Регистрация Сил:

1.	Николай	Романов
2.	Александра	Геоморовна Романова
3.	Алексей	Николаевич Романов
4.	Ольга	Николаевна Романова
5.	Анастасия	Николаевна Романова
6.	Татьяна	Николаевна Романова
7.	Мария	Николаевна Романова
8.	Евгений	Сергеевич Брехин
9.	Труп	Алексей Ефимович
10.	Демидова	Анна Ст
11.	Харитонов	Иван. Иван. сын

Предобч.совет

Белогородский

Ред. Исаков

Городской

Протокол экстренного заседания Областного Исполнительного комитета совместно с членами Чрезвычайной комиссии и Революционного штаба, состоявшегося 19 июля 1918 г.

Исполнительный Комитет при Екатеринбургском
Городском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов

**РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ШТАБ
УРАЛЬСКОГО РАЙОНА**

Чрезвычайная Комиссия

*114-5 00449
Зр 20000 Висимский
17.10.1918 г.*

С п и с о к

Команды особого назначения в дом Ипатьева

/ I го Каминл.стрелк.полк /

Командант: Горват Лаоке
Фигер Анзели
Здильтеми Изддер
Фекете Эилл
НАД Имре
Гринфелд Виктор
Вергази Андреас

Обл. Ком. Вагажев Серге
Медведев Паг
Имкулин

Гор. Екатеринбург 18-го мая 1918 г Начальник Чрезвычайн. Ком.

/ Юровски /

Список членов команды под начальством Юровского, назначенной
в дом Ипатьева для расстрела царской семьи

биус 4 июля произвел обыск в доме Ипатьева, где размещалась царская семья, и обнаружил в ванной комнате пять винтовок с патронами, что свидетельствовало о готовящемся освобождении узников. «В этот момент — пишет он, — неопределенная судьба Романовых была окончательно решена. Мебиус не был человеком, который мог безнаказанно оставить попытку освободить царя»⁵.

Во-вторых, мемуары подробно рассказывают о трех заседаниях руководящих органов Екатеринбургa.

На первом из них, состоявшемся 7 июля, было принято решение о казни царской семьи. По словам Мейера, на нем присутствовали, по крайней мере, А.Г.Белобородов, В.Ф.Голощекин, Мебиус, старый член партии П.М.Быков и автор мемуаров. Мейер свидетельствовал, что предрешение вопроса о казни едва не было сорвано Быковым, настаивавшим на публичном процессе над Николаем II. Однако жесткая позиция Мебиуса обеспечила принятие необходимого решения.

Второе заседание екатеринбургского руководства, по свидетельству Мейера, состоялось вечером 14 июля. Среди прочих вопросов на нем был заслушан отчет Голощекина о его поездке в Москву и встрече с Я.М.Свердловым. Уже без каких-либо дискуссий на этом заседании было принято окончательное решение уничтожить царскую семью вместе с находившимися при ней лицами, поручить «экзекуцию» Я.М.Юровскому и осуществить ее не позже 17 июля.

Третье заседание екатеринбургского руководства, по словам Мейера, состоялось 19 июля. Мейер подробно рассказал в мемуарах об отчете, с которым выступил в этот день перед собравшимися Юровский. В нем были изложены подробности расстрела. Автор дополнил содержание отчета деталями, которые он почерпнул от лиц, непосредственно принимавших участие в убийстве.

В-третьих, Мейер, как очевидец, сообщил об обстановке в доме Ипатьева сразу после расстрела царской семьи и обстоятельствах уничтожения трупов в урочище «Четыре брата».

«Показания» Мейера содержали и массу других зловещих подробностей организации уничтожения царской семьи, запоминающиеся портреты ее членов, их приближенных, например врача Е.С.Боткина, организаторов и исполнителей убийства. Они буквально заполнены массой фамилий людей, оказавшихся в той или иной степени причастными к июльским событиям в Екатеринбургe, в том числе одиннадцати исполнителей расстрела в одном из подвальных помещений дома Ипатьева.

Воспоминания Мейера в целом выглядят не только как обличительный, но и в равной мере как процессуальный документ. Его рассказ производил мрачное впечатление и однозначно квалифицировал убийство как тщательно спланированное преступление. Автор в своем повествовании оставался сторонним наблюдателем, с фотографической точностью, без каких-либо эмоций описав произошедшее. Даже, казалось бы, такой многозначительно-сим-

волический факт, как последующая печальная судьба ряда организаторов и исполнителей убийства — Юровского, Голощекина, Белобородова, Мебиуса, П.Л.Войкова, изложен им подчеркнуто констатирующе и сухо.

Повторим, что рассказ Мейера поражает своей фактографичностью и в еще большей степени — объемом описания мельчайших деталей и обстоятельств развернувшихся в июле 1918 г. в Екатеринбурге событий. Автор помнит число, расположение комнат ипатьевского дома, размещение в них одиннадцати узников, клички собак членов царской семьи, не только даты, но и время событий, маршруты своих перемещений под Екатеринбургом, вплоть до сторон света, цвета одежды, волос и глаз членов царской семьи и т.д. — все то, что спустя почти сорок лет вряд ли способна удержать человеческая память. При этом Мейер старательно и принципиально обходит вопрос об источниках своих столь детальных данных, ссылаясь исключительно на свою память или имевшиеся в его распоряжении документы (о наличии дневника автор не говорит). Лишь однажды Мейер упомянул вскользь «сообщения западного мира о последних днях царской семьи»⁶.

Из воспоминаний Мейера однозначно следует, что ему не была известна книга Соколова, содержащая, как уже говорилось, большой текстовой и иллюстративный материал, связанный с проведенным расследованием. Всего лишь один раз, и то вскользь, Мейер вспомнил «расследование белого следователя Соколова, прибывшего на место через девять месяцев». Автор подчеркивает свое незнание книги Соколова, например, такой деталью. Приступая к повествованию об убийстве, он пишет: «Я могу рассказать о расстреле царской семьи только по сообщению, сделанному Юровским вечером 19 июля перед Уральским Советом и Революционным комитетом, а также на основании отдельных рассказов, которые мне сообщили Хорват и другие члены экзекуционного комитета»⁷.

Однако текстологическое сравнение воспоминаний Мейера и книги Соколова показывает однозначно, что именно последняя лежала перед автором и именно из нее он черпал многочисленные факты.

Приведем несколько примеров.

Воспоминания Мейера	Книга Соколова
1. «Дом купца Ипатьева был двухэтажной постройкой и находился на возвышенной части так называемого Вознесенского проспекта... Фасад дома выходил на восток» ⁸ .	1. «Передним фасадом дом обращен к востоку в сторону Вознесенского проспекта. Здесь почва перед фасадом дома сильно понижается и имеет резкий уклон по Вознесенскому переулку» ⁹ .

Воспоминания Мейера	Книга Соколова
<p>2. «Весь верхний этаж был представлен царской семье, за исключением одной комнаты, которую всегда занимал комендант дома»¹⁰.</p>	<p>2. «Соседняя с ней (прихожей верхнего этажа. — В.К.) комната занималась большевистским начальством... Все остальные комнаты верхнего этажа предназначались для царской семьи и состоявших при ней лиц»¹¹.</p>
<p>3. «Внешняя стража была расположена наискось, в доме Попова»¹².</p>	<p>3. «Спустя некоторое время наружная охрана была переведена в соседний дом Попова... Дом Попова, где помещалась наружная охрана, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку»¹³.</p>
<p>4. «Вокруг дома был построен двойной забор из сырых бревен и телеграфных столбов. Внутренний забор окружал только часть дома, а внешний — дом. Он имел только двое ворот, которые очень строго охранялись»¹⁴.</p>	<p>4. «Дом Ипатьева, когда царская семья была заключена в нем, обнесен был двумя заборами... В наружном заборе были ворота и калитка... В тот момент он (дом. — В.К.) был обнесен деревянным забором, не закрывавшим парадного крыльца и ворот»¹⁵.</p>
<p>5. «Внутренняя стража в то время состояла только из русских»¹⁶.</p>	<p>5. «Только братья Мишкевичи и Скорожинский были, вероятно, польской национальности, все остальные охранники были русские»¹⁷.</p>

Нет смысла дальше продолжать текстологическое сопоставление: читатель уже и из приведенных примеров, число которых много больше, может убедиться в том, что бытовые и иные детали, на фоне которых разворачивалась трагедия и «запомнившиеся» Мейеру, восходят к книге Соколова. Более того, именно книга Соколова, содержащая формальный процессуально-следственный материал, крайне необходимый с точки зрения юридических норм, невольно подталкивала, можно сказать, даже провоцировала Мейера на отбор сюжетов своего рассказа: описание дома, охраны, членов царской семьи и т.д. Очевидно, это понимал и сам автор. Поэтому, чтобы скрыть свою зависимость от книги Соколова, в ряде случаев бытовые и иные реалии екатеринбургских событий, зафиксированные Соколовым, например, по свидетельским показаниям, Мейер делает противоположными соколовским. Так, в

частности, по книге Соколова, внутренняя охрана дома Ипатьева, насчитывавшая 19 человек, жила на втором этаже. Мейер поправляет полученные Соколовым данные: по его версии внутренняя охрана состояла из 10 человек и располагалась на первом этаже ипатьевского дома.

Из всего сказанного можно сделать по крайней мере один вывод: фантастическая память Мейера опиралась всего-навсего на книгу Соколова. Тот факт, что автор воспоминаний всячески стремится показать, что он знает не знает эту книгу, которая была перед его глазами, уже заставляет с большим подозрением относиться к его «показаниям». Подозрение, естественно, должно касаться и той части воспоминаний, которая как бы дополняет, расширяет, углубляет добытые Соколовым свидетельские показания об уничтожении узников ипатьевского дома.

Ниже мы попытаемся сопоставить эту часть воспоминаний Мейера с другими источниками, которые стали известны лишь совсем недавно. Сейчас же важно подчеркнуть, что оригинальная часть воспоминаний пронизана единой направленностью. Приводимые в ней факты с настойчивостью той или иной степени убеждают читателя в действительной гибели всех 11 узников дома Ипатьева и полном уничтожении их трупов.

Во-первых, автор рисует зловеще-беспощадную фигуру Мебиуса с его решительным настроем на уничтожение царской семьи. Она как бы стоит над столь же беспощадными в решении судьбы царской семьи фигурами Голощекина, Белобородова, Юровского. Во-вторых, портрет Мебиуса дополняет характеристика семи палачей интернациональной бригады. «Их ненависть к царю, — пишет Мейер, — была настоящей, так как им было ясно, что Россия будет продолжать войну против их родины в случае победы контрреволюционных белых армий. Это могло быть причиной назначения их на эту кровавую роль, готовность к которой они подтвердили на последующем опросе»¹⁸. В-третьих, многочисленные детали рассказа Мейера подчеркивают тщательность и продуманность готовившейся операции по уничтожению. Это показано подробным описанием охраны («железного кольца») не только дома Ипатьева, но и прилегающей к нему территории накануне казни. «Меня часто позднее спрашивали, — вспоминал Мейер, — не было ли возможно кому-нибудь неизвестному проскользнуть в дом и позднее из него выйти? Я могу только сказать, что это было совершенно невозможно»¹⁹. То же самое подчеркнуто описанием картины расстрела: 11 экзекуторов, вооруженных семизарядными наганами, делают 77 выстрелов, причем каждый из них «заранее выбрал себе цель». После расстрела Юровский на вопрос Голощекина «Все ли мертвы?» предлагает тому вместе с сопровождающими лицами самим убедиться в этом. Описание осмотра не оставляло сомнений в том, что царская семья и находившиеся при ней лица были мертвы: Войков «был занят обследованием расстрелянных, не остался ли кто-нибудь жив», П.С.Медведев, Ваганов и

Г.П.Никулин «были заняты заворачиванием трупов» в то самое шинельное сукно, которое Мейер по просьбе Юровского и Голощекина за несколько дней до казни предусмотрительно достал для этой цели. «Было одиннадцать трупов, — подчеркивает Мейер. — Это были, и в этом нет никакого сомнения, царь со своей семьей и своими последними верными людьми»²⁰.

Столь же однозначно Мейер рассказывает и об уничтожении трупов. По его словам, их сбросили в шахту, забросали дровами, облили бензином и подожгли. При этом «образовался огромный огненный язык». В течение ночи пылал в урочище «Четыре брата» костер, затем процедуру повторили еще раз, а после пепел и угли залили серной кислотой и сравняли шахту с землей. «Это было действительно настоящее адское дело, даже последние следы Романовых должны были быть навсегда уничтоженными», — заключал свой рассказ Мейер²¹.

Имея возможность читать книгу Соколова, другие опубликованные материалы и исследования об убийстве царской семьи, автор воспоминаний не мог знать целый комплекс свидетельств, ставших известными лишь совсем недавно. Но именно они доказывают фальсифицированный характер «показаний» Мейера.

Сохранившиеся дневники царя и царицы подтверждают факт замены охраны ипатьевского дома 4 июля. Однако в них нет ни слова об обыске, в результате которого в ванной комнате якобы были обнаружены винтовки. Допустить, чтобы такой факт остался не зафиксированным в дневниках царя и царицы, просто невозможно: напомним, что оба они рискнули записать даже возникшую незадолго до этого переписку с неким офицером, начавшим готовить их побег. Эта провокация, придуманная в ЧК, кстати, осталась неизвестной Мейеру, посвященному, по его словам, во многие детали готовившегося убийства. Ставшие известными воспоминания Юровского, Никулина, Кабанова, А.А.Стрекотина, П.З.Ермакова, расходясь в деталях, хотя подчас и очень важных, тем не менее согласно противоречат Мейеру в ряде приведенных им фактов.

Во-первых, в них не упоминается никакой Мебиус, зато большая роль в подготовке расстрела отводится члену президиума и товарищу председателя Уральского совета Г.И.Сафарову, фамилия которого на страницах воспоминаний Мейера вообще отсутствует. Во-вторых, согласно показаниям тех же лиц, в расстреле принимали участие шесть латышей из ЧК (фамилии их отсутствуют), а также П.С. и М.А.Медведевы, Кабанов, Ермаков, Юровский и Никулин — всего двенадцать, а не одиннадцать, как пишет Мейер, убийц. Даже если признать, что под «латышами» скрывались бойцы интернациональной бригады Хорват, Фишер, Эдельштейн, Факете, Надь, Гринфельд, Вергази, в списке Мейера отсутствуют один из Медведевых, Кабанов, Ермаков, зато включен Ваганов. В-третьих, показания участников расстрела согласно свидетельствуют о том, что они столкнулись с ошеломившим их фак-

том: пули, поразив большинство узников, странным образом отскакивали от дочерей царя. Их какое-то время спасали зашитые в платье бриллианты, и убийцам пришлось прибегнуть к штыкам, чтобы окончательно расправиться с жертвами. Причина этой странной живучести станет убийцам известна позже, во время уничтожения трупов, но важно подчеркнуть, что убийство все же не было столь четким и продуманным, как пишет об этом Мейер. В-четвертых, Мейеру осталось неизвестным повторное уничтожение и захоронение трупов, подробно описанное Юровским²².

Таким образом, фальсифицированный характер «воспоминаний» Мейера становится очевидным. Однако к ним приложены фотокопии документов, которые как бы подтверждали достоверность его показаний. Все они представляют собой документы официального происхождения, имея соответствующие реквизиты. Попробуем проанализировать эти реквизиты.

Документ № 1 изготовлен на бланке «Рабоче-крестьянского правительства Российской Федеративной республики Советов» с подзаголовком «Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Президиум». Документ снабжен двумя печатями. На первой на внешнем ободе читается лишь часть слова «Сов», а внутри — «Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», т.е., надо полагать, что первая печать является печатью Уральского областного совета. Вторая печать в центре имеет аббревиатуру «У.С.» и на внешнем ободе надпись «Военно-революционный (комитет). Р(?).В(?).К(?)», т.е. речь идет о печати Уральского военно-революционного комитета. Документ имеет три подписи-автографа и их расшифровки. Первая подпись «председателя» (далее не читается, но, очевидно, Уральского совета) Белобородова. Вторая подпись — «Воен...» (далее не читается, очевидно, «Военный комиссар») Голоचेкин» (так! — В.К.). Третья подпись — «на[чальника] Ревштаба» Мебиуса. Уже приведенные реквизиты вызывают сомнения в их подлинности. Подпись-автограф и его расшифровка — «Голочекин» — искажают написание подлинной фамилии военного комиссара Голощекина. Но самое замечательное — это заголовок документа, в котором фигурирует не Исполнительный комитет Уральского областного совета, а Уральский областной исполнительный комитет Коммунистической партии — никогда не существовавшая организация Урала. Таким образом, анализ совокупности реквизитов документа № 1 говорит о том, что он является фальсификацией.

Документ № 2 написан на бланке «Революционного комитета при Екатеринбургском совете рабочих и солдатских депутатов» с подзаголовком: «Революционный штаб Уральского района. Чрезвычайная комиссия». Он не имеет печатей, но подписан (без подписи-автографа) «начальником Чрезвычайной Ком[иссии]» Юровским, а также снабжен входящим номером «314-5» и резолюцией «По делу Романовых» с нечитаемой подписью. Документ также является фальшивкой, поскольку он не мог быть подписан

Юровским как «начальником» ЧК: тот являлся всего-навсего председателем следственной комиссии при Революционном трибунале.

Документ № 3 написан на бланке, аналогичном бланку документа № 1. Как и документ № 1, он имеет две печати. В центре первой печати ничего не читается, на внешнем ободе этой печати просматривается слово «[С]о[в]ет». В центре второй печати также надпись не читается, но на ее внешнем ободе просматривается надпись: «Военно-[рев]олю[ционн]ый [комитет]. ВРК». Документ также подписан тремя подписями-автографами: «Предоблсовета» Белобородовым, «Голочекиным» с нечитаемой полностью должностью («[...]Урал. Окр.») и подписью Мебиуса как начальника революционного штаба («Рев[...] штаба[...]»). Название документа позволяет говорить о том, что на нем присутствуют реквизиты областного исполнительного комитета, чрезвычайной комиссии и революционного штаба. По соображениям, изложенным нами в отношении документа № 1, мы и документ № 3 обязаны признать подлогом: у него неверное написание фамилии Голощекина.

О документе № 4 сказать что-либо трудно. Хотя, в принципе, он не имеет отношения к достоверности «показаний» Мейера.

Документ № 5 содержит печать, на внешнем ободе которой отчетливо читается «Военно-революционный ко[мите]т», а в центре просматривается аббревиатура «У.О.». На нем зафиксирована подпись «Председатель [...] Белобородов», однако автограф самого Белобородова отсутствует. Документ, в отличие от предшествующих, напечатанных на пишущей машинке с изрядно разбитым шрифтом, представляет собой типографски набранный экземпляр с редакционной правкой и подписью Мебиуса.

Документ № 6 написан на бланке «Исполнительного комитета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала» и имеет печать. В центре ее читается: «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», а на внешнем ободе просматривается только слово «Комитет». Документ содержит подпись-автограф «Председатель Исполкома Белобородов». В этом документе подозрение вызывает бланк, в котором Исполком Уральского областного совета странным образом превращен в Исполком депутатов Урала. Во всяком случае, бросается в глаза расхождение: в документе № 1, созданном 14 июля 1918 г., фигурирует Уральский совет, а в документе № 6, подписанном 18 июля того же года, этот совет назван советом депутатов Урала.

Наличие документов с реквизитами, удостоверяющими их официальное происхождение и подлинность, не должно у нас порождать сомнений относительно их фальсифицированного характера. В той или иной степени, но для фальсификации большей части этих документов удобным подспорьем оказалась все та же книга Соколова. Образцом для изготовления бланков документов № 1 и 3 явилась фотокопия расписки, выданной комиссару Яковлеву Белобородовым, о передаче последнему Николая II, Александры Федоровны и Марии Николаевны²³. Она выполнена на аналогичном

бланке, которому старательно следовал фальсификатор документов № 1 и 3. Он даже от руки, как и в подлинном бланке расписки, вставил слово «Президиум», не обратив внимания на то, что данный реквизит противоречит содержанию обоих документов, в которых речь идет о расширенных заседаниях Уральского совета. Аналогий бланку документа № 2 в книге Соколова не обнаружено. Зато сам тип документа № 2 навеян подлинным документом, помещенным в книге Соколова, — денежной ведомостью охраны ипатьевского дома, озаглавленной «Список команды особого назначения»²⁴. Книга Соколова дала фальсификатору возможность подделать по крайней мере подпись Белобородова, а также печать Уральского областного совета, отчетливые фотокопии которых были в ней помещены. Источники фальсификации реквизитов других документов, воспроизведенных Мейером, не установлены.

Итак, фальсифицированный характер «воспоминаний» Мейера и приложенных к ним документов не вызывает сомнений. Их основная концептуальная направленность — доказать несомненную смерть всех одиннадцати узников ипатьевского дома и полное уничтожение всех трупов — дает нам возможность порассуждать о мотивах фальсификации.

«Воспоминания» должны были покончить со слухами о спасшихся членах царской семьи. Но дело не только в слухах. Уже спустя полтора года после расстрела появляется якобы чудесно спасшаяся царевна Анастасия, многие годы будоражившая общественность своей судьбой и даже в конце концов похороненная в склепе одной из ветвей Романовых — принцев Лейхтенбергских. Вряд ли это устраивало, скорее даже раздражало, тех представителей рода Романовых, которые считали себя и которых признавали законными наследниками российского трона. Не случайно поэтому некоторые из них активно пропагандировали «воспоминания» Мейера. Достаточно, например, указать, что великая княгиня Вера Константиновна написала предисловие к вышедшим в 1974 г. в Джорданвилле «Письмам царской семьи из заточения». Здесь в качестве самостоятельной главы был помещен рассказ об убийстве, основанный на воспоминаниях Мейера и лишь немного скорректированный по другим источникам²⁵.

Возможно, что этот главный мотив фальсификации время соединило еще с одним. Среди участников расстрела, по «показаниям» Мейера, фигурировал будущий лидер венгерских коммунистов Имре Надь. Его судьба в 1956 г., т.е. в момент первой публикации «воспоминаний», завершилась столь же зловеще-символически, как и судьбы многих действительных организаторов и участников убийства царской семьи: он сам был расстрелян в ходе известных венгерских событий. Разрабатывая свою версию об интернационалистах, принимавших участие в расстреле царской семьи, автор знал о том, что в 1918 г. Надь был на Урале. Его воображение позволило ему соединить убийство царской семьи и пребывание на Урале Надя, чтобы в расстреле Надя современники увидели рас-

плату за кровь царской семьи. Не случайно «воспоминания» Мейера заканчиваются рассказом о бесславных судьбах Голошекина, Белобородова, Юровского и выдуманного им Маклаванского.

Придуманная «воспоминания Мейера» и изготовляя подложные документы, фальсификатор сильно рисковал, особенно когда вводил в общественный оборот новые исторически значимые лица типа Мебиуса, Маклаванского, да и себя тоже. Но этот риск был точно рассчитан на то, что подлинные документы, а значит, и действительная картина убийства царской семьи будут навечно скрыты в советских архивах, а то и вовсе утрачены. Во втором случае он мог быть абсолютно спокоен за судьбу своего изделия²⁶. В первом же случае автор подлога видел союзником советское руководство, которое, конечно же, не было заинтересовано в раскрытии подлинной картины убийства.

Но время, как всегда, все расставило по своим местам. Уже в годы перестройки, когда интерес к подлинной истории Отечества стал мощным политическим фактором, начала постепенно приоткрываться действительная картина убийства. Тогда же впервые появились и публичные высказывания относительно подлинности «воспоминаний Мейера» и приложенных к ним документов²⁷ (впрочем, даже еще в 1990 г. «воспоминания Мейера» были опубликованы Товариществом «Возрождение» Всероссийского фонда культуры без каких-либо комментариев и предисловия — как рассказ очевидца²⁸). Ныне, после того как стали известны и доступны многие материалы, связанные с судьбой царской семьи в 1918 г., когда специальная правительственная комиссия завершила свою работу вместе с окончанием официального следствия по делу об убийстве, мы вновь можем констатировать: фальсификатор «воспоминаний Мейера», как и многие другие его собратья по перу, ошибся в том, что не ожидал разоблачения. Оно свершилось, как только стало возможным изучить сохранившиеся документы и сравнить их друг с другом.

Проникнутый, возможно, благородной идеей разоблачить миф о спасшихся от расстрела членах царской семьи, автор подлога создал новый миф. В главном — в том, что все одиннадцать узников ипатьевского дома были убиты, — фальсификатор оказался прав. Но от этого его подлог не стал достовернее.

«Воспоминания Мейера» напоминают нам подлоги В.С.Кавкасидзева, который, стремясь восстановить истинную картину смерти сына Петра Великого — царевича Алексея, прибег к фальсификации переписки Румянцева с одним из близких ему людей²⁹. Создавая «воспоминания Мейера», автор фальшивки также по-своему стремился как бы реконструировать события, установить историческую истину. Но если Кавкасидзев исходил исключительно из такого благородного побуждения, то автор «воспоминаний Мейера» все же преследовал и более прозаические цели, имевшие общественное звучание.

Глава 10.

«Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «Акте» драматической судьбы Раменских

Наверное, каждый из тех, кто пережил первые послемартовские месяцы 1985 г., время волнующего ожидания, неопределенных надежд, смутных ощущений перемен, теперь, спустя годы, по-разному видит в том времени себя. Помнится, как в то время небольшой кружок историков, занимавшихся историей России XIX в., да и близким кругом проблем, поразила публикация в журнале «Новый мир» одного дотоле неизвестного исторического документа — «Акта о педагогической и общественной деятельности семьи учителей Раменских из села Мологино Калининской области»¹.

Вне всякого сомнения, это была сенсационная публикация, поскольку она вводила в общественный оборот ранее неизвестные исторические источники XVII—XX вв., а также ценные сведения о еще большем круге исторических материалов, не дошедших до наших дней. Автор публикации — М.Маковеев — в предисловии рассказал об обстоятельствах создания и истории бытования поразительного документа.

Известная учительская династия Раменских, основателем профессии которой стал еще в XVIII в. Алексей Данилович Раменский, немало сделала для просвещения россиян, снискав уважение и признание современников. В Тверском крае в их мологинской усадьбе бывали выдающиеся люди разных эпох — известный мемуарист и ученый А.Т.Болотов, революционер и публицист А.Н.Радищев, историк Н.М.Карамзин, писатель И.И.Лажечников, художники О.А.Кипренский, А.Г.Венецианов, И.И.Левитан, представители различных политических и общественных движений, начиная от М.А.Бакунина, С.М.Кравчинского, С.Л.Перовской, А.И.Желябова и кончая М.В.Фрунзе, Д.И. и М.И.Ульяновыми. «Глубочайший драматизм судьбы учителей Раменских, — писал Маковеев, — состоял в том, что их служение святому делу народного просвещения почти непрерывно сопровождалось преследованиями со стороны официальных властей. Раменские сидели в острогах, были в ссылках, многие из них лишались званий, состояний, должностей. За ними следили штатные и добровольные доносчики, в их мологинскую усадьбу засылались провокаторы... Трудно представить себе другой, внешне самый обыкновенный, сельский дом, который на протяжении полутора веков хранил бы под своей крышей столько государственной важности тайн, секретных

писем, исторических документов. Его архив и библиотека насчитывали до десяти тысяч единиц конфиденциальной переписки с известными людьми и сотни древних (рукописных и старопечатных) книг... Публикуемый ниже "Акт", рассказывающий о жизни шестнадцати поколений необыкновенной династии, подтверждает это»².

Маковеев сообщает далее об истории возникновения и последующей судьбе публикуемого документа. В начале 30-х годов XX в. преподаватели ряда ржевских школ и педагогического техникума в письме в «Правду» сообщили о «житейских трудностях» своего восьмидесятилетнего коллеги Н.П.Раменского. Письмо оказалось у М.И.Ульяновой, работавшей в Комиссии советского контроля. По ее просьбе тогдашний нарком просвещения РСФСР А.С.Бубнов принял по нему ряд мер. В частности, Н.П.Раменскому была установлена персональная пенсия, а для изучения семейного архива и библиотеки Раменских была организована специальная комиссия, которой поручалось представить в Наркомат просвещения официальный документ, а также записать воспоминания живых Раменских и тех, кто их знал.

В соответствии с распоряжением Бубнова Калининский областной отдел народного образования создал комиссию во главе с директором Ржевского краеведческого музея Н.Р.Бойковым, в которую вошли также преподаватели ржевских школ и педагогического техникума и зять Н.П.Раменского Н.Я.Смольков, бывший революционер-подпольщик. Три года работала эта комиссия по описанию документов и книг собрания Раменских, пока наконец 1 сентября 1938 г. ее члены подписали публикуемый «Акт».

По данным Маковеева, «по не зависящим от комиссии причинам» «Акт» не был отправлен в Москву, и все экземпляры остались в Ржевском краеведческом музее, куда по распоряжению А.А.Раменского, внука умершего в 1937 г. Н.П.Раменского, были переданы архив и библиотека Раменских. Во время Великой Отечественной войны все это погибло. Правда, сообщает Маковеев, в руинах разрушенного гитлеровцами села Мологино были найдены программа и устав РСДРП, принятые вторым съездом партии, с автографами В.И.Ленина. В 60-е годы там же обнаружена брошюра Ленина «Борьба за хлеб», 1918 г. издания, с его дарственной надписью одному из Раменских. Наконец, под развалинами взорванной немцами мологинской церкви вскоре была найдена книга В.Скотта «Ивангое» («Айвенго») с дарственной надписью А.С.Пушкина А.А.Раменскому, а также с незаконченной строфой одного из вариантов пушкинской «Русалки», пушкинским рисунком виселицы с пятью повешенными декабристами и одной из строф сожженной им девятой главы «Евгения Онегина».

Чудом сохранился и публикуемый экземпляр «Акта». Он был предназначен для семьи Раменских, хранился у жены умершего Смолькова, которая отвезла его в Вологду к своей сестре. Незадолго до начала Великой Отечественной войны та переехала в Пав-

ловский Посад, где спрятала документ на чердаке своего нового дома и забыла о нем. Только в 1968 г. во время ремонта дома он был найден. «Акт», напечатанный на машинке через один интервал на 73 страницах, был завернут в тонкий картон и газету «Известия» от 16 июля 1935 г.

«Акт» начинается в обычной делопроизводительной манере с перечисления членов комиссии, обследовавших архив и библиотеку Раменских: председателя Н.Р.Бойкова, членов — Л.В.Михайловой, А.Ф.Дружиловского, И.А.Воскресенского, Н.А.Золотовского, И.Г.Гаврилова, Н.Я.Смолькова, — людей, хорошо известных в Тверском крае. В нем констатируется, что семья учителей Раменских является хранителем «громадного семейного архива, охватывающего более 4 веков истории семьи и общественной жизни России». Далее вполне квалифицированно, можно сказать, по профессиональным архивно-библиотечным правилам, дается классификация архива Раменских: 1) различные архивные документы, начиная с XV в., «в несколько сот листов»; 2) библиотека до 5 тысяч томов, «состоящая из рукописных книг XV, XVI, XVII веков, старопечатных книг XVII—XVIII веков и книг и журналов XVIII и XIX веков», многие из которых с авторскими автографами и записями об их владельцах; 3) воспоминания представителей рода Раменских — Пафнутия из Старицы, Максима из Москвы, Симона и Герасима из Новгорода и Твери, Михаила и Якова — московских книгописцев, а также Георгия — о Болгарии и Украине, Степана — о Запорожской Сечи, Данилы — о Москве XVIII в., Алексея — о Радищеве, его сыновей Алексея и Александра — о Пушкине, Гоголе, Лажечникове, художниках первой половины XIX в., Федора, Пахома и Пафнутия — об общественной жизни России середины XIX в., других представителей рода, живших в Петербурге, Новгороде, Воронеже, Одессе, в Болгарии, Украине и т.д., в том числе Анны Александровны Раменской-Вознесенской, «участницы Парижской коммуны, — о Марксе, Бакуnine, Лаврове, Софье Перовской, Желябове, Кибальчиче, Ленине»; 4) письма к Раменским в количестве до 10 тысяч, в том числе от Болотова, Радищева, Петрова, Попугаева, Карамзина, Козодавлева, Муравьевых, Вульфов, Степняка-Кравчинского, Паниных, Тимирязева, Лажечникова, Писемского, Бакунина, Пушкиных, Потемкина и т.д.; 5) рукописная книга-дневник, которую вели Раменские (старейшие в роду) с 1755 г. по 30-е годы XX столетия, куда, как сказано в «Акте», «Раменские записывали не только семейные события, но и политические новости в стране, об урожае, погоде, стихийных событиях».

Состав и содержание этих пяти книжно-документальных комплексов раскрывается в дальнейшем тексте «Акта», разбитом на несколько разделов, часто повторяющих одни и те же факты. В первом разделе («С древних лет...») рассказывается о происхождении рода Раменских, восходящем к XIV в. Второй раздел («Раменские на Украине») повествует об украинской ветви рода. Третий

раздел («Учителя Раменские в XVII и XVIII веках») сообщает о педагогической деятельности представителей рода в указанный период. Названия последующих разделов говорят сами за себя: «Дружба с Радищевым», «О рукописях Радищева», «О Н.И.Новикове», «Сотрудничество с Н.М.Карамзиным», «Русские художники у Раменских», «Раменские и движение декабристов», «А.С.Пушкин и Раменские», «Учителя Раменские в XIX в.». Два последние раздела «Акта» — «Наследники» и «Поколения XX века» — рассказывают о представителях рода и их деятельности во второй половине XIX—30-х годах XX в. Сам «Акт» представляет собой как бы «слоеный пирог». Его наибольшую часть составляет повествование о роде Раменских, подготовленное членами комиссии на основании архива Раменских. Другая часть, органично включенная в это повествование, представляет собой либо цитаты из документов архива Раменских, либо их полные публикации.

В преамбуле «Акта» члены комиссии, давая общее заключение о составе и содержании книжно-документальных сокровищ Раменских, писали: «Обозрение всех хранящихся в Мологине исторических документов, книг, воспоминаний, переписка с сотнями людей и в России, и за границей дают основание полагать, что эта многовековая семья, посвятившая себя культурному развитию России, просвещению и распространению грамотности, в последние два века превратила село Мологино в архивный центр семьи, куда стекались указанные материалы и откуда шли прямые связи со всеми Раменскими, жившими в различных регионах России, для которых собирание воспоминаний о родне за последние два века стало семейной традицией»³.

Основу первого «слоя» «Акта» составил родовой дневник Раменских, широко цитируемый и пересказываемый авторами документа. Среди наиболее замечательных записей этой хроники, приведенных в «Акте», можно указать следующие: о неожиданном приезде в декабре 1785 г. в Мологино к Алексею Раменскому Радищева из Петербурга и дарении им книги «История», о посещении Пушкиным Мологина в августе 1833 г., о краже одним из колоритнейших представителей рода — Пафнутием — у графа Панина манифеста об освобождении крестьян и прочтении его мологинским крестьянам до официального обнародования, об участии представителей рода в Крымской войне, а Анны Раменской — в защите Парижской коммуны и др.

Следующий по значимости пласт источников, цитируемых и пересказываемых в «Акте», — воспоминания представителей рода. Авторы «Акта» указывают прежде всего воспоминания трех представителей династии, которые «переведены, — как пишут они, — с древнеславянского языка на современный русский язык Алексеем Пахомовичем Раменским в 90-х годах прошлого столетия». Это прежде всего воспоминания Пафнутия Раменского, московского и старицкого книгописца, в его книге «Канон» об участии в восстании Ивана Болотникова. Далее следует рукопись воспоминаний

Максима Раменского о его службе в Посольском приказе, где среди прочего рассказывалось о приезде в Москву «сынов абиссинского князя», в числе которых, как полагают авторы «Акта», мог быть и предок Пушкина. Наконец, чрезвычайно важными оказались воспоминания Симона Раменского конца XVI в. о спасении древними представителями рода Андрианом и Фомой Марфы Пасадницы и их казни в Москве за это государственное преступление.

Воспоминания Михаила Раменского, смотрителя вышневолоцких каналов в конце XVIII в., относились к периоду строительства Вышневолоцкой водной системы. От одного из участников этого строительства — Герасима Раменского он получил многие реликвии, связанные с Петром I, и записал подробности общения императора с Герасимом. Воспоминания Петра и Владимира Раменских рассказывали о дружбе представителей рода с Радищевым и судьбе архива Радищева, к спасению и тайному хранению которого вплоть до начала XX в. род Раменских имел прямое отношение. «Акт» содержит многочисленные цитаты из воспоминаний Александра Алексеевича Раменского о Пушкине, Н.В.Гоголе и А.Н.Вульфе. Указываются в «Акте» и воспоминания других представителей рода Раменских.

Немало в этом документе цитат и полных текстов из переписки Раменских. Среди них — письмо А.Т.Болотова к А.Д.Раменскому с высказыванием отношения к аресту Новикова, упоминанием «великого гражданина» Радищева и рассказом об «агрономических» опытах Болотова, в том числе по выращиванию картофеля, с его размышлениями о народном образовании и издании журнала «Экономический магазин». В «Акте» упоминаются «сохранившиеся письма Радищева в Мологино». Одно из них содержит совет Алексею Раменскому обратиться к Екатерине II во время ее пребывания в июне 1785 г. в Твери с просьбой оказать помощь мологинской школе (цитируется). Другое, датированное 1802 г., из Петербурга (приводится полностью), содержит слова прощания с А.Д.Раменским перед смертью и завещание продолжать благородное дело просвещения. «Наконец, — писал здесь Радищев, — я вступаю в чертог вечности. Не умирать, но жить страшиться должно. Совесть управляла всеми моими действиями, но и жизнь бедственная сто крат несноснее самой смерти. Она стала чрезмерным чумением, и каждый шаг ее — преддверие к смерти. Нет, никакие сокровища, кроме добродетели, не сильны установить душевной тишины»⁴. Полностью приведено в «Акте» письмо и еще одного представителя российского просветительства рубежа XVIII—XIX вв. — Новикова, датированное 1816 г. В нем Новиков, «памятуя о наших давних встречах в далекой юности», передал А.Д.Раменскому книгу Радищева «Первое обучение отроков». «Книга сия, — писал Новиков, — это дар незабвенного Александра Николаевича Радищева, такого же безвинного страдальца, как и я, коей

одарил он меня, навестя в Авдотьиные уже после моего выхода из крепости»⁵.

Продолжение радищевской темы отразилось в письмах И.А.Нечаева к Н.П.Раменскому от 2 марта 1906 г. и В.Е.Воскресенского 1936 г. Оба письма касались судьбы архива Радищева. В первом автор выражал сожаление по поводу произведенного в Мологине у Раменских в декабре 1905 г. обыска, во время которого у них были изъяты рукописи Радищева, помещенные в переплетах церковных книг. Письмо подтверждало, однако, что Раменские незадолго до этого сумели изготовить фотокопии с работы Радищева о Сибири. «Если Вы сумеете в Ржеве, — писал Нечаев, — сделать еще один экземпляр всех ваших фотокарточек (подч. нами. — В.К.), то черкните мне. Деньги я вышлю»⁶. Во втором письме его автор вспоминал, что, будучи студентом Московского университета, он входил «в социал-демократическую группу, которая базировалась в доме Николая Пахомовича Раменского». Что касается радищевского архива, сообщал далее Воскресенский, то первоначально он хранился в монастыре у одного из Раменских, а затем в Мологине до конфискации его полицией. Этот архив включал три группы документов: «1. Список "Путешествия из Петербурга в Москву" с дополнениями и примечаниями. 2. Рукопись о Сибири из четырнадцати глав, представляющих собой страстную обличительную книгу царского режима и доброжелательное отношение к работным людям Урала и Сибири. Поистине, это было гениальное произведение революционера Радищева. 3. Рукопись "Размышления", в которой автор размышляет над судьбами России и ее народа»⁷.

В «Акте» приведены тексты писем и других выдающихся людей России. Письмо Матвея Муравьева-Апостола из Твери (1867 г.) к Ф.А.Раменскому содержало благодарность Раменским за участие в судьбе сосланных в Сибирь Муравьевых-Апостолов. «Все тридцать лет нашего сибирского бытия, — говорилось здесь, — мы ощущали теплоту ваших сердец, внимание и проявление высокой гражданственности по отношению к членам нашей семьи»⁸. В знак высокой признательности за это участие Муравьев-Апостол дарил Раменским книгу енисейского губернатора А.П.Степанова «Постоялый двор» из библиотеки Пушкина.

Пушкинскую тему «Акта» продолжили тексты двух писем поэта и письмо его друга С.Д.Полторацкого. Первое письмо Пушкина из Петербурга в Мологино А.А.Раменскому датировано июлем 1833 г. В нем Пушкин делился своими замыслами написать историю Петра Великого и роман о Пугачевском бунте. В связи с этим поэт обращался к Раменскому «поделиться со мной Вашими историческими материалами», которые он запомнил во время краткосрочного посещения Мологино. Среди них его особенно заинтересовали грамота Пугачева, присланная одному из Раменских, переписка Петра I с царевичем Алексеем, «сундук Карамзина» с выписками из летописей, сделанных в свое время для Карамзина. «Я наде-

юсь, — писал Пушкин, — найти в записях Вашего предка, служившего в Посольском приказе, сведения о приезде в Россию моего предка — "арапчонка Ганнибала" — и о своем воинственном предке Гавриле Пушкине, воеводе в Зубцове»⁹. Второе письмо, сына Пушкина Александра (3 марта 1897 г.), — благодарность П.Ф.Раменскому за сбор памятных реликвий, связанных с именем гениального поэта, и за идею организации народного музея Пушкина в Твери. В знак признательности за это дело сын поэта посылал Раменскому для музея любимую перочистку отца. Здесь же сообщались подробности гибели двоюродного брата П.Ф.Раменского — Александра, вместе с которым сын Пушкина принимал участие в русско-турецкой войне.

Письмо Полторацкого к А.А.Раменскому из Москвы датировано 1 июня 1845 г. Оно напоминало о том, что Пушкин подарил отцу А.А.Раменского рукопись «Русалки», сюжет для которой был подсказан Пушкину Раменским. «Об этом, — писал Полторацкий, — я рассказал на вечере у Чаадаева, и все литераторы заинтересовались этим делом и очень просили меня узнать у Вас: сохранилась ли в Вашем доме эта рукопись? Все считают, что это была первая рукопись знаменитой "Русалки", которая была издана уже после смерти поэта»¹⁰.

Пахом Федорович Раменский также оказался счастливым адресатом писем ряда известных лиц России. Тексты писем двух таких его корреспондентов также приведены в «Акте». Софья Перовская сообщала, что ввиду изменившихся обстоятельств она не может встретиться в Мологине со Степняком-Кравчинским. Письмо О.С.Чернышевской, жены Н.Г.Чернышевского, из Нерчинска (1869 г.) содержало подробности жизни семьи в Нерчинске и ряд конфиденциальных поручений.

Из других источников, обильно цитируемых или полностью приводимых в «Акте», есть смысл остановиться на дарственных надписях на книгах библиотеки Раменских. Первая цитированная надпись, принадлежащая В.А.Бакуниной, сделана на первом томе сочинений М.В.Ломоносова (7 сентября 1863 г.): «Глубокоуважаемый Пахомий Федорович и Пафнутий Алексеевич! Поздравляем Вас в день 7 сентября со столетием Вашего учительства в Тверской губернии. Добрый совет Александра Радищева породил беспримерную сподвижническую деятельность семьи Вашей на ниве народного просвещения. Пусть эти книги Михайлы Ломоносова напоминают Вам о нашем весьма высоком к Вам уважении...»¹¹

Вторая надпись принадлежала Радищеву и находилась в книге «Приятное препровождение времени»: «Товарищу юности моей Алексию Раменскому. Посвяти себя делу своему. Александр Радищев. 1801 года, Санкт-Петербург»¹². Третья надпись была также связана с именем Радищева. Она находилась на несохранившейся рукописи его сочинения под названием «История», представляла собой текст из «Телемахида» и была датирована 1785 г. Четвертая надпись принадлежала Карамзину и была сделана на полном со-

брании его сочинений, вышедшем в 1820 г., во время, как сказано в «Акте», встречи «в 1821 г. в Торжке у Олениных» Карамзина с А.А.Раменским. Она свидетельствует: «Старейшему учителю Тверской губернии Алексею Алексеевичу Раменскому в память о нашей встрече в Торжке. Благодарный автор Николай Карамзин»¹³. Пятая надпись находилась на первом томе тринадцатитомного «Историко-статистического описания Тверской губернии» и принадлежала его автору В.И.Покровскому: «Глубокоуважаемый Николай Пахомович, в день Вашего 25-летия педагогической деятельности на ниве народного просвещения примите от меня мой скромный дар — "Историко-статистическое описание Тверской губернии в 13 томах". Труд сей был задуман мною еще в молодые годы, в весьма удобном для размышления месте — в казематах Петропавловской крепости, где я привлекался по делу Каракозова. Насколько удался мой труд, судить не мне, но я надеюсь, что он не будет лишним для Вас, людей, любящих отчий край. С глу[боким] уваж[ением] В.Покровский. 1900 г. Итомя»¹⁴. Шестая надпись принадлежала перу поэта Ф.Н.Глинки и относилась к 1863 г. Она находилась в тетради с переписанной книгой В.В.Попугаева «О рабстве в России»: «Село Мологино, Федору Алексеевичу Раменскому. Мне доставляет большое удовольствие преподнести Вашей семье в дни Вашего юбилея эту рукопись, которая найдет достойное место в Вашей библиотеке и будет напоминать Вам о ее дарителе...»¹⁵ О трех других надписях на книгах библиотеки Раменских говорилось в начале настоящей главы.

Можно было бы и дальше перечислять редкостные автографы, письма, воспоминания, летописи и другие раритеты библиотеки и архива Раменских, которые в изобилии пересказываются, цитируются, полностью воспроизводятся, упоминаются в «Акте». Но, в принципе, суть их одна — все они, как правило, указывают на связь Раменских с выдающимися деятелями — современниками тех или иных представителей рода. Его история, изложенная в «Акте», производила грандиозное впечатление. Первые Раменские, выходцы из Болгарии, принесли на Русь зерна просвещения и славянской письменности, основав книгопечатную мастерскую. Их потомки, уже на стороне непокорных новгородцев, отстаивая новгородскую вольность, спасли Марфу Посадницу, заплатив за это своими жизнями. Род разрастался, связал себя с запорожской вольницей, оказал немало услуг России на дипломатической ниве, на полях сражений. Его представители много споспешествовали масштабным преобразованиям Петра Великого. Они были близки к выдающимся деятелям отечественного просвещения и культуры. Их свободолюбивый дух находил выход в тесных связях с декабристами, народниками, народовольцами, приводил на баррикады Парижской коммуны, Красной Пресни, на поля сражений на стороне большевиков в годы Гражданской войны. Они были приверженцами социалистических идеалов. Скромно и внешне незаметно Раменские в течение столетий достойно выполняли свой граждан-

ский долг на ниве народного просвещения, воспитав блестящую плеяду последователей, оказав неоценимые услуги Радищеву, Пушкину, декабристам, мужественно снося невзгоды и преследования царского правительства.

Где же такой род, почему о нем нет монографий, статей, других исследований, достойно оценивших его вклад в отечественную культуру, науку, общественную мысль? — может изумленно воскликнуть читатель. И он будет по-своему и прав, и не прав. Не прав потому, что история рода Раменских имеет богатейшую литературу, которой мог бы позавидовать не один наш знаменитый соотечественник. И в то же время читатель прав в том смысле, что такой род профессиональным историкам неизвестен. Но, может быть, это беда историков, не смогших по достоинству оценить роль Раменских в российской истории, может быть, это трагедия Раменских, документальная память о жизни и деятельности которых превратилась в пепел во время Великой Отечественной войны? Эти вопросы также вполне правомерны.

Но лишь на первый взгляд.

Для нашего дальнейшего рассказа и анализа «Акта» важно отметить, что «следы» связей Раменских с выдающимися отечественными и зарубежными деятелями истории и культуры впервые были обнародованы не в этом документе. Его изданию в «Новом мире» предшествовали, начиная, по крайней мере, с 1961 г., десятки публикаций в газетах и журналах о династии Раменских. Эти публикации оказались настолько замечательны, что мы просто обязаны остановиться на них специально и подробно, поскольку они имеют самое прямое отношение к вопросу о подлинности и достоверности «Акта».

Рассмотрим хронологию, обстоятельства возникновения и развития каждого «следа», или версии, истории рода Раменских в периодической печати.

Первой по времени появления в печати стала «ленинская» версия. Она была впервые обнародована Н.Дилигенской в октябре 1961 г. Согласно рассказу Дилигенской, последний представитель древнего рода Раменских, Антонин Аркадьевич, передал в дар Институту марксизма-ленинизма первое издание первой программы и устава РСДРП с автографами В.И.Ленина. Касаясь происхождения книги, Дилигенская сообщает: Раменский «припоминает, что мальчиком видел книгу у деда. Много лет ее как реликвию хранили в семье»¹⁶. Правда, этому рассказу противоречил рассказ отца Антонина Аркадьевича — Аркадия Николаевича Раменского, старого учителя, проживавшего в Вышневолоцком районе, с которым немедленно после публикации Дилигенской встретился нештатный корреспондент газеты «По ленинскому пути». По словам Аркадия Николаевича, в 1905 г. он был исключен из пермской духовной семинарии за участие в революционном движении и вернулся на родину в село Мологино, где включился в работу местной «боевой» организации РСДРП, имевшей библиотеку. В ней и

находилась подаренная книга. «Мне трудно сейчас вспомнить, как была передана книга Ленина, но я полагаю, что это произошло через брата Владимира Ильича — Д.И.Ульянова, с которым еще в Симбирске был знаком мой двоюродный брат Анатолий Раменский и шурин Смольков». Далее, согласно рассказу Аркадия Николаевича, в 1906 г. книга была зарыта в землю в Мологине. «Сообщение о находке ленинского документа, — комментировал он, — меня обрадовало. Видимо, в результате бомбежек, рытья окопов был поднят он из земли...»¹⁷ Интервью Антонина Аркадьевича Раменского журналисту О.Куприну, как можно понять из цитируемых ниже слов, поправляло «земляную версию». По его свидетельству, пытаюсь найти экземпляр первого издания программы и устава РСДРП, он «написал письмо в близлежащую школу. Мальчишки — народ вездесущий, а вдруг найдут? И вот нашел однажды один такой "археолог" на пепелище обгоревший комплект "Нивы". Переслали мне. Стал я его листать и нашел вот эти самые странички...»¹⁸

Статья Маковеева¹⁹ фактически повторила версию Антонина Аркадьевича Раменского об истории происхождения и обнаружения первой программы и устава РСДРП. Определенный диссонанс в эту версию, правда, вновь внесла заметка А.Горской. По ее данным, в руки Антонина Аркадьевича недавно попала ценная находка. «В огромную старинную рукописную книгу, хранившуюся прежде в мологинской библиотеке Николая Пахомовича Раменского, был вписан текст первой программы РСДРП. Согласно записи, этот текст переписан в книгу в декабре 1903 г., т.е. спустя несколько месяцев после закрытия второго съезда РСДРП...»²⁰ Неизвестно, откуда взяла эти данные Горская. Во всяком случае, ее версия не получила в дальнейшем никакого развития. Зато статья А.Аметистова и Б.Булатова почти канонически повторяла рассказ Антонина Аркадьевича²¹.

Важным, хотя и не получившим дальнейшего развития ответвлением «ленинской версии» стала информация сотрудницы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма М.Веселиной, изложенная в небольшой заметке²². В ней сообщалось, что в начале 1962 г. сюда Антонином Аркадьевичем Раменским была передана брошюра Ленина «Борьба за хлеб», изданная в 1918 г., с его дарственной надписью делегации учителей Тверской губернии, посетившей Ленина 22 февраля 1919 г. Касаясь экспертизы ленинского автографа, Веселина сообщала, что книга «с почти стершейся надписью, от которой сохранились только черные точки в углах бывших букв, трудно разбираемая дата и чуть более ясно видная подпись: "В.Ульянов (Ленин)"». По словам Веселиной, при экспертизе «прежде всего были сделаны попытки восстановить текст с помощью съемки надписи в инфракрасных лучах. Под освещающими книгу лучами надпись ясно видна и не хватает лишь какого-то малейшего напряжения зрения, чтобы прочесть ее человеческим глазом. На фотоизображении же над-

пись пока не читается». Однако содержание надписи подтверждала переданная Антоном Аркадьевичем копия письма Е.И.Пастухова, друга и сослуживца Алексея Пахомовича Раменского, отправленного из Ульяновска Анатолию Алексеевичу Раменскому 25 октября 1936 г. В ней Пастухов сообщал о том, что Алексей Пахомович не раз рассказывал ему о том, как тверские учителя посетили Ленина и тот подарил им свою книгу «Борьба за хлеб». Архивные документы, по словам Веселиной, подтвердили связи Ильи Николаевича Ульянова с Алексеем Пахомовичем. В 1964 г. сообщение о письме Пастухова было приведено в статье Никитина²³, но после этого в печати версия о подаренной Лениным книге «Борьба за хлеб», сохранившейся у Раменских, исчезает.

Одновременно с «ленинской версией» была обнародована и «дневниковая версия» — известие о записях представителей рода Раменских на «Всеобщем секретаре...», или «Письмовнике» Курганова. Она содержалась в статье О.Куприна. На вопрос Куприна о том, как попала к Раменским книга, содержащая первую программу и устав РСДРП, Антонин Аркадьевич вместо ответа «протянул мне книгу в старом-старом, потертом переплете.

— Это наша трудовая книжка, — улыбнулся он.

Читаю. Непонятно. "Всеобщий секретарь..."

— Вы читайте, что там чернилами написано, — помогает Раменский.

И точно. Своеобразная трудовая книжка поколений... Книга передавалась по наследству, и каждый ее владелец вписывал новые строчки в летопись династии учителей Раменских. Последнюю запись сделал отец Антонина Аркадьевича совсем недавно²⁴. В статье Маковеева впервые были приведены и несколько записей из «Письмовника». Первая из них — дарственная — от «учеников и почитателей Мологина и волости» Алексею Алексеевичу Раменскому в 1818 г. Вторая — уже его самого о том, что он в 1817 г. стал учителем мологинской школы. Третья запись оказалась наиболее интересной. Она датирована 1813 г. Летописным стилем, весьма безыскусным, в ней сообщалось о приходе в 1763 г. в Мологино Алексея Раменского²⁵.

Заметка А.Грановского, опубликованная в том же 1963 г., также упоминала «толстую, в кожаном переплете книгу, изданную в 1811 г., — "Всеобщий секретарь..."»²⁶ с записями представителей рода. В 1965 г. о «летописи» династии Раменских бегло упомянул Б.Булатов²⁷, а год спустя он же вместе с А.Аметистовым вновь повторил историю с «Письмовником»²⁸.

Наиболее подробные данные об этой «летописи» были приведены лишь в 1984 г. в статье С.Соловейчика. По его словам, он еще в 1965 г. в Калининском областном музее ознакомился с «Письмовником». На форзаце книги и содержалась хроника династии Раменских, включавшая всего пять записей, последней из которых была запись Аркадия Николаевича Раменского, работавшего учителем в Мологине до 1961 г.²⁹

Второй по времени появления в печати является «карамзинская версия». Она была обозначена в декабре того же 1961 г. в очередной статье М.Маковеева³⁰ и представляла собой сжатый рассказ на основе «изустных преданий» о связях Карамзиных и Раменских. В дальнейшем «карамзинская версия» фактически затухает.

Зато она составляет как бы фон для появившейся одновременно с ней «пушкинской версии». Маковеев, первый обнародовавший ее, написал следующее: «Алексей Алексеевич [Раменский] состоял в знакомстве и с великим русским поэтом. Бывая в Торжке, тот будто бы вместе с учителем Раменским ходил однажды любоваться какой-то ветхой водяной мельницей. А позже под пером Александра Сергеевича родилась его знаменитая "Русалка". По заверениям живущих ныне учителей Раменских, до самого 1941 г. среди их семейных реликвий хранилась и книга поэта А.С.Пушкина с его автографом, адресованным А.А.Раменскому».

«Пушкинская версия» нашла конкретное подтверждение спустя год. В статье Дилигенской сообщалось, что Антонин Аркадьевич является обладателем книги В.Скотта «Ивангое», т.е. «Айвенго», с пушкинскими автографами. «Обнаружил он ее, — писала Дилигенская, — на своей родине в Калининской области, там, где между Торжком и Ржевом стояло до войны древнее село Мологино...» По словам Дилигенской, найдя среди остатков библиотеки Раменских книгу Вальтера Скотта, Антонин Аркадьевич «долго» не мог прочитать имевшуюся на ней надпись. К счастью, «оказались в книжке и два листочка из школьной тетради, на которых кто-то, видимо еще очень давно, переписал рукописный текст с титульного листа и скопировал чертеж дороги»³¹.

«Пушкинский» раритет Раменских немедленно привлек внимание пушкинистов. По их просьбе в лаборатории все того же Института марксизма-ленинизма его отреставрировали, а тексты и рисунки сфотографировали в инфракрасных лучах. Выдающиеся знатоки жизни и творчества Пушкина Т.Г.Цявловская и С.М.Бонди после этого пришли к выводу, что все записи, исключая план на последней странице книги, сделаны рукой Пушкина.

Это была сенсация. И не только потому, что находки пушкинских автографов — случаи редчайшие. Пушкинские записи на книге, принадлежавшей Раменским, зафиксировали новые биографические факты из жизни поэта, а также дали новый материал о творческой истории ряда его сочинений: посещение Пушкиным весной 1829 г. имения Грузины Тверской губернии, его знакомство с К.М.Полторацким и А.А.Раменским, появление замысла «Русалки», ранее неизвестный авторский текст нескольких стихов одной из строф «Евгения Онегина», посвященной декабристам, и доказательство, что они были написаны уже весной 1829 г. Наконец, коллекция пушкинских рисунков пополнилась новыми, ранее неизвестными рисунками: портретом неизвестного, изображением весов и виселицы с пятью повешенными.

На основании заключения Цявловской и Бонди Пушкинский Дом в 1963 г. приобрел книгу с автографами поэта, и она заняла свое место среди его подлинных рукописей. В 1963 г. Цявловская написала об этом большую статью, опубликованную в 1966 г.³² Здесь же со слов Раменского был приведен и наиболее подробный рассказ о судьбе книги. По свидетельству Раменского, книга передавалась в его роду из поколения в поколение. После пожара в Мологине во время Великой Отечественной войны Антонин Аркадьевич предпринял ее розыски, которые оказались успешными. В подвале старой церковной сторожки он обнаружил растрепанный, промасленный томик романа. Автографов Пушкина тогда он не заметил, но взял книгу и передал деду, жившему в Вышнем Волочке. Только через пятнадцать лет, когда дедовская библиотека была перевезена в Москву, Антонин Аркадьевич обнаружил автограф.

Освященная авторитетом Цявловской «пушкинская версия» с тех пор получила широкое распространение. Она была обнародована с небольшими вариациями в десятках популярных и специальных статей и окончательно закрепились в фундаментальном справочнике Л.А.Черейского «Пушкин и его окружение», первое издание которого увидело свет в 1975 г.³³ С течением времени эта версия пополнялась новыми деталями. Уже в 1963 г. в статье М.Горской были упомянуты хранящиеся у Антонина Аркадьевича «фотокопии автографов Пушкина»³⁴. В дальнейшем сведения об этих фотокопиях исчезают. Зато в 1974 г. в одной из глав части рукописных воспоминаний Антонина Аркадьевича Раменского появляются новые подробности о пушкинских раритетах. Фактически здесь приводятся данные, лишь с небольшими вариациями отличающиеся от включенных в «Акт». Оказывается, Раменские имели целую «коллекцию рукописей Пушкина». «Это были, — вспоминал Антонин Аркадьевич, — в основном его черновые записи, сделанные им во время приездов в Старицкий уезд Тверской губернии, когда он работал над VII главой "Онегина", "Анчар", "Послание в Сибирь". Эти рукописи наша семья начала собирать еще при жизни поэта, и к концу XIX века было собрано у друзей и знакомых Пушкина около 150 листов его рукописей. Судьба этих рукописей такова: в 1899 году, когда праздновалось 100-летие со дня рождения Пушкина, 130 листов из этой коллекции были взяты в Петербург, где они хранились у Раменских до 1913 года. По просьбе комиссара издательского отдела Комиссариата народного просвещения т. Лебедева-Полянского они были взяты для выверки текстов при издании первого советского издания произведений Пушкина. Оставшаяся часть рукописей в Мологине была взята у моего деда Николая Пахомовича Раменского попечителем мологинской школы и предводителем дворянства Старицкого уезда, неким Бухмеером, сбежавшим в 1918 г. из Советской России. К сожалению, дальнейшая судьба пушкинских рукописей, собранных нашей семьей, неизвестна»³⁵.

В этих же воспоминаниях помимо уже известных нам двух книг с автографами Пушкина, хранившихся у Раменских, называется еще одна, имевшая, как пишет Раменский, «отношение к Пушкину». Речь идет о названном в «Акте» сочинении Степанова «Постоялый двор». Характеризуя четыре тома этого произведения, Раменский пишет: «Это были книги из библиотеки Пушкина, которые он привез из Петербурга в свой последний приезд в Тверскую губернию, оставив их у Полторацких для передачи матери декабристов Муравьевых, для пересылки их в Сибирь. Мать декабристов Муравьевых отослала подарок Пушкина в Сибирь, а после отбытия срока наказания книги были привезены из Сибири вернувшимся и поселившимся в Твери М.И.Муравьевым-Апостолом, который и подарил их нашей семье... На этих книгах находились автографы Пушкина, цензурные пометки коменданта Лепарского, а также записи декабристов и учителей Раменских. К настоящему времени обнаружено пока 2 тома "Постоялого двора"».

Наконец, воспоминания перечисляют «мемориальные вещи, имеющие отношение к поэту» и хранившиеся в семье Раменских. Уже в том же 1974 г. становится известно, что это ни больше ни меньше как гусиное перо, перочистка, дорожный подсвечник, бумажник, серебряная чайная ложечка, принадлежавшие Пушкину. Магия пушкинских вещей оказалась сильнейшей. Московский Государственный музей А.С.Пушкина в 1974 г. с благодарностью принял их от Раменского в качестве дара вместе с первым томом «Постоялого двора». Спустя три года четвертый том этого романа был передан Раменским Всесоюзному музею А.С.Пушкина в Ленинграде вместе с рядом принадлежавших Пушкину вещей. Однако здесь едва ли не впервые дарителя ожидало разочарование: авторитетные музейные специалисты и члены ученого совета установили, что предложенные вещи не относятся к пушкинской эпохе. И, хотя вещи остались в музее, в экспозицию они не были включены³⁷.

В своих воспоминаниях о связях Раменских с Пушкиным Антонин Аркадьевич еще ни словом не обмолвился о письме Пушкина к Алексею Алексеевичу Раменскому от июля 1833 г., помещенном в «Акте». Но уже в 1979 г. пересказ этого письма опубликовал А.Пьянов, обнаруживший его вместе с Антонином Аркадьевичем на шмуцтитуле одного из томов журнала «Библиотека для чтения» за 1837 г.³⁸

Четвертой по времени возникновения версией является версия, которую условно можно было бы назвать «следом Антонина Аркадьевича». Впервые этот «след» обнародывается в 1962 г., когда появляется первая большая публикация об Антонине Аркадьевиче, повествующая о юности бологовского учителя, его знакомстве с М.Горьким и Н.А.Островским, борьбе за коллективизацию³⁹. С тех пор Антонин Аркадьевич становится одной из центральных фигур всех публикаций о роде Раменских. В статье Дилигенской он представлен как инвалид Великой Отечественной

войны⁴⁰. Сообщение ТАСС в январе 1963 г. характеризовало его как одного из самых замечательных представителей рода, отмечающего свое 200-летие⁴¹. В год 50-летия Антонина Аркадьевича (1963 г.) газеты и журналы посвятили ему целый цикл восторженных статей. «Коммунист остается в строю» — так называлась статья, рассказывавшая о мужественной жизни Антонина Аркадьевича. Она сопровождалась подборкой стихов героя статьи — «Клятва», «Мое поколение», «Коммунист», словно бы иллюстрировавших все сказанное о нем⁴². «Гордимся таким человеком» — этот очерк Горской повествовал о жизни и борьбе человека, оказавшегося прикованным болезнью к постели, но не утратившего силы воли, мощи духа, яростного желания и умения работать⁴³. Начиная с 1964 г. все чаще и чаще в печати стали появляться и публикации самого Антонина Аркадьевича: циклы патриотических и интернациональных стихотворений, воспоминания о выдающихся земляках-партийцах⁴⁴.

Одной из ключевых в развитии «следа Антонина Аркадьевича» стала статья Б.Булатова «В гостях у мужественного земляка». Едва ли не впервые здесь сообщалось, что Антонин Аркадьевич «пишет летопись» династии Раменских. Чтобы у читателей не возникало сомнений в литературных способностях автора и его целеустремленности, Булатов рассказал о том, как еще в 1935 г. комсомолец Антонин написал целую книгу о бологовских комсомольцах. С этой книгой он пришел в ЦК ВЛКСМ, где ему посоветовали поговорить с Горьким. Горький принял начинающего писателя-комсомольца, положительно отозвался о его рукописи, порекомендовав отнести ее в издательство «Молодая гвардия». Он же направил его к Островскому, встреча с которым навсегда осталась в памяти Антонина Аркадьевича⁴⁵.

Нет необходимости здесь подробно рассказывать о всех других публикациях, посвященных Антонину Аркадьевичу. Отметим лишь несколько важных для темы настоящей главы обстоятельств. Все публикации в части описания жизни и деятельности Антонина Аркадьевича до начала 60-х годов неизменно и исключительно восходили к его собственным устным свидетельствам. Постепенно они были оформлены в виде письменных воспоминаний. Нам известна, очевидно, часть его воспоминаний — рукопись, озаглавленная Антонином Аркадьевичем «Тридцатые годы. Из воспоминаний старого комсомольца», датированная 1974 г.⁴⁶ Здесь зафиксированы многие из приведенных выше фактов его биографии. В уже цитировавшейся выше главе воспоминаний, посвященной Пушкину, Антонин Аркадьевич свидетельствует: «Дело в том, что 40 лет своей жизни я посвятил разысканию, сбору и изучению материалов о связях с Тверским краем передовых людей нашей Родины. В 1932 году, будучи студентом Московского университета, по настоянию моего деда, учителя села Мологина Николая Пахомовича Раменского, я вступил в обязанности семейного хранителя библиотеки и громадного архива, охватывающего историю нашей семьи

больше чем за три века. Продолжая работу своих предков, в 30-е годы я продолжал разыскание материалов о революционном движении в Тверском крае, материалов о семье Ульяновых и Ленине. Несмотря на гибель от рук немецко-фашистских захватчиков всего архива, сожженного вместе с домом в Мологине в конце декабря 1941 года, в послевоенные годы мне удалось собрать воспоминания старых членов семьи и друзей, а также разыскать некоторые материалы»⁴⁷.

Таким образом, в средствах массовой информации был сформирован образ комсомольца 20—30-х годов, коммуниста с несгибаемой волей, человека, с энтузиазмом занимающегося сбором и изучением исторических реликвий. Публикации в средствах массовой информации раскрывали связи многочисленных представителей рода Раменских с выдающимися деятелями отечественной и мировой истории. Этот образ, повторим, восходил исключительно к собственным свидетельствам Антонина Аркадьевича и лишь частично подтверждался постепенно увеличивавшимся потоком исторических раритетов, обнаруживаемых им же. Вполне понятно, что личность Антонина Аркадьевича заинтересовала современников. С ним мечтали встретиться пионеры и комсомольцы, с ним вели переписку потомки многих известных исторических деятелей. Иначе говоря, Антонин Аркадьевич с начала 60-х годов из простого летописца славной учительской династии превращается в самостоятельную значимую историческую фигуру современности.

И тем не менее на фоне все более и более заметно высвечивающейся личности Антонина Аркадьевича продолжали появляться все новые и новые версии связей представителей рода Раменских с выдающимися современниками.

Пятым по времени возникновения следом стал «тимирязевский». В 1964 г. А.Никитин рассказал читателям газеты «Звезда» об огромной личной библиотеке Алексея Пахомовича Раменского, хранившейся в Перми. «В доме его, — писал Никитин, — было много старинных рукописных книг, собранных в Прикамье, а почта приносила письма известных в России людей». Судьба этой библиотеки, сообщил автор статьи со ссылкой на слова Антонина Аркадьевича, неизвестна, однако «в селе Мологине, где учительствовал брат Алексея Пахомовича, Николай, на днях обнаружено одно из первых русских изданий книги Ч.Дарвина "Происхождение видов" с дарственной надписью К.А.Тимирязева А.П.Раменскому»⁴⁸. «Тимирязевская версия» была еще более усилена другой заметкой того же Никитина. В ней сообщалось, что в одной из старинных книг, найденных в мологинской сторожке, обнаружены «два слипшихся листочка. На внешней стороне их можно прочесть: "Письмо А.П.Раменского К.А.Тимирязеву из Перми. Копия"». По словам Раменского, текст письма было невозможно разобрать, однако лабораторный анализ показал, что копия сделана «Ржевским краеведческим музеем накануне войны с черновика письма,

отправленного Тимирязеву». Далее следовал уже известный нам из «Акта» текст⁴⁹.

Следующим по времени появления стал «след Кибальчича». Нам неизвестен его сколько-нибудь подробный печатный вариант, зато он хорошо сохранился в неопубликованных материалах. Аркадий Николаевич и Антонин Аркадьевич подготовили письмо... «первым советским космонавтам, вступившим на Луну», датированное 15 апреля 1965 г. В нем говорилось: «Дорогие товарищи! Горячо поздравляем Вас с Великой Победой — высадкой людей Земли на Луну и Вашим Героическим Подвигом, который прославил нашу Родину и Советский народ.

Великие люди прошлого, с древних времен, мечтали о космических полетах на другие планеты, но только советские люди сумели осуществить это великое достижение науки.

Друг нашей семьи, Николай Кибальчич, революционер и ученый, работал над идеей космического полета, но, как пламенный революционер, погиб от руки палача.

Принадлежавшие Николаю Кибальчичу книги Гумбольдта "Космос" в 3 томах, над которыми он работал незадолго до казни, были спасены и переданы в нашу семью нашей родственницей и участницей Парижской Коммуны Анной Воскресенской.

От имени учителей Раменских, 200 лет находящихся на службе народа, мы приносим Вам в дар эти книги в знак глубокого уважения и восхищения Вашим подвигом!

Да здравствует советская наука! Да здравствует советский народ!»

К письму была приложена фотокопия дарственной надписи А.Воскресенской (Раменской) А.П.Раменскому на книге Гумбольдта, содержащей указание на ее принадлежность Н.Кибальчичу: «Глубокоуважаемому Алексею Пахомовичу Раменскому (правильно должно быть: Раменскому. — *В.К.*) в знак глубочайшего уважения, от (правильно должно быть: отъ. — *В.К.*) семьи Воскресенских. Эта книга нашего (правильно должно быть: нашего. — *В.К.*) друга Н.И.Кибальчича. Анна Воскресенская (Раменская). 20 мая 1895 г. Г. Пермь»⁵⁰.

Седьмым по времени появления в печати стал «лялинский след». Его первые контуры были обозначены еще в апреле 1962 г., когда Аркадий и Антонин Раменские подарили государству принадлежащие им в селе Лялине дом и имущество. В сохранившейся официальной дарственной ни слова не говорится о выдающемся мемориальном значении этого дара⁵¹. Однако в статье Б.Булатова (1968 г.) лялинский дом фигурирует уже как принадлежавший когда-то Голенищевым-Кутузовым. Из этой статьи следует, что лялинская ветвь Раменских принимала в своем доме не раз Венецианова, Комиссаржевскую, Нестерова, Бродского, Беклемишева, Горького и многих других выдающихся деятелей русской культуры и революционно-освободительного движения⁵². В заметке Кузнецова «лялинский след» оброс новыми подробностями. Оказывает-

ся, у Аркадия Николаевича Раменского хранилась рукопись в черном сафьяновом переплете с официальными документами, касающимися рода и дома Кутузовых, а также «с записями важнейших событий, которые происходили в нем, как-то: смерти, рождения, приезды гостей...» К сожалению, пишет Кузнецов со слов Булатова, зимой 1967/1968 гг. она исчезла⁵³.

Читатель не ошибется, если подумает, что и «лялинский след» имеет своим источником устные показания Антонина Аркадьевича, оформленные им письменно в 1974 г. в главе воспоминаний «Люди и годы», которая снабжена просто сенсационными подробностями, лишь частично вошедшими в «Акт»⁵⁴. Очевидно, именно по этой причине «лялинский след» вызвал подозрения у одного из потомков Кутузовых, известного литературоведа и историка И.Н.Голенищева-Кутузова. Сохранилось его письмо — ответ на письмо Антонина Аркадьевича с повествованием о лялинском доме. «Мне, — писал Голенищев-Кутузов, — не совсем понятно, о какой усадьбе идет речь. В роде Голенищевых-Кутузовых много ответвлений, особенно в прошлом. Поэтому мне нужно знать конкретно, о какой семье идет речь, чтоб я мог дать Вам какой-либо совет.

Конечно, меня очень интересует прошлое моего рода, но Вы пишете чрезвычайно абстрактно. Я надеюсь, что Вы мне ответите более подробно, особенно хотелось бы знать, есть ли у Вас какие-либо документы»⁵⁵.

В той же главе воспоминаний подробно рассказано и о «петровском следе» в истории династии Раменских. По словам Раменского, отец в 1918 г. сказал ему: «Когда подрастешь и будешь в Мологине, то у деда попроси его показать тебе железный ларец Петра I, где лежат чертежи, письма Петра I; он тебе покажет трость Петра и гвоздь, который он лично выковал в Волочке при закладке первой баржи»⁵⁶. В 1977 г. «петровский след» обнародывается в «Ржевской правде» в статье, посвященной сподвижнику Петра I Георгию Раменскому⁵⁷. В 1984 г. в статье Соловейчика уже сообщается, что в квартире Антонина Аркадьевича в Москве до сих пор стоит стол, сделанный Петром I и подаренный им Георгию Раменскому⁵⁸.

Думается, что больше нет необходимости продолжать анализ различных «следов», связанных с Раменскими, которые появились в 1961—1985 гг. Приведенные факты позволяют нам сформулировать несколько наблюдений более или менее общего характера. В течение 1961—1985 гг. шел процесс постепенного расширения сведений о династии Раменских и их роли в истории России. Все началось с ленинских автографов, продолжилось Карамзиным и Пушкиным, деятелями науки, культуры, революционно-освободительного движения XIX — начала XX в. и завершилось рассказами о связях рода с Петром Великим. Почти одновременно с новыми фактами об истории рода Раменских, можно сказать параллельно с ними, все более и более впечатляюще вырисовывается фигура

одного из здравствующих представителей династии — Антонина Аркадьевича Раменского. К нему сходились все нити сюжетов и рассказов: он вспоминал, обнаруживал документы, предъявлял их, интерпретировал передаваемые сведения, наконец, зафиксировал свой жизненный путь в мемуарах.

И все же, несмотря на восторженные статьи о нем и его предках, какая-то определенная недоговоренность во всех рассказах Антонина Аркадьевича оставалась. Исключая сюжеты, изложенные в статьях Цявловской и книге Черейского, все остальные факты богатой истории рода Раменских не просто остались на периферии исторических знаний. Они так и не были востребованы, оставшись принадлежностью краеведческой, да и то далеко не всей, литературы⁵⁹.

Причина этого скрывалась в следующем: не было обнаружено ни одного независимого от Антонина Аркадьевича Раменского документа, который мог бы подтвердить любой из сотен фактов, регулярно вводившихся им в общественный оборот. Словно загадочная «черная дыра» он аккумулировал информацию о роде, чтобы периодически, протуберанцами новых, все более и более сенсационных фактов поражать умы и чувства современников.

В принципе, уже сказанного достаточно, чтобы заподозрить неладное в истории рода Раменских. Впрочем, публикация «Акта» должна была окончательно подтвердить документально всю многовековую историю династии Раменских. Но получилось как раз наоборот: она вызвала серию критических выступлений, не просто поставивших под сомнение существовавшие несколько десятилетий легенды вокруг Раменских, но и всю их фактическую основу.

Спустя некоторое время после публикации «Акта» «Литературная газета» поместила на своих страницах подборку материалов, разоблачающих фальсифицированный характер его отдельных сюжетов⁶⁰.

Прежде всего была дезавуирована та часть «пушкинской версии» связей Раменских, которая основывалась на помещенном в «Акте» письме Пушкина к А.А.Раменскому от июля 1833 г. С.Кибильник обратил внимание на то, что все упоминаемые в «Акте» и письме Пушкина даты исключительно восходят только к архиву Раменских. Ряд выражений письма представляет собой всего-навсего «перелицовку» пушкинских фраз из его писем этого времени. По стилю и языку письмо Пушкина к Раменскому резко отличается от подлинных писем поэта: в нем имеются просто немыслимые для Пушкина выражения типа «сии обстоятельства, милостивый государь, заставляют меня осмелиться обратиться к Вам с просьбой поделиться со мною Вашими историческими материалами...». Пушкин никогда не употреблял слов «общение», «заезд», выражений «письма из переписки», «выписки летописей», не называл своего предка «арапчонком», «Русалку» — «берновской трагедией». Наконец, в июле 1833 г. поэт не мог сообщить Раменскому о том, что он получил «высочайшее дозволение» на осмотр гу-

бернских архивов в Казани, Симбирске и Оренбурге: такое «дозволение» было дано ему лишь 7 августа.

Далее, как оказалось, не выдерживала сколько-нибудь серьезной критики и «радищевская версия» связей Раменских. В заметке А.Толмачева сообщалось о том, что сохранившиеся дневник и письма Болотова не зафиксировали его посещение в 1797 г. Радищева, хотя дневник содержит записи за каждый день того года. А.Татаринцев показал, что Радищев и Болотов — люди вообще разных убеждений и, следовательно, их контакты как единомышленников, о чем можно подумать, прочитав письмо Болотова к А.А.Раменскому, были просто невозможны.

Были выявлены и другие несуразности «Акта» в части «радищевской версии». Свидетельство «Акта» о том, что в 1790 г. Раменские вместе с одним из сыновей Радищева спасли архив писателя, перевезя его в Саровский монастырь к отцу Радищева, оказалось ложным: в 1790 г. сыновьям Радищева было от 7 до 13 лет, а отец писателя лишь после 1798 г. попытался обосноваться в Саровском монастыре, но вскоре вернулся оттуда в свое имение. Радищевское письмо-исповедь А.А.Раменскому, по словам Татаринцева, выглядит странным уже хотя бы потому, что его адресат, выступая самым близким и доверенным к писателю человеком, не упоминается ни в одном документе, связанном с именем Радищева.

Легко и убедительно на страницах «Литературной газеты» были разоблачены и другие «версии» «Акта». Так, согласно заметке М.Перпер, не могло быть письма О.С.Чернышевской П.Раменскому 1869 г. из Нерчинска, где она якобы жила вместе с мужем. Чернышевские никогда не жили в Нерчинске, а вместе они поселились только в Астрахани в 1883 г.

Спустя несколько лет после выступления «Литературной газеты», окончательный сокрушительный удар был нанесен по самой признанной легенде — пушкинской. Напомним еще раз, что связи Раменских с поэтом были не просто признаны, войдя в знаменитый справочник Черейского «Пушкин и его окружение» и став предметом специального рассмотрения в работах одного из крупнейших советских пушкиноведов Цявловской. Они были, если так можно выразиться, «материально» закреплены приобретением в 1963 г. Пушкинским Домом первого русского перевода романа Вальтера Скотта «Айвенго» с приписываемыми поэту автографами.

Публикация «Акта» заставила исследователей еще раз вернуться к анализу книги Вальтера Скотта и имевшихся на ней записей. Эту работу проделала Т.И.Краснобородько⁶¹. Она принесла ошеломляющие, но уже, в принципе, ожидаемые результаты. Во-первых, оказалось, что оборванные края книги показали не ее ветхость: достаточно плотная и прочная бумага была специально оборвана, чтобы продемонстрировать растрепанность. Во-вторых, владельческая надпись, приписываемая Пушкину («St. Pet.» и подпись — «Александр Пушкин»), не имеет аналогов во всех известных подлинных надписях поэта на книгах: он никогда не обозна-

чал места приобретения книг, никогда не сокращал таким образом написания Санкт-Петербурга, всего лишь однажды, в лицейский период своей жизни, подписал книгу так же, как в нашем случае. В-третьих, не имеет аналогов среди пушкинских автографов на книгах и его дарительная надпись («Ал.Ал.Раменскому» и «Александр Пушкин», разделенная стихотворными строками «Как счастлив я, когда могу покинуть...»): сокращенное написание имени и отчества Раменского «в принципе невозможно для человека, воспитанного в культурных традициях пушкинского времени, потому что противоречит элементарным этикетным требованиям», четверостишие из первоначального замысла «Русалки» Пушкин мог написать только в альбоме, поскольку никогда не смешивал жанры книжного и альбомного посвящений. В-четвертых, для Пушкина, как и для людей его круга, в принципе не свойственно написание слова «счастлив» через «сч»: во всех случаях поэт употребляет форму «щастлив». Наконец, в-пятых, пушкинские надписи на книге Вальтера Скотта «сделаны на титульном листе, тогда как поэт всегда подписывал книги либо на обложке (лицевая или обратная сторона), либо на шмуцтитуле, всегда обходя печатный текст».

Но как же быть тогда с почерком поэта, неужели фальсификатор смог настолько блестяще подделать почерк, что ввел в заблуждение таких текстологов, как Цявловская и Бонди? Краснобородько и на этот вопрос дает убедительный ответ. Оказывается, источником пушкинских «автографов» стал пушкинский том «Литературного наследства», вышедший в свет в 1934 г. Именно там дано факсимиле чернового автографа строфы из девятой главы «Евгения Онегина» «Одну Россию в мире видя...», скопированного фальсификатором. Именно там воспроизведены из одной из рабочих тетрадей поэта рисунки весов и виселицы с казненными декабристами. Именно там помещены два плана, составленные Пушкиным в процессе подготовки «Истории Петра» и «Истории Пугачева». Именно в этом томе «Литературного наследства» содержались и другие материалы, использованные фальсификатором.

Продолжим и мы исследование документов, связанных с родом Раменских. Поскольку «Акт», опубликованный в «Новом мире», является центральным в повествовании о роде, сосредоточим свое внимание именно на нем и начнем анализ с языка помещенных в нем материалов. Даже неискушенному читателю он просто режет слух. В своем письме к А.Д.Раменскому Болотов говорит языком, совершенно немыслимым для людей XVIII столетия. Вот некоторые образчики такого языка, ставшие стандартными лишь в XX столетии: «в какой-то мере», «дневниковые записи», «грандиозное издание», «глубокоуважаемый». Особо замечательна его рекомендация Раменскому собирать «сведения о погоде», что для XVIII в. звучит почти как «информация о гидрометеоусловиях». Похожий язык мы видим и в письме Новикова к А.Д.Раменскому, где употребляются выражения типа «большинство помещиков», «далекая юность», «существующие системы». Замечательно предложение

Радищева в его письме к Алексею Раменскому напомнить Екатерине II о заслугах одного из представителей рода «в вопросах казачества». Пушкин в письме, приведенном в «Акте», употребляет выражение «семейные архивы», получившее распространение лишь с середины XIX в., его сын Александр и вовсе употребляет слово «реликвий», ставшее известным в XX в.

Таким образом, уже язык документов XVII—XIX вв., приведенных в «Акте», вызывает подозрения. Эти подозрения превращаются в уверенность при анализе исторических реалий «Акта» и помещенных в нем текстов документов. Прежде всего, в ближайшем и отдаленном окружении Болотова, Новикова, Радищева, декабристов, Пушкина, Карамзина, Ленина и проч. мы не встречаем никаких Раменских. Не существует и летописей, которые бы повествовали о неких книгописцах, дипломатах и военных по фамилии Раменские. Совершенно фантастически звучит, например, рассказ о спасении Раменскими Марфы Посадницы. Приведенные в нем факты воистину предоставляли бы неоценимую услугу для близкого, как повествует «Акт», к Раменским Карамзина, который на рубеже XVIII—XIX вв. собирал исторические материалы о Марфе Посаднице. На их основе он опубликовал историческую повесть⁶². В «Истории государства Российского» Карамзин, которому, согласно «Акту», в сборе исторических документов так деятельно помогали Раменские, ни слова не говорит о воспоминаниях одного из Раменских, где были помещены столь живописные подробности судьбы Марфы Посадницы.

Вообще раздел «Акта», посвященный связям Раменских с Карамзиным, может служить в некотором роде моделью доказательства подлога. Уже в начале его приведены вымышленные факты. «Из писем Карамзина А.А.Раменскому, — пишут авторы «Акта», — следует, что они неоднократно встречались в Твери, Торжке, а также в Мологине. В одну из таких встреч в 1821 г. в Торжке у Олениных Н.М.Карамзин подарил Раменскому полное собрание своих сочинений...»⁶³

Посещения Карамзиным Твери известны, они хорошо документированы: именно здесь им была передана Александру I знаменитая «Записка о древней и новой России». Что же касается его поездки в Тверь в 1821 г., то благодаря наличию его переписки с одним из своих друзей, директором Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф.Малиновским, можно утвердительно сказать, что ее не было. Никакими документальными источниками не подтверждается и наказ Карамзина своей жене подарить Раменским полное издание «Истории государства Российского» «в двенадцати томах в благодарность за сотрудничество в сборе материалов для "Истории..."». Якобы первые из них, с дарственным письмом Карамзина, передал Раменским в 1833 г. Пушкин (Карамзин умер в 1826 г.), а остальные досылал книгоиздатель А.Ф.Смирдин. Ни о каких двенадцати томах смирдинского издания «Истории» в 1833 г. не могло быть и речи: впервые

именно двенадцатитомная «История» с включением незаконченного двенадцатого тома и набросков к нему была опубликована Эйнерлингом только в 1838—1839 гг. В «Истории государства Российского» нет не только ссылок на какие-либо исторические документы, собранные Раменскими, но и вообще какого-либо упоминания представителей этого рода. «Акт» сообщает о поездке летом 1801 г. Алексея Раменского в Петербург и о встречах там с Карамзиным, который с конца XVIII в. и вплоть до 1816 г. принципиально не бывал в северной столице, тяготясь тамошней чиновной и светской суетой.

Таким образом, все сведения о связях Раменских с Карамзиным представляют собой плохо прикрытый вымысел. Раменские как бы всего-навсего «вставлены» в общий контекст карамзинской эпохи. Автор подлога, конечно же, имел представление о ней, но ему все же не хватило знаний конкретных подлинных источников для того, чтобы избежать неточностей и ошибок, что, в принципе, было не так уж и сложно сделать.

Аналогичные ошибки можно обнаружить в изобилии и в других сюжетах «Акта». Чтобы не утомлять внимание читателей, отметим несколько обстоятельств. Вопрос о подлинности и достоверности «Акта» волновал уже редколлегию «Нового мира». Публикации его первой части предшествовала врезка «От редакции». В ней утверждалось: «Авторитетная экспертиза дала заключение: перед нами подлинный документ... "Акт" представляет собой опись рукописей, хранившихся в семейном архиве Раменских... Но можно ли гарантировать их подлинность? Авторы "Акта" добросовестно переписали в документ то, что нашли в доме Раменских. По их утверждению, переписывали они с подлинников. Так ли это? Всегда ли с подлинников? Как это можно проверить, если то, что служило материалом для "Акта", до войны было передано в Ржевский краеведческий музей, а в сорок первом бесследно исчезло в огне войны? Остается один путь проверки подлинности копий, представленных в документе, — путь научного анализа. Но для этого документ должен стать известным общественности». Редколлегия попыталась обосновать и другой мотив публикации сомнительного документа. По ее мнению, рассказ об учительской династии Раменских «сейчас, накануне нового учебного года, когда в стране осуществляется школьная реформа — идет большая работа по улучшению воспитания подрастающего поколения, — документ этот будет прочитан с особым интересом»⁶⁴.

Однако послесловие к публикации Маковеева было призвано рассеять возникавшие сомнения, а также оправдать ряд ошибок «Акта», замеченных специалистами. Экземпляр «Акта», по сообщению Маковеева, представлял собой несчитанный и надлежащим образом не оформленный текст, авторы которого могли к тому же из благородных побуждений допустить исторические погрешности. К их числу Маковеев относит рассказ А.А.Вознесенской о встрече с А.И.Герценым зимой 1870/1871 гг., ряд других фактов. Зато Ма-

ковеев решительно отстаивает подлинность оригинальных текстов документов, приведенных в «Акте», в том числе и в случаях, когда там содержались противоречия с общеизвестными фактами. Так, например, касаясь письма Болотова 1798 г., где известный литератор, редактор «Библиотеки детского чтения», близкий друг Карамзина — А.А.Петров упомянут как живущий (в литературе его смерть датируется 1793 г.), он склонен это считать еще недостаточно установленным фактом⁶⁵. И напрасно, поскольку существуют многочисленные независимые друг от друга источники, в том числе письма Карамзина, датирующие смерть Петрова именно 1793 г. В послесловии Маковеев приводит многочисленные факты о судьбах рода Раменских уже после 1938 г., основанные, по всей видимости, на его личном знакомстве с представителями рода. Сами по себе они очень впечатляющи, но мало что прибавляют к доказательствам подлинности «Акта».

Возвращаясь к предисловию редколлегии «Нового мира», заметим, что в нем была подчеркнута подлинность «Акта», т.е. его возникновение в 1938 г. как результат работы специальной комиссии и указание на то, что документ был подвергнут специальной экспертизе. И хотя возникали после такого сообщения естественные вопросы, например, кто проводил экспертизу, существует ли официальное заключение на этот счет, как документ попал в руки Маковеева, где он хранится и т.д., редколлегия выразила сомнение лишь в подлинности, а значит, и достоверности всех тех документов, которые в 30-е годы оказались в распоряжении комиссии. Вопрос о времени составления «Акта» (а в нашем случае ответ на него является ключевым и для доказательства его фальсифицированного характера, и для прояснения мотивов подлога) остался как бы не самым главным.

Не показался он главным и автору настоящих сторок, который в своей книге о подлогах исторических источников в России XVIII — первой половины XIX в., поверив заключению «авторитетной экспертизы», выдвинул привлекательную гипотезу о том, что фальсификация возникла в период сталинских репрессий в кругу Раменских для обеспечения их личной безопасности от возможных репрессий⁶⁶. Подчеркивание в «Акте» близости Раменских к деятелям отечественного освободительного движения радикального направления вполне укладывалось в сталинскую схему русского революционного процесса и должно было, как казалось автору книги, служить своеобразной «охранной грамотой» для Раменских.

Право на ошибку существует и у автора исторического сочинения. В данном случае такая ошибка могла произойти только в условиях начала перестройки, когда каждый запретный или малоизвестный факт из сталинской эпохи все чаще становился неким знаком нам, людям, питавшимся дотоле лишь тайными слухами об истории того времени, неким сигналом о жизни, чаяниях и надеждах живших тогда людей.

Сегодня медленное чтение «Акта» обнаружило, по меньшей мере, одну датирующую деталь, произвольно, как штамп, проскочившую через пишущую машинку автора фальсификации. Она связана с названием и началом раздела «Акта», посвященного декабристам. Раздел, озаглавленный «Раменские и движение декабристов», начинается фразой: «Имеющиеся документы свидетельствуют о прямых связях семьи Раменских с участниками декабристского движения». Характеристика явления, связанного с деятельностью радикального крыла русской общественной мысли начала XIX в., пиком развития которого стали события 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, именно как длительного и разностороннего движения впервые была дана в советской историографии М.В.Нечкиной. В ее книге, вышедшей в 1955 г.⁶⁷, в ряде предшествующих работ и была обоснована концепция «декабристского движения». Это понятие было немыслимо для 30-х годов, когда широко еще употреблялись по отношению к декабристам исключительно такие понятия, как «бунт», «восстание», когда само «движение декабристов» трактовалось исключительно через призму событий на Сенатской площади. Автор фальсификации, таким образом, выдал себя, показав, что в момент фабрикации «Акта» он имел перед глазами книгу Нечкиной. Это могло быть, следовательно, в 1955 г. или после этого. Значит, «Акт» не был написан в 1938 г., значит, и весь рассказ о его злоключениях после 1938 г. — сплошная ложь.

В «Акте» есть и еще один датирующий признак, одновременно лишний раз подтверждающий его фальсифицированный характер. Среди многочисленных исторических сюжетов этого документа рассказ о Радищеве занимает особое место. В отличие от других ему посвящены два раздела — «Дружба с Радищевым» и «О рукописях Радищева». Но дело не только в этом. Число помещенных в этих разделах «радищевских текстов» можно сравнить только с числом «пушкинских». Наряду с указанием на «воспоминания» Раменских, на основе которых строится рассказ об их связях с Радищевым, в «Акте» приведены тексты дарственных надписей Радищева на книгах «Приятное препровождение времени» и «Месяцеслов» на 1793 г., выдержка из его письма А.Раменскому с советом обратиться к Екатерине II с просьбой помочь в обустройстве моголинской школы, полный текст предсмертного письма к тому же Раменскому, автографическая надпись Радищева 1785 г. на титульном листе загадочной книги под названием «История», представляющая цитату из «Телемахиды» Тридиаковского и др.

Рассказ о Радищеве лежит в русле общего повествования «Акта», показывая дружеские, доверительные связи с ним нескольких представителей рода Раменских. Уже Михайло Раменский, участвуя в Полтавской битве, познакомился с денщиком Петра I, дедом Радищева, Афанасием. Георгий, младший сын другого представителя рода — Данилы, после смерти отца в 1763 г. воспитывался «в семье Радищевых-Аргамаковых», учился у «домашних учителей» вместе с Александром Радищевым, затем

уехал в Саровский монастырь, «где жил отец Радищева Николай Афанасьевич Радищев». Здесь он руководил мастерской по переписке рукописей и школой сирот. «Другом моей юности» называл Александра Радищева первый из династии мологинских учителей Алексей Раменский.

«Акт» сообщает, что после ареста Радищева и ссылки его в Сибирь все бумаги Радищева и архив, находившийся в Петербурге у верных людей, были перевезены в Саровский монастырь «на хранение» к Георгию Раменскому. В числе этих материалов находились «список "Путешествия из Петербурга в Москву" с дополнениями и примечаниями», «рукопись о Сибири из четырнадцати глав, представляющих собой страстную обличительную книгу царского режима и доброжелательное отношение к работным людям Урала и Сибири», «рукопись "Размышления", в которой автор размышляет над судьбами России и ее народа».

«Друзья, — как сказано в "Акте", — начинают массовую переписку и распространение его крамольной книги "Путешествие из Петербурга в Москву"». Георгий Раменский, в частности, организует ее переписку в Украине — в Бамуте* — с помощью своих родственников, «думая, что в маленьком городке далеко от столицы не будет большого риска с перепиской». Однако полиция выследила злоумышленников, установив, что одним из них был племянник Георгия, Никифор. Он был приговорен к смертной казни, замененной каторгой, и помилован только в 1802 г. Навестивший Радищева в Петербурге в связи с хлопотами за Никифора Алексей отметил в своей хронике, что «настроение у Радищева плохое, ему грозят Сибирью, плохи материальные дела». Позднее, как сообщает «Акт», «трагедия Радищева продолжалась, он сообщал Раменским о своем беспокойстве за рукописи и новую книгу» под названием «Путешествие в Сибирь».

После смерти Радищева, согласно «Акту», злключения с его рукописями продолжались. Георгий незадолго до своей смерти передал их на хранение Федору и Матвею Раменским. У последнего они сохранялись в Москве до середины XIX в., затем, после его смерти, перешли к сыну Александру, преподавателю Поливановской гимназии, а потом были перевезены Пафнутием и Пахомом Раменскими в Мологино. Последний совмещал обязанности учителя церковноприходской школы и пономаря. Пользуясь этим, вместе с Пафнутием они вшили «все материалы Радищева в одну из церковных книг и поместили их в мологинскую церковь, где они хранились пятьдесят лет». В начале XX в. сын Пахома, Николай, забрал эти книги к себе. В его доме они находились до конца 1905 г., когда в результате полицейского обыска были конфискованы, и следы их затерялись. Лишь в 1917 г. поэт А.Блок обнаружил их среди дел Отдельного корпуса жандармов. Однако последо-

---

* Так в «Акте», вероятно, имеется в виду Бахмут.

вавшие затем события привели к их очередной утрате. Очевидно, утверждают составители «Акта», они были вывезены за границу⁶⁸.

Внешне суховатая и сдержанная канва рассказа «Акта» о связях Раменских с Радищевым и судьбе его архива содержала ряд малоизвестных, но сенсационных подробностей. Из литературы было известно, что отец Радищева, по крайней мере с 1798 г., какое-то время жил в знаменитой Саровской пустыни. «Акт» утверждал, что с этим монастырем связано еще более выдающееся для истории общественного движения в России событие — хранение рукописей Радищева и переписка его «Путешествия из Петербурга в Москву». Исследователи, писавшие о Радищеве до этого, в своем подавляющем большинстве были едины в том, что после возвращения из ссылки Радищев испытал тяжелый духовный кризис и отказался от публицистической деятельности. «Акт» свидетельствовал о том, что Радищев сохранил свои убеждения и продолжал работу над новыми сочинениями, изобличавшими самодержавие и крепостничество.

Названные подробности повествования «Акта» удивительным образом подтверждали ряд гипотез, которые впервые выдвинул и попытался доказать писатель-литературовед Г.Шторм. Его книга «Потаенный Радищев», опубликованная в сокращенном варианте в конце 1964 г. в журнале «Новый мир», а затем, в 1965 г., вышедшая отдельным изданием⁶⁹, содержала попытку обосновать идею о том, что Радищев спустя годы после своего ареста и ссылки продолжал работать над «Путешествием из Петербурга в Москву», углубив обличительное содержание книги, и даже поручил близким ему людям организовать ее переписку в Саровском монастыре.

Книга Шторма стала одним из заметных событий в литературоведческой и историографической мысли СССР начала 60-х годов. Написанная живо и занимательно, она вызвала к жизни дискуссию о радищевской текстологии, дала сильный толчок радищеведению. Но, несмотря на многочисленные архивные находки Шторма, книга стала лишь историографическим фактом. Время не только не подтвердило основных выводов автора, но и показало, что он ошибался в своей гипотезе. Фальсификатор «Акта» знал книгу Шторма и своим подлогом попытался доказать обоснованность его гипотезы.

Таким образом, мы можем сказать более определенно о времени изготовления фальсифицированного «Акта» — после 1964 г. В пользу такой датировки говорят его многозначительные умолчания. Автор фальсификации, как уже было показано нами на примере с книгой Нечкиной, был не только в курсе исторической и литературоведческой литературы, в том числе советской, но и следовал ее основополагающим концептуальным схемам. В этом отношении весьма показательны, что в «Акте» среди друзей Раменских не фигурируют ни Л.Д.Троцкий, ни Н.И.Бухарин, ни кто-либо другой из известных советских деятелей, подвергшихся репрессиям. Можно возразить, что в 1938 г. упоминания этих лиц были уже невозможны. Но фальсификатор, рискнув связать Ра-

менских с Ульяновыми, вряд ли мог удержаться в 1938 г. от такой же связи, скажем, с И.В.Сталиным. Проверка подлога в 1938 г. имела бы равные для него последствия в отношении фальсификации как связей с Ульяновыми, так и связей со Сталиным. Все объясняется просто: в начале 60-х годов фигура Сталина не была столь исторически значима для того, чтобы указывать на связь с ним кого-то из Раменских.

Весьма показательным, что до выхода книги Шторма «радищевская версия» связей Раменских не фигурирует в публикациях о роде. Это говорит о том, что легенда о Раменских складывалась постепенно, обрастая все новыми и новыми фактами. «Акт» должен был документально и официально утвердить устную версию истории династии Раменских. Первые реальные следы его существования относятся к октябрю 1966 г. Во всяком случае, в машинописной копии небольших воспоминаний отца Антонина Аркадьевича, датированных именно этим временем, сказано: «И вот в результате почти 25-летних поисков мой сын, будучи тяжело больным, с помощью друзей сумел разыскать немногие, но очень важные для истории нашей семьи документы. Прежде всего, документы, составляющие материалы по обследованию нашей семьи Ржевским краеведческим музеем, Ржевским педтехникумом, наконец, Ржевской комиссией педагогов и краеведов, которые по заданию наркома просвещения Бубнова вели обследование и изучение нашей семьи с 1934 по 1938 гг. Эти акты являются сейчас подлинными и бесценными, и единственными документами по истории семьи»⁷⁰.

О том, какое значение придавалось «Акту», свидетельствует машинописная копия «Дополнения» к нему, датированная январем 1968 г. Авторами «Дополнения» стали якобы комиссии Ржевского и Бологовского краеведческих музеев (подписи под этими «дополнениями» членов комиссий, разумеется, отсутствуют, хотя фамилии их имеются). Здесь дополнительно перечисляются новые представители рода, в большинстве случаев из числа живущих. Среди них названа Анна Николаевна Раменская, учительница села Лялино Вышневолоцкого района. «Одновременно с ее убийством, — сказано в «Дополнении», — похищен хранившийся у нее архив сына А.А.Раменского, привезенный им в первые дни войны и содержащий ленинские материалы». Назван здесь и Антонин Аркадьевич — доброволец в Великую Отечественную войну, политработник, временно потерявший в 1942 г. зрение, инвалид I группы, персональный пенсионер союзного значения, собиратель исторических документов. Но самое главное — первый пункт «Дополнения». В нем сказано буквально следующее: «Комиссии Ржевского и Бологовского краеведческих музеев считают необходимым дополнить "Акт" 1938 г. в части уточнения даты открытия учителями Раменскими их первой школы в России. Учитывая, что еще в 1938 г. при составлении "Акта" была установлена ошибочность даты в связи с ветхостью летописи Иллариона Раменского и ошибкой, допущенной при переводе ее с древнегреческого языка в

XVIII в., а также выявлением в послевоенное время новых документов и материалов, комиссия считает, что датой открытия школы учителями Раменскими в Москве следует считать 1479 год»⁷¹. Так готовился новый юбилей. Теперь он должен был стать праздником не районного, а всесоюзного масштаба.

Все сказанное заставляет нас пристально взглянуть в личность человека, сделавшего имя себе и своему роду. Пусть небольшие, но все же возможности для этого у нас есть. Осенью 1994 г. автор книги принимал участие в конференции тверских краеведов, на которой с докладом выступила директор Ржевского городского архива. Доклад посвящался династии Раменских и был построен в духе прежней официальной газетно-журнальной историографии рода. Однако он был замечателен тем, что здесь давалась подробная характеристика части архива Антонина Аркадьевича Раменского. Оказывается, после его смерти она была передана в архив Ржевского райкома КПСС. События августа 1991 г. привели к тому, что вместе с другими партийными материалами документы Раменского попали в Ржевский городской архив. М.А.Ильин, руководитель тверских архивистов, краевед и замечательный человек, помог автору этих строк ознакомиться с материалами Антонина Аркадьевича. Здесь оказались: воспоминания отца Антонина Аркадьевича — Аркадия Николаевича Раменского «Об историческом происхождении учителей Раменских» (машинопись, датированная 1966 г.), «Дополнения к "Акту" комиссии Ржевского краеведческого музея от 1938 г. по обследованию семьи учителей Раменских в селе Мологино Калининской области в соответствии с заданием Наркомпроса, сделанные комиссиями Ржевского и Бологовского краеведческих музеев по состоянию на 1968 г.» (машинопись, датированная 11 января 1968 г.), воспоминания Антонина Аркадьевича «Тридцатые годы» (машинопись, датированная 1974 г.), машинописная копия писем Ермоловых из Ржева в Мологино, датированных 1918 и 1920 гг., машинописная копия письма Пушкина из Петербурга в Мологино А.А.Раменскому от июля 1833 г., «География пятивековой просветительской династии Раменских» (составлена С.Дмитриевским в Москве в 1977 г.), три альбома с письмами, адресованными Антонину Аркадьевичу Раменскому, вырезками газетных и журнальных статей, посвященных династии, другие материалы.

Среди всех этих документов обращают на себя внимание прежде всего альбомы. В принципе, такие имеются едва ли не в каждой семье. Однако альбомы Антонина Аркадьевича по-своему замечательны. В них зафиксирована официальная история рода. Оформленные в высшей степени небрежно, даже неаккуратно, они тем не менее содержат интересные иллюстративный и текстовый материалы. Один из альбомов, озаглавленный «Литература о А.А.Раменском», открывается фотографиями с портретов представителей рода, празднования 200-летия юбилея мологинской школы, содержит вырезки из газет и журналов, поздравительные открытки, ма-

шинописные и печатные тексты стихотворений Раменского и др. Другой альбом включает материалы по истории Ржева и окрестностей. Здесь также имеются вырезки газетных и журнальных статей, посвященных Раменским, поздравительные открытки, письма, телеграммы. Альбом поражает обилием подлинных автографов потомков известных людей (С.М.Мельник-Тухачевской, Н.П.Герцен, Е.Я.Драбкиной, А.П.Радищева, Давыдовых, Толстых, Л.Космодемьянской, Муравьевых-Апостолов, И.Эренбурга, Н.А.Алексеева, Н.Гусева и др.). Альбомы содержат многочисленные образцы советского иллюстративного китча, с любовью коллекционировавшегося Антонином Аркадьевичем. Замечателен и его собственный стихотворный китч — целые циклы патриотических, интернациональных, коммунистических стихотворений, написанных в идеологическом отношении старательно и выдержанно.

Альбомы свидетельствуют о том, что Антонин Аркадьевич уделял немало времени и энергии установлению связей с известными современниками и авторами книг об исторических деятелях. Принадлежность к знаменитой династии являлась надежной рекомендацией для знакомства и переписки. Впрочем, случалось и наоборот: установление тех или иных связей являлось следствием разработки новой «версии» в истории династии Раменских. Об этом свидетельствует цитировавшееся выше письмо Голенищева-Кутузова. В подтверждение этого наблюдения говорят и другие материалы. Например, 13 июля 1963 г. дочь М.Н.Тухачевского С.М.Мельник-Тухачевская писала в ответ на запрос Антонина Аркадьевича: «Лично я ничего Вам сообщить не могу по интересующему Вас вопросу, т.к. была еще девочкой и ничего не помню. В Москве живет бывший шофер моего отца, который проработал с ним 19 лет с 1918 г. — вот он, наверное, сможет Вам сообщить то, что он знает о Вашем дяде»⁷².

«Версию Тухачевского» в истории рода разработать не удалось, как не удалось, например, заинтересовать общественность указанием на возможное место нахождения древней новгородской библиотеки, спрятанной якобы столетия назад предками Антонина Аркадьевича. Об этом свидетельствует сохранившееся в альбомах письмо знаменитого археографа, архивиста и историка, сотрудника Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома В.И.Малышева, датированное 10 декабря 1969 г. Вежливо отводя предложенную версию, Малышев писал: «Ваше письмо и сообщение о возможностях поиска новгородской и псковской литератур произвели на всех нас громадное впечатление и все мы ожидаем ценнейшие находки древнерусских литератур, имеющих мировое значение.

Ваше письмо я передал в Сектор древнерусской литературы, так как сам я после перенесенного инфаркта и других тяжелых болезней не смогу сразу включиться в работу, пусть молодые сотрудники нашего института начнут эту важную работу, и мы с Вами пожелаем им успеха в столь важном для нашей науки деле»⁷³.

Но чаще все же случалось иначе: люди, к которым обращался Антонин Аркадьевич, верили и по возможности делились с ним своими воспоминаниями.

Сказанное, кажется, не оставляет сомнений в том, кто был душой, двигателем и исполнителем мифа о Раменских, оформившегося в серию фальсификаций, центральное место среди которых заняли «Акт» и его «Дополнение». Антонин Аркадьевич проявил в высшей степени изощренную изобретательность и фантазию, знания и трудолюбие, энергию и смелость для документального оформления красивой и сложной исторической легенды. Она жила вместе с ним, принося ему немалые, по крайней мере общественные, дивиденды: всесоюзную славу, уважение земляков, внимание журналистов, восхищение пионеров и комсомольцев. Трудно сказать, когда поверил в созданную им легенду и ее автор — ведь иначе быть не могло: жить десятилетия без веры в это, с постоянным ожиданием разоблачения — испытание, как нам кажется, невыносимое для любого человека. В легенду надо очень верить: лишь тогда она приобретает ореол достоверности, во всяком случае в представлении ее сторонников.

Нелегко разобраться, как происходили процессы оформления легенды и фальсификации подкрепляющих ее исторических источников. Прежде всего возникает вопрос об ее истоках. Бесспорно существование в XX в. некоей учительской семьи, в частности Алексея Пахомовича Раменского. Вполне возможно бытование каких-то устных преданий о связях Алексея Пахомовича с семьей Ульяновых. Очень вероятно, что именно от них отталкивался Антонин Аркадьевич в своих дальнейших фантазиях.

Они поначалу носили устный характер. Для их подтверждения в начале 60-х годов Антонин Аркадьевич начал фальсифицировать дарственные надписи на книгах. Следует признать, что это ему удавалось делать не без успеха, хотя в основе фальсификации автографов лежал бесхитростный прием их механического копирования из доступных факсимильных публикаций. Любопытно, что при знакомстве с такими записями эксперты независимо друг от друга зафиксировали одинаковое восприятие. Так, например, Веселина, говоря о ленинском автографе на книге «Борьба за хлеб», пишет, что «не хватает лишь какого-то малейшего напряжения зрения, чтобы прочесть ее человеческим глазом». О сходных впечатлениях пишет и Т.И.Краснобородько. По ее словам, пушкинские надписи «почти "угасли", они едва заметны и скорее угадываются, чем читаются». Зато эта неуловимость в прочтении ничуть не смущала Антонина Аркадьевича: он больше, чем кто-либо другой, желал, чтобы записи были неясны, но все же прочитаны. Поэтому появились копии этих записей, изготовленные якобы тогда, когда они хорошо читались.

Чтобы придать большую достоверность подложным автографам, Раменский фальсифицирует записи своих предков на «Письмовнике», а также придумывает тексты писем к ним знаменитых

людей, предоставляя их в виде копий, изготовленных якобы до их утраты. Так возникают два новых вида подлогов. И они принимаются многочисленными журналистами за чистую монету, хотя и встречают скептическое отношение со стороны специалистов. Ильин рассказал автору книги о своих беседах со Штурмом, не раз встречавшимся с Раменским. Штурм не верил ему, хотя «радищевская версия» истории династии Раменских красиво подтверждала именно его гипотезу.

Раменский не мог не учитывать этого обстоятельства. Если верить хронологии дальнейших событий, зафиксированной самим Антонином Аркадьевичем, во второй половине 60-х годов он изобретает новый вид подлогов — «Акт» и его «Дополнение». Как официальные документы, составленные до гибели библиотеки и архива Раменских, они становились главной опорой фальсификаций, которые одновременно подтверждали и их достоверность, и их подлинность. В результате была создана система взаимосвязанных фальсификаций исторических источников. В начале 70-х годов она была дополнена «мемуарами» Антонина Аркадьевича, содержащими новые детали истории рода, но в основе своей имевшими все те же фальсифицированные материалы.

Хитроумно и изощренно была продумана система прикрытия подлогов, которая со временем все более и более усложнялась. Первоначально появилась легенда об огромной библиотеке и архиве Раменских, хранившихся в селе Мологино Ржевского района и погибших во время Великой Отечественной войны. Затем стали находить ее остатки. Сначала они были обнаружены неизвестным мальчишкой-археологом, затем — в старой, заброшенной сторожке самим Антонином Аркадьевичем. Почти одновременно с этими «открытиями» к Антонину Аркадьевичу стали попадать остатки еще одной библиотеки и архива Раменских — из села Лялино Бологовского района. Знаменательно, что открытия начались с ленинских автографов, которые были бескорыстно переданы в Институт марксизма-ленинизма. И пока специалисты института занимались их экспертизой на предмет подлинности, легенда начала свое путешествие по страницам отечественных изданий. Гарантией ее достоверности в определенной мере служил и созданный журналистами образ мужественного коммуниста, прикованного к кровати, человека с героической судьбой. «Открытия» Раменского импонировали и местному партийному руководству, со стороны которого ему, как свидетельствуют архивные документы, оказывалось внимание: 200-летний юбилей скромной мологинской школы, присвоение другой школе имени Раменского могли состояться только с санкции партийных властей.

Нельзя не отдать должного способностям и начитанности, знаниям в области истории Антонина Аркадьевича. Всего лишь один, но очень показательный штрих. В литературе о Карамзине вплоть до выхода книги Н.Я.Эйдельмана⁷⁴ практически никогда не фигурировала небольшая публикация, посвященная судьбе архива ис-

1800 году). В 1920 году А. И. Луцкий был сожжен японцами вместе с Сергеем Лаво.

15. Раменский Сергей Иванович, учитель села Барово, Калининской области. Участник юния 1914-1916 годов, в бою с немцами был отражен газами, но ле госпиталя в составе бронепатальона был отозван в Петроград, участвовал во встрече Ленина на Финляндском вокзале, охранял вольный, после демобилизации организовал Коммуны в селе Барово и имения Вульфов. Погиб в 1942 году.

Настоящие добавлены к акту комиссии Ржевского музея от 1968 года. Состав комиссии по состоянию на 1968 год на основании документов, хранящихся в архиве учителей Раменских.

Комиссия Ржевского краеведческого музея:

Директор музея
Шолязов И.К.

Член совета музея - писатель - краевед
Виноградов И.И.

Член совета музея - заслуженный учительница школы РСФСР
Барова Ф.И.

Вед. офт. Редактора газеты
"Ржевская правда"
Кузнецов Г.С.

Комиссия Голотовского краеведческого музея:

Директор музея - заслуженный учитель школы РСФСР -
Лубовицкий И.И.

Член совета музея - заслуженный учитель школы РСФСР
Леденчиков Ф.Ф.

Член совета музея - заслуженный учитель школы РСФСР
Сивилца А.И.

Корреспондент газеты "Калининская правда" -
Кузнецов Б.И.

г. Москва, 11 января 1968 года.

Последняя страница «Дополнения» к «Акту» об обследовании библиотеки и архива Раменских

торика, хранившегося в большом сундуке в одном из имений Нижегородской губернии. В фальсификациях Раменского мелькает «сундук Карамзина», с которым мечтал познакомиться Пушкин, — факт, примечательный для характеристики познаний Антонина Аркадьевича. Эти знания и дали ему возможность изготовить подлоги, в высшей степени изящные и изощренные по своему содержанию, придумать хитроумные версии их бытования и обнаружения. Его фантазии оказались масштабны по географии и хронологии охвата событий и людей. Франция, Турция, Польша, Болгария, Венгрия, Соединенные Штаты Америки, события XIX, XVIII и даже XIV вв., Авраам Линкольн, Ленин, Горький, Островский и т.д. — все это было систематизировано, продумано и уложено в сложную схему истории учительской династии.

Быть может, именно эти масштабы, поражая слушателей и читателей, заставляли их верить и восхищаться. Раменский был востребован системой, которая в своих воспитательных потугах желала взрастить героев-созидателей, строителей светлого коммунистического завтра. Ради этого система создавала тот образ прошлого, который отвечал ее идеалам. Ради этого она лгала откровенно, создавала мифы и пресекала искры подлинного знания. И именно поэтому сам Раменский востребовал эту систему. Искренне или нет, но он ловко воспользовался ею для легализации своих подлогов. Может быть, Антонин Аркадьевич, работая с книгами и первоисточниками, осознал мифологичность истории своего Отечества, созданной партийными идеологами, и потому цинично и смело начал дополнять ее вымышленными фактами и людьми. Возможно и наоборот: именно такая история составила основу его искренних убеждений и чувств — не случайно в его подлогах фигурируют исключительно официально признанные герои и события, не случайно только после реабилитации Тухачевского он начинает прорабатывать его «след» в истории рода. Как бы там ни было, но именно на основе и с помощью существовавших официальных взглядов на прошлое он начал создавать и легализовывать свои подлоги.

Сказанное, как нам кажется, помогает установить мотивы подлогов Раменского. В них, конечно, был свой меркантильный интерес. Всеобщее внимание, уважение и почет — вещи, не самые последние для человека вообще и тем более — пораженного недугом. И все же было в этом что-то от наивной фантазии, едва ли не детского желания приноровить себя через свой род к истории Отечества. Люди осваивали космос, страна начала забывать раны страшной войны, народ строил будущее и мечтал о нем. Маленький человек не хотел, чтобы его мир был замкнут стенами квартиры в Грохольском переулке в Москве. И он начал создавать легенду, таким способом запечатлевая память о себе в истории. Иначе он не мог, другого ему волею судьбы не было дано. У него получилось едва ли не все, о чем он мог мечтать. Во всяком случае, при жизни.

Сегодня подлоги и легенды Антонина Аркадьевича стали предметом рассказа в настоящей главе. Но феномен их бытования — это уже загадка его современников. Магия веры или магия мифа словно окутывали романтическим покрывалом большинство тех, кто имел дело с его подлогами. Спокойный, уверенный рассказ Антонина Аркадьевича гипнотизировал собеседников, помогавших потом ему творить мифы. Не было истинного знания, были вымыслы, которые старательно излагались печатно. Советский исторический китч торжествовал на вере, которую остроумно использовал Антонин Аркадьевич.

Подлоги Раменского в некоторых своих чертах напоминают фальсификации Сулакадзева⁷⁵. И в том, и в другом случае мы видим массовое изготовление фальсификаций. И в том, и в другом случае сходна типология подлогов: надписи на книгах, составление описей, обзоров фальсифицированных материалов. Разница, конечно, имеется в уровне изготовления фальшивок. Примитивному и темпераментному Сулакадзеву далеко до основательно начитанного и изощренного в фантазиях Раменского.

Ну, а мы сегодня — можем ли мы найти в себе силу духа, имеем ли способности ума, чтобы решиться обнаружить и разоблачить те сотни и тысячи созданных и еще не вырванных с корнем исторических мифов? Есть ли у нас, живущих сегодня, потребность в таком разоблачении? Может быть, жить в мире, где если не торжествуют, то уживаются с правдой легенды и мифы, проще и спокойней?

История фильсификаций дает ответы на эти вопросы. Правда рано или поздно, но обязательно торжествует, легенды и мифы исчезают, оставляя лишь память о мотивах и обстоятельствах их создания.

Глава 11.

Форосский «дневник» Анатолия Черняева

Опьяняющее ощущение свободы в первые послеавгустовские месяцы 1991 г. сопровождалось для большинства россиян и неподдельным интересом к подлинной картине драматических событий трех московских и форосских дней. Казалось, что именно они могут поставить последнюю точку в бесславной кончине одного из самых выдающихся феноменов мировой истории XX столетия. Казалось, что и правда этих дней вот-вот откроется обывателю, испугит цинизм главных действующих лиц этих дней и национальное унижение, испытанное многими россиянами после знакомства на московских улицах с танками и бронетранспортерами. Газеты пестрели сенсационными разоблачениями, к которым тогда еще только начинали привыкать, политики изобретали все более и более замысловатые фигуры политического пилотажа, сквозь которые еще только проступали ростки подлости и пошлости, которые в полной мере еще предстояло вкусить. Уже начали тонуть корабли и падать самолеты, множиться и набухать грозные почки национальных конфликтов.

Среди политических пируэтов, разоблачений и начинавших разгораться тлеющих костров вражды и ненависти, сообщениями о которых были полны средства массовой информации, вряд ли остались незамеченными две страницы сентябрьского номера газеты «Известия», где был помещен форосский дневник Анатолия Черняева, помощника Президента СССР М.С.Горбачева¹. Дневник привлекал непосредственностью фиксации событий в Форосе во время трех дней августовского путча и являлся ценнейшим историческим документом, подтверждающим искренние и человеческие заявления М.С.Горбачева о полной неожиданности для него произошедших событий, зафиксировал многие их детали.

Дневниковым записям было предпослано краткое предисловие, или, по терминологии автора, несколько «предварительных пояснений». Из них следует, что записи автор начал вести 21 августа, «еще будучи вместе с Президентом в блокаде». Однако они не были закончены тогда и были продолжены «в первые дни уже по прибытии в Москву». «Когда я писал там, — продолжал Черняев, — через каждые полчаса включал "Маяк": между новостями шли "симфонии", от которых в той обстановке тошнило... Так вот, сведения от "Маяка" я тут же фиксировал: эти места печатаются другим шрифтом». По сообщению Черняева, он не собирался публиковать свои записи, рассчитывая использовать их позднее для мемуаров: «Но нелепости, недоразумения и преднамеренные гнус-

ности в отношении Президента в средствах массовой информации заставили меня изменить мое намерение».

Уже начало «дневника» порождает ряд недоуменных вопросов, ответы на которые лежат только в плоскости признания его фальсифицированного характера. Записи, в соответствии с версией, изложенной в предисловии, начинаются 21 августа на даче Президента СССР «Заря». «Видимо, пора писать хронику событий, — констатирует Черняев. — Кроме меня никто не напишет. А я оказался свидетелем поворота истории». Из дальнейшего текста видно, что эта запись могла быть сделана, по крайней мере, в первые десять часов 21 августа, поскольку автор далее приводит сообщение «Маяка» в 10 часов 21 августа о событиях ночи с 20 на 21 августа. Из последующего видно, что текст «дневника» за 19—21 августа представляет собой фактически мемуарную запись 21 августа, что не может не показаться подозрительным. Во-первых, этот краткосрочный мемуарный налет никак не стыкуется с признанием самим автором исторической значимости переживаемого им времени как «поворота истории». Совершенно очевидно, что такое представление должно было появиться у него не 21, а, по меньшей мере, вечером 19 августа. Во-вторых, сам автор в предисловии прямо признается в своей «привычке вести дневник». Оба эти обстоятельства уже заставляют подозревать, что перед нами — не тот подлинный дневник, который, конечно же, велся Черняевым в Форосе, а его позднейшая переработка.

Следы этой переработки можно обнаружить при медленном и углубленном чтении «дневника». Уже в самом начале этого документа встречается фраза, указывающая на пропуск текста подлинного дневника Черняева. Говоря о подготовке речи Горбачева при намечавшемся подписании текста Союзного договора, автор замечает: «Он ее несколько раз переиначивал...» Употребление обезличенного местоимения «он» применительно к Горбачеву, который до этого прямо не упоминался, показывает, что в подлинном тексте дневника Черняев до этой записи по меньшей мере один раз прямо упоминал Горбачева.

На следующий пропуск подлинного текста указывает эпизод встречи Горбачева с представителями ГКЧП. Пересказав основные требования путчистов в интерпретации Горбачева, Черняев далее приводит следующую фразу своего шефа: «Вы затеяли государственный переворот. То, что вы хотите сделать, — с этим комитетом и т.п. — антиконституционно и противозаконно». Первое упоминание в данном контексте Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), без каких-либо предварительных пояснений о его создании, составе, функциях (что совершенно нелегально для автора, осознающего историческую значимость происходящего), также подтверждает, что в подлинном дневнике Черняева о нем говорилось специально.

Умилительно, но от этого отнюдь не правдиво, звучит заключительная запись о беседе Горбачева с представителями ГКЧП.

Рассказав о требованиях путчистов и твердой позиции Горбачева в отношении их предложений, Черняев далее неожиданно пишет: «С тем они и уехали». Вполне возможна такая запись в подлинном тексте. Однако она приобретает какой-либо смысл только в случае подробной реакции двух ведущих переговоры сторон на изложенные позиции, ибо, с чем уехали путчисты, из «дневника» совершенно неясно. Ясно, что в подлинном тексте дневника этот эпизод зафиксирован более подробно, ибо он — ключевой в понимании последующих событий.

Следующий эпизод, зафиксированный в «дневнике» после восемнадцати часов 21 августа и относящийся к событиям после одиннадцати часов 20 августа, вновь неопровержимо показывает существенный пропуск текста подлинного дневника. Эпизод повествует о том, как через референта секретариата Президента СССР О.В.Ланину Черняев планировал передать пленку с записью обращения Горбачева в связи с его изоляцией известному журналисту В.И.Бовину через его жену. «Именно она, а не сам Бовин: слишком заметная фигура, да еще на подозрении, особенно после его вопроса на пресс-конференции Янаева и К^о», — записал якобы Черняев. Окончившаяся полным провалом пресс-конференция путчистов, состоявшаяся вечером 19 августа, была одним из выдающихся событий трех августовских дней. Представить себе, что она осталась вне внимания узников Фороса, просто невозможно и потому, что они имели возможность слушать радио, и, самое главное, потому, что сам Черняев не мог обойти в своих записях это событие, упомянув его только мимоходом, в контексте совсем другого, узкофоросского эпизода. Немыслимо представить, что, даже в случае мемуарного характера записей, Черняев проигнорировал бы это событие, ибо оно было прямо связано с главной интригой путча — изоляцией Горбачева.

В документе, опубликованном Черняевым под названием «дневник», легко обнаруживаются и позднейшие вставки, немислимые для записей 21 августа и в последующие дни и, безусловно, отсутствующие в подлинном дневнике. К первой из таких позднейших вставок относится вставка о Генералове. Рассказывая о приезде к Горбачеву 18 августа путчистов, Черняев перечисляет сопровождавших их лиц, упоминая в том числе Плеханова и его «зама» Генералова. Уточнение должности Генералова в документе, запечатлевавшем исторически значимые события, совершенно не укладывается в логику черняевской хроники. Эта логика еще больше нарушается его рассказом о своем давнем и хорошем знакомстве с Генераловым по поездкам за границу с Горбачевым — «он обычно руководил безопасностью Президента там...», — уточнил вдруг автора «дневника». Такое большое внимание второстепенному лицу, оставленному путчистами всего лишь для организации блокады Президента и его окружения, объясняется только одним: фигура Генералова и приведенный им рассказ о технике блокады должны были, само собой, развеять все подозрения, которые по-

явились после путча относительно искусственной самоизоляции Горбачева.

Характерен также следующий эпизод, показывающий позднейший, экстраполяционный характер «дневника». Горбачев пересказывает Черняеву свой разговор с путчистами 18 августа. В числе присутствующих находился незнакомый Президенту высокий генерал в очках, наиболее активно и жестко предлагавший ему согласиться на организацию ГКЧП. «Генерал, — по свидетельству Горбачева, записанному Черняевым — стал мне доказывать, что они "обеспечат", чтобы того не случилось. Я ему: "Извините, т. Варенников, не помню Вашего имени-отчества". Тот: "Валентин Иванович". — "Так вот: Валентин Иванович, общество — это не батальон"». Вполне возможно, что Горбачев не знал имени и отчества Варенникова. Но появление столь несущественной детали в дневниковой записи от 21 августа кажется немыслимой для человека, фиксирующего исторически значимое событие. Зато такая позднейшая интерполяция легко объяснима: она представляла собой попытку этой деталью дистанцировать Горбачева от одного из активных участников путча.

Можно было бы привести еще не один пример, с одной стороны, изъятий текста из подлинного дневника, а с другой — позднейших интерполяций якобы подлинных записей трех форосских дней. Но и приведенных достаточно, чтобы сделать главный вывод: опубликованный в «Известиях» Черняевым текст его «дневника» представляет собой фальсифицированный материал. Он изобилует многочисленными несущественными деталями, заставляющими читателя недоуменно пожимать плечами в адрес автора, оказавшегося свидетелем исторических событий, прекрасно понимающего это и в то же время со скоророшьими ужимками наблюдающего за неестественным для женщин выпирающим «комочком» видеоленты в брюках одной из форосских затворниц или открывающего для себя в одном из охранников Горбачева «симпатичного красавца». В то же время о настоящих событиях, разговорах, составлявших подлинную интригу или часть форосской интриги, равно как и в целом трех августовских дней, «дневник» умалчивает².

Не стоит строго судить его автора в последнем случае: тайна или часть тайны августовского путча принадлежит истории, и автор вправе был оставить ее будущим временам. Известинский же текст «дневника» Черняева — всего-навсего лишь обычный пропагандистский прием, призванный отвести подозрения от Горбачева в его причастности к путчу, о его знании хотя бы в общем плане вынашивавшейся идеи чрезвычайного положения. Не стоит и в этом случае быть слишком строгим в осуждении Черняева. Посоветуем ему лишь сохранить для будущего свой подлинный дневник.

Глава 12.

«Приказ» о ликвидации саботажа в Украине

В 1992 г. кандидат исторических наук В.Марочкин, работая в Центральном государственном архиве общественных организаций Украинской республики, совсем недавно открытом для широкой публики (бывший партийный архив ЦК Коммунистической партии Украины), в один из дней испытал восторженное чувство первооткрывателя. Среди документов Отдела пропаганды и агитации Компартии Украины он обнаружил совершенно секретный приказ, имевший прямое отношение к его исследовательской теме, связанной с историей организации украинских националистов ОУН-УНСА.

Приведем полностью текст обнаруженного В.Марочкиным документа*.

«Совершенно секретно

Приказ 0078/42

22 июня 1944 года
г. Москва

По Народному Комиссариату Внутренних Дел Союза ССР и Народному Комиссариату Обороны Союза ССР.

Содержание: О ликвидации саботажа на Украине и о контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобожденных областей Украины.

§ 1.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно, для того чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывает в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах «зеленые» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представите-

* Сохранены орфография и пунктуация приказа.

лей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью оккупантов.

Выселение производить:

а) В первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев.

б) Во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации.

в) Выселение начать после того, как будет собран урожай и слан государству для нужд Красной Армии.

г) Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

[...]

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) Завести в особых отделах специальные дела на каждого.

б) Все письма проверять не через цензуру, а через особ[ый] отд[ел].

в) Прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и кр[асноармей]цев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР (БЕРИЯ)

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР, МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(ЖУКОВ)

Верно:

Начальник 4-го отделения Полковник (Федоров)

Украинцы!

Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования.

SK 566»

Как видим, суть приказа Л.П.Берии и Г.К.Жукова, тиражированного типографским способом, сводилась к тому, чтобы во второй половине 1944 г. депортировать украинцев, проживавших на

Л-133.

Відділ
пропаганди і агітації
ЦК КПСРУ

Совершенно секретно

№ 1805

Приказ № 0078/42

22 Июня 1944 года

г. Москва

По Народному Комиссариату Внутренних Дел Союза ССР и Народному Комиссариату Обороны Союза ССР

**Содержание: О ЛИКВИДАЦИИ САБОТАЖА НА УКРАИНЕ
и о контроле над командирами и красноармейцами,
мобилизованными из освобожденных областей
Украины.**

§ 1.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно, для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывает в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывавшихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах „зеленые“ банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти, и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации

Фрагмент «приказа» о ликвидации саботажа в Украине

оккупированной гитлеровцами территории, освобождаемой частями Красной Армии, и установить агентурный контроль над теми украинцами, которые служили в Красной Армии, но не происходили с оккупированных территорий. Приказ определял порядок и технологию депортации и агентурного контроля.

Своим открытием Марочкин поделился с редколлегией газеты «Литературная Украина», где приказ и был опубликован со ссылкой на место его хранения¹. В послесловии к публикации «От редакции» читателям напоминалась фраза из доклада Н.С.Хрущева на XX съезде «О культе личности и его последствиях», воспринятая делегатами смехом. Суть ее сводилась к тому, что украинцев Сталин не стал выселять только потому, что из-за многочисленности выселять их было некуда. Из приказа, говорилось в предисловии, видно, что Хрущев отнюдь не преувеличивал и, в случае его выполнения, украинцам было бы не до смеха. Приказ, по мнению редколлегии, отразил давний «всеимперский гнев на Украину кремлевского деспота».

Приказ Берии—Жукова, казалось бы, добавлял новый штрих в становившуюся все более и более известной физиогномию сталинизма. Но письмо в редакцию «Литературной Украины» Р.Я.Пирого, директора архива, в котором он был обнаружен, существенно поправляло публикацию Марочкина. Оказывается, «приказ» представлял собой всего-навсего немецкую листовку 1944 г., о чем говорил исключенный Марочкиным при публикации фрагмент текста: «Украинцы! Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования» — и издательский знак «566». «Таким образом, — заключал Пирог, — оказались нарушенными общепризнанные правила публикации документов, и общественность Украины сознательно или несознательно введена в заблуждение»².

Редколлегия «Литературной Украины» была вынуждена принести извинения своим читателям, признав публикацию «приказа» дезинформацией и отметив, что публикатор ввел ее в заблуждение, погнавшись за ложной сенсацией³.

Увы, и после этого «приказ» Берии—Жукова продолжал свое путешествие в средствах массовой информации Украины. В 1944 г., например, его опубликовала «Народная газета» и вновь без фразы — обращения немецкого командования к украинцам. Этот документ, комментировала газета, «должен знать каждый украинец». В то время когда миллионы украинцев сражались с нацизмом на полях Европы, «московско-большевистская клика собиралась выселить в Сибирь их отцов, жен, сестер и детей». По мнению публикаторов, депортация привела бы к всеукраинскому восстанию, в связи с чем (?) Сталин не решился сам подписать такой приказ, переложив это на плечи Берии и Жукова⁴.

«Народной газете» ответила «Правда Украины» статьей В.Сергиенко. Автор вновь призвал читателей уяснить, что «приказ» неизвестен в оригинале, что это всего-навсего немецкая листовка. Берия и Жуков не могли подписать такой документ, поскольку ре-

шение о депортации обязательно должно было приниматься на уровне Государственного комитета обороны СССР (ГКО), и в этом случае «приказ» обязательно содержал бы ссылку на постановление ГКО. «О фальшивом происхождении документа, — пишет В.Сергиенко, — свидетельствует еще и то, что оформлен он не в соответствии с требованиями к подобного рода документам. Приказ подписывают два наркома, а в тексте стоит "приказываю". Если копию заверяет полковник Федоров, то почему не указано, в каком именно наркомате он руководит 4-м отделением?»⁵ К наблюдениям Сергиенко можно добавить и другие несуразности «приказа». В нем, например, имеется немыслимое для такого уровня документов выражение «враждебно сопротивляется выполнять», содержится малопонятное распоряжение выселять украинцев только ночью, чтобы обеспечить тайну операции, хотя тайна могла быть обеспечена только единовременным и быстрым действием. 12 и 25 дивизии НКВД охарактеризованы нетипичным для советского официального языка словом «карательные», в подписи Берии отсутствует его должность, тогда как должность Жукова названа и т.д.

«Приказ» Берии—Жукова о депортации украинцев являет нам образчик актуализации фальсифицированного документа уже в виде фальсифицированного исторического источника. Подлинный факт идеологической и дезинформационной борьбы гитлеровцев против наступавшей Красной Армии превратился в подлинный факт общественно-политической борьбы иных сил иного времени, иллюстрирующий и средства этой борьбы одним из направлений украинской общественно-политической жизни. «Приказ» Берии—Жукова — пример двойной фальсификации: сначала гитлеровской пропагандистской машиной был изобретен никогда не существовавший распорядительный документ двух советских наркоматов, затем этот документ, спустя историческое время, был легализован уже как исторический источник с исключением принципиально важной части текста. И этот документ уже как исторический источник был не только востребован, но и принят на веру как подлинный факт истории, легко и естественно вписавшись в общую картину преступлений сталинизма. Вновь в данном случае был поставлен знак равенства между тем, что «могло быть», и тем, что «было» в нашей истории.

Глава 13.

На ловца и зверь бежит

Задумывая свою первую книгу о подделках исторических источников¹, автор и в самом заветном сне не мог предположить, что судьба уготовит ему не только продираться через хитросплетения замыслов фальсификаций и приемы их разоблачений давнего времени, но и оказаться в своеобразном соприкосновении с изготовлением современных подлогов.

Это соприкосновение было следствием событий выдающихся и чрезвычайных. Во время августовского путча 1991 г. Президент Российской Федерации издал два важных указа. Первым из них национализировались все архивы КПСС, а вторым предписывалось передать на государственное хранение архивы КГБ СССР. И те, и другие передавались в непосредственное ведение тогда мало кому известного Комитета по делам архивов при Совете министров РСФСР, бывшего в течение многих лет в тени аналогичной союзной структуры — Главного архивного управления при Совете министров СССР. За несколько месяцев до этого комитет возглавил специально приглашенный из Свердловска историк и археограф Р.Г.Пихоя. Молодой и энергичный, он сразу же начал создавать «команду», способную начать перестройку архивов России в соответствии с новыми общественно-политическими условиями.

Послеавгустовская эйфория не обошла стороной и автора книги. Размеренная академическая атмосфера Отделения истории Академии наук СССР, где он работал ученым секретарем, уже давно и изрядно тяготила его. Поэтому он не задумываясь принял предложение Пихои стать директором теперь уже бывшего Центрального партийного архива при ЦК КПСС, что возвышается на улице Большая Дмитровка серой бесформенной громадой бетона с барельефами трех основоположников марксизма-ленинизма. Архив к тому времени постановлением Правительства России был преобразован в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и в духе новых веяний должен был подвергнуться коренной перестройке.

Время требовало сделать архив, ранее предоставлявший свои уникальные материалы доверительному кругу лиц, общедоступным. Коллектив архива с пониманием встретил новые идеи его перестройки. В читальный зал были перемещены для общедоступного пользования все описи, в том числе и описи подлинной жемчужины архивов новейшего времени — фондов Коминтерна. Были разработаны правила пользования этими и другими материалами. Уже после презентации РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ), состоявшей-

ся в конце декабря 1991 г., сюда зачастили исследователи, в том числе иностранцы.

Рабочий дневник автора книги за это время буквально по минутам был расписан встречами с учеными, журналистами, общественными деятелями. Все они рвались к «тайнам партии». Первыми оказались молчаливо-сдержанные и невозмутимые японцы, потом последовали холодно-деловитые немцы, темпераментно-авантюристичные французы. В самом начале нового года появился и первый итальянец — московский корреспондент одной из итальянских газет Ф.Бегацио.

Его привел в кабинет совсем недавно принятый на работу в архив известный специалист по истории Коминтерна профессор Ф.И.Фирсов. Научный авторитет Фирсова, подкрепленный, как было известно, его борьбой с руководством тогдашнего Института теории и истории социализма при ЦК КПСС, служил важной рекомендацией итальянскому журналисту. Небрежно, но со вкусом одетый, раскованный Бегацио сообщил, что он является представителем итальянского издательства «Понте алле Грацио», выпустившего в последнее время книги Г.Х.Попова, Р.И.Хасбулатова, А.А.Собчака, а также сборник, посвященный репрессированным итальянским коммунистам. Издательство, по словам Бегацио, готово было субсидировать подготовку и издание серии сборников документов архива по истории итальянской компартии. Для обсуждения научной стороны издания в Москву готов отправиться научный консультант издательства, профессор Андреуччи, бывший коммунист и издатель собрания сочинений Пальмиро Тольятти.

Перспективы предложенного сотрудничества были весьма обнадеживающими, особенно если учесть, что «вхождение» архива в провозглашенную стихийную рыночную экономику сразу же поставило его в критическое финансовое положение. Согласие было дано, и спустя несколько дней в кабинете директора появился не по годам молодо выглядевший итальянский профессор Андреуччи. Собственно говоря, очевидно, с этого момента и следует начинать отсчет событий, которые можно было бы назвать «Операция Пальмиро Тольятти, или Несколько дней триумфа и падения профессора Андреуччи».

Господин Андреуччи был деловит, энергичен, а после беглого знакомства с материалами по истории итальянской компартии, в том числе с архивным фондом Пальмиро Тольятти, впал в крайнее возбуждение. Для него как специалиста стала очевидна историческая ценность представленных документов. Переговоры об общей схеме будущей публикации проходили, как говорят в таких случаях, в духе взаимопонимания и конструктивности. Уже в конце их удовлетворенный профессор взял из стопки материалов один из документов и попросил разрешения опубликовать часть его текста в своей статье о впечатлениях от посещения Москвы. Здесь речь идет об итальянских военнопленных в России, пояснил Андреуччи содержание текста документа на итальянском языке.

Российская общественность к тому времени уже знала кое-что о прежде запретной теме, связанной с судьбами миллионов иностранных граждан, оказавшихся после Второй мировой войны в СССР в качестве военнопленных. Незадолго до этого многие с захватывающим интересом читали репортаж Э.М.Максимовой «Пять дней в Особом архиве»², в том числе о хранившемся в этом прежде тайном архиве фонде Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, содержащем сведения практически на каждого военнопленного. Выяснение судеб миллионов иностранных граждан, оказавшихся в плену в СССР, к этому времени стало важным фактором межгосударственных отношений. Итальянцы в этом смысле не были исключением: из печати, телевидения и радио все знали, что готовится торжественный акт передачи Италии урн с прахом двух тысяч итальянцев, умерших в СССР. Вот почему автору книги было понятно желание Андреуччи, и, нисколько не колеблясь, директор архива дал согласие на цитирование обнаруженного документа.

Это был ответ Тольятти, бывшего в 1943—1944 гг. руководителем заграничного бюро ЦК компартии Италии в Москве, на предложение представителя компартии Италии при Исполкоме Коминтерна В.Бьянко «найти пути и средства для того, чтобы в соответствующей форме и с должным политическим тактом попытаться поставить проблему так, чтобы не допустить массовой гибели [итальянских] военнопленных, как это уже произошло», т.е. обратиться к Сталину³. 15 февраля — 3 марта 1944 г. Тольятти написал Бьянко: «Я вовсе не жесток, как ты знаешь. Я столь же гуманен, как и ты, или насколько может быть гуманна дама из Красного Креста. Наша принципиальная позиция в отношении войск, вторгшихся в Советский Союз, была определена Сталиным, и мне нечего к этому добавить. На практике, однако, если большое число военнопленных погибнет вследствие существующих тяжелых условий, я абсолютно не вижу в этом повода для разговора. Совсем наоборот. И я объясню тебе почему. Нет никаких сомнений в том, что итальянский народ отравлен империалистической разбойничьей идеологией фашизма. Конечно, не в такой степени, как немецкий народ, не говоря уже о мелкой буржуазии и интеллигенции, — в общем, он проник в народ. Тот факт, что для тысяч и тысяч семей развязанная Муссолини война, и прежде всего экспедиция в Россию, закончится трагедией и личным горем, является лучшим и наиболее эффективным из противоядий. Чем глубже укоренится в народе убеждение в том, что агрессия против других стран несет смерть и разрушение собственной стране и каждому отдельно взятому гражданину, тем лучше для будущего Италии. Массовые побоища при Догали и Адуе стали одним из наиболее мощных тормозов в развитии итальянского империализма и одним из самых сильных стимулов для развития социалистического движения. Мы должны добиться того, чтобы разгром итальянской армии в России сыграл сегодня ту же роль. В сущности, те, кото-

Carissimo Bianco,

due parole su alcune questioni politiche che tu sollevi, e sulle quali non sono d'accordo con te.

1.- Sul manifesto della Garibaldi e a proposito dei piani angloamericani di sbarco in Italia. Può darsi, anzi è certo, che il documento poteva essere migliore. Ma sulla questione dello sbarco in Italia gli italiani d'America devono essere favorevoli, e devono anzi spingere o che si faccia, si faccia presto, e si faccia sul serio. La stessa posizione, in sostanza, dobbiamo avere noi nel paese. La posizione degli italiani d'America, e la nostra, devono però essere bene argomentate. Bisogna spiegare che non si tratta affatto di invasione, ma di un aiuto che viene dato al popolo italiano per riconquistare la sua libertà, per cacciare i suoi veri nemici, che sono i fa-

Фрагмент оригинала письма П.Тольятти к В.Бьянко

рые, как ты пишешь, говорят военнопленным: "Никто вас сюда не звал; значит, и нечего жаловаться", — глубоко правы, хотя верно и то, что многие из пленных оказались здесь только потому, что были сюда посланы. Трудно, более того, невозможно провести грань внутри одного народа, кто несет ответственность за проведение той или иной политики, а кто нет, особенно если народ не ведет открытой борьбы против политики правящих классов. Повторяю: я вовсе не считаю, что военнопленные должны быть уничтожены, тем более что мы могли бы использовать их для достижения определенных результатов и другим способом; но в объективных трудностях, которые могут привести к смерти многих из них, я вижу не что иное, как конкретное выражение той справедливости, которая, как говорил старик Гегель, имманентно присуща истории»⁴.

Откровенный цинизм в достижении политических целей, прозвучавший в письме Тольятти, не вызвал воодушевления даже у его адресата. «Не думай, что я сестра милосердия, — писал Бьянко. — Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что, сражаясь против Советского Союза, они совершили серьезное политическое преступление против советского народа, указавшего им путь выхода из войны против самих себя и того класса, к которому они в большинстве своем принадлежат. Но ставить крест на трудящихся массах стран фашистского блока — ты лучше меня знаешь, что это значит, и, кроме того, я очень хорошо знаю, что ты так не думаешь. Но, к сожалению, я должен констатировать, что подобное мнение распространено, и довольно широко»⁵.

3 февраля 1992 г. Андреуччи опубликовал отрывок письма Тольятти в журнале «Панорама»⁶. Легко представить реакцию итальянцев на эти размышления крупного политического деятеля, даже в случае, если бы они были приведены в том подлинном виде, в каком мы процитировали их выше. Однако текст, помещенный в «Панораме», оказался еще страшнее. В него было внесено около сорока поправок в сравнении с оригиналом. Одни из них, вроде замены «старика» Гегеля на «божественного» Гегеля, могли быть расценены как стилистические упражнения публикатора, другие же не оставляют сомнений в сознательном искажении, а значит, фальсификации текста. Суть этих искажений — ужесточение мыслей Тольятти в отношении возможной гибели итальянских военнопленных в СССР как условия будущей победы коммунистов.

Политическая бомба взорвалась. Эффект ее воздействия был усилен еще и тем обстоятельством, что в публикации указывалось ложное место хранения оригинала письма — архив «мрачно-пугающего» КГБ СССР. «Лучший», как называли в Италии Тольятти, теперь ассоциировался не только с коммунистами, но и со злоеющим НКВД. В течение последующих двух дней отрывки из письма с еще большими искажениями опубликовали итальянские газеты «Темпо» и «Джорно». Буквально вал комментариев захлестнул

прессу Италии. Письмо поместили практически все ведущие итальянские газеты, оно обсуждалось на телевидении, профессор Андреуччи и директор издательства «Понте алле Грацио» Камарлинги провели в Риме шумевшую пресс-конференцию, Президент Италии Коссига объявил о намерении отправить в Москву трех специалистов для проведения особой экспертизы, поскольку сомнения в подлинности письма начали высказываться сразу же после первой публикации.

Уже фотокопии отрывка письма, помещенные в «Панораме» и «Темпо», обнаружили две графические версии письма Тольятти. Однако решающий момент в разоблачении подлога оказался связанным не с этим наблюдением. После того как волна от «взрыва» в Италии письма Тольятти докатилась до России, стало ясно, что необходимо предпринимать какие-то меры. Нам удалось оперативно передать в Италию еще одну ксерокопию автографа тольяттинского письма, которая тотчас с конкретным указанием места хранения была воспроизведена в газетах «Република» и «Стампа». Подлог стал очевидным, и наступило «Ватерлоо» профессора Андреуччи. «Я должен побыть один. Хочу подумать, что говорить», — заявил он журналистам и укрылся в одном из флорентийских пригородов⁷. «Почтим память скончавшегося историка», «Если бы существовал орден историков, следовало бы навсегда вычеркнуть имя Андреуччи из его списков», «Сомнительно, что когда-нибудь рядом с именем Андреуччи будет стоять: "уважаемый профессор"» — такими заголовками и фразами сопровождали итальянские газеты разоблачение Андреуччи.

На первый взгляд, именно недобросовестность профессора возмутила итальянскую общественность. Во всяком случае, именно к этому поначалу попыталась свести все дело коммунистическая и близкая к ней печать и другие средства массовой информации. Тем самым читателей как бы вводили от главного вопроса — смысла размышлений Тольятти, которые, несмотря на существенные искажения, в своей основе приобрели злободневное политическое звучание. Дело в том, что публикация в «Панораме» состоялась всего за неделю до официальной передачи двух тысяч урн с прахом умерших в советском плену итальянцев. В этих условиях содержание письма Тольятти почти пятидесятилетней давности необычайно актуализировалось. На урны с прахом падала тень Тольятти. Но это была не просто тень известного в Италии и мире человека, отказавшегося помочь спасти своих соотечественников. Это была тень Тольятти-коммуниста. Письмо Тольятти, ставшее известным в разгар предвыборной парламентской кампании в Италии, серьезно компрометировало преемницу Итальянской компартии — Демократическую партию левых сил и одного из ее кандидатов, вдову Тольятти Леонильду Йотти. Понятно в связи с этим, почему искажения, допущенные в письме, никак не были связаны с простым несоблюдением элементарных научных требований. В этом была единодушна вся общественность, и не только

LA STAMPA

la vulgata giornalistica offerta al pubblico italiano - anche a costo di offendere la sintassi - la frase diventa questa: «...ms nelle durezze oggi che possono provocare...».

È inevitabile, adesso, risalire a ritroso, ancora una volta, l'intero testo. Forse troverò altre sorprese. Infatti un'altra la trovo. Anche più visibile delle precedenti. Nei testi riferiti dai giornali - per altro tutti identici, con le stesse emodificazioni del testo manoscritto - trovo un altro errore di sintassi.

«Quanto più largamente penetrerà nel popolo - avevo letto nel cosiddetto "testo integrale" pubblicato dalla *Nazione* - la convinzione che aggressione e il destino individualmente preso di tante famiglie è tragico, tanto meglio sarà per l'avvenire d'Italia. Dio mio! Di Togliatti si può dire di tutto, salvo che non sapesse scrivere in buon italiano. E qui qualcosa non funziona. Controllo. E la frase è un'altra, questa: «Quanto più largamente penetrerà nel popolo la convinzione che aggressione contro altri Paesi significa rovina e morte per il proprio, significa rovina e morte per ogni cittadino individualmente preso, tanto meglio sarà per l'avvenire d'Italia».

Il lavoro sinottico è finito. Restano i dubbi: chi e perché ha scortretto il Migliore?

Giulietto Chiesa

LA VERSIONE SBAGLIATA

Ecco a confronto i due testi della lettera di Togliatti. Qui sotto quella diffusa in Italia, a destra quella autentica. In nero frasi e parole che non concordano.

Il fatto che per migliaia e migliaia di famiglie la guerra di Mussolini, e soprattutto la spedizione contro la Russia, si concludano con una tragedia, con un lutto personale, è il migliore, è il più efficace degli antidoti. Quanto più largamente penetrerà nel popolo la convinzione che aggressione e il destino individualmente preso di tante famiglie è tragico, tanto meglio sarà per l'avvenire d'Italia. I massacri di Do... (illeggibile) e di Adua furono uno dei frami più forti allo sviluppo dell'imperialismo italiano e uno dei più potenti stimoli allo sviluppo del movimento socialista. Dobbiamo ottenere che la distruzione dell'Armata italiana in Russia abbia le stesse funzioni oggi. In fondo, coloro che dicono dei prigionieri, come tu mi riferivi: «Nessuno vi ha chiesto di venir qui, dunque non avete niente da lamentarvisi, dicono una cosa che è profondamente giusta. Perché se è vero che molti dei prigionieri sono venuti qui solo perché mandati. E' difficile, anzi impossibile, distinguere in un popolo chi è responsabile di una politica e chi non lo è, soprattutto quando non si vede una lotta aperta contro la politica delle classi dirigenti. T'ho già detto. Io non sostengo affatto che i prigionieri si debbano assassinare, tanto più che possiamo servirne per ottenere certi risultati in un altro modo, ma nelle durezze oggi che possono provocare la fine di molti di loro non riesco a vedere altro che la concreta espressione di quella giustizia che il vecchio Hegel diceva essere immanente in tutta la storia».

E ora al lavoro.

Tre ipotesi per 12 errori

Le due versioni della lettera di Togliatti a Vincenzo Bianco - quella "cristallata" dallo storico Franco Andreucci, che negli Anni 70 curò con Ernesto Ragionieri l'opera omnia del Migliore, e quella pubblicata oggi da «La Stampa» - differiscono in almeno dodici passaggi nelle ultime trentanove righe del testo originale preso in esame.

Rispetto alla vera lettera di Togliatti, la prima versione presenta omissioni, aggiunte, trascrizioni errate di parole e frasi. Per spiegare questi errori si possono avanzare tre ipotesi.

- 1°) Una cattiva lettura del testo originale dovuta ad una fotocopia scadente.
- 2°) Una trascrizione affrettata, superficiale o peggio alterata della lettera.
- 3°) La traduzione dal russo del testo originale, tradotta in passato dall'italiano a cura dei controllori sovietici di Togliatti.

E QUELLA ORIGINALE

Il fatto che per migliaia e migliaia di famiglie la guerra di Mussolini, e soprattutto la spedizione contro la Russia, si concludano con una tragedia, con un lutto personale, è il migliore, è il più efficace degli antidoti. Quanto più largamente penetrerà nel popolo la convinzione che aggressione contro altri paesi significa rovina e morte per il proprio, significa rovina e morte per ogni cittadino individualmente preso, tanto meglio sarà per l'avvenire d'Italia. I massacri di Dogali e di Adua furono uno dei frami più potenti allo sviluppo dell'imperialismo italiano e uno dei più potenti stimoli allo sviluppo del movimento socialista. Dobbiamo ottenere che la distruzione dell'Armata italiana in Russia abbia le stesse funzioni oggi. In fondo, coloro che dicono dei prigionieri, come tu mi riferivi: «Nessuno vi ha chiesto di venir qui, dunque non avete niente da lamentarvisi, dicono una cosa che è profondamente giusta, anche se è vero che molti dei prigionieri sono venuti qui solo perché mandati. E' difficile, anzi impossibile, distinguere in un popolo chi è responsabile di una politica e chi non lo è, soprattutto quando non si vede nel popolo una lotta aperta contro la politica delle classi dirigenti. T'ho già detto. Io non sostengo affatto che i prigionieri si debbano assassinare, tanto più che possiamo servirne per ottenere certi risultati in un altro modo, ma nelle durezze oggi che possono provocare la fine di molti di loro non riesco a vedere altro che la concreta espressione di quella giustizia che il vecchio Hegel diceva essere immanente in tutta la storia».

E ora alle questioni pratiche, di lavoro.

Одно из первых разоблачений фальсификации письма П.Тольятти к В.Бьянко в итальянской газете «La Stampa»: сравнительный анализ оригинала и первой публикации

Италии, но и других стран. «Кое-кто, — писала, например, «Република», — хотел подтасовать правду даже ценой нарушений самых элементарных правил информации и истории, хорошего вкуса и честности... Скандальная журналистская фальсификация — это не просто журналистская ошибка. Это — не случайность, а задуманная и желаемая ложь. Собственноручное исправление с такой легкостью и бесстыдством заставляет предположить, что те, кто действовал, был убежден в полной безнаказанности»⁸.

Так кто же действовал столь бесцеремонно, нагло фальсифицируя текст письма Тольятти?

Уже в откликах на публикации письма комментаторы и непосредственные участники событий выдвинули на этот счет три версии.

Первая версия связывала фальсификацию письма Тольятти с русским дефицитом. Суть ее сводилась к тому, что искажения текста случились по чисто техническим причинам. Рукописный оригинал письма Тольятти написан на узких (шириной не более 12 см) листах бумаги. При изготовлении с него ксерокопии часть текста оказалась плохо пропечатанной (со «съеденным левым полем»), и поэтому при подготовке публикации ее пришлось «домыслить». Опубликованные показания причастных к делу лиц в этом смысле совпадают в рамках общей версии, отличаясь деталями. Фирсов сообщил газете «Република», что ксерокопию для Андреуччи он сделал в собственном кабинете на «непрофессиональном», т.е. портативном, ксероксе. «Посмотрите, — говорил он корреспонденту, — в варианте "Републики" каждый лист оригинала соответствует листу копии, а для Андреуччи я постарался поместить два листа оригинала вместе. — Почему же? — Чтобы сэкономить на бумаге, конечно». «А потом я дал Андреуччи ксерокопию оригинала письма на итальянском языке», — продолжал он. Эту версию подтвердил и Бегаццио. В интервью все той же «Републике» он заявил, что копию «со съеденным левым полем» Андреуччи «сам привез в Италию»⁹. Наконец, вечером 14 февраля 1992 г. по первому каналу государственного телевидения Италии в коротком интервью сам Андреуччи признал себя ответственным за искажения текста письма в связи с его некачественной копией, которой он располагал.

Не будем пока комментировать все эти свидетельства и обратимся ко второй версии. Историк Д.Бока в «Панораме» прямо заявил, что «некая правительственная партия обязала секретные службы выкупить» и «растиражировать» письмо Тольятти¹⁰. В еще более резкой форме это мнение выразил председатель Демократической партии левых сил А.Окетто. По его словам, против партии и итальянской демократии была развязана нечестная кампания. «Чтобы попасть в ДПЛС, надо было целиться в обновление Республики. Это невероятно. Мы требуем ответа, как это могло произойти. Думаю, это происходит тогда, когда к истории применяют

не исторический подход с целью установления истины, а подходят с мерками спецслужб»¹¹.

Третью версию осторожно попыталась внедрить газета ДПЛС «Унита». Уже сам заголовок одной из ее статей — «Фальшивка из Москвы»¹² — локализовал происхождение подлога, а фраза: «В стенах РЦХИДНИ, бывшего ИМЛ, началась "операция Тольятти": здесь хранится оригинал документа, публикация которого всколыхнула всю Италию, и отсюда надо исходить, чтобы понять смысл политической кампании» — должна была прямо указать место изготовления фальшивки. Более того, в данном здесь образе директора РЦХИДНИ, растерянно мятущегося под резким напором честных и прямых вопросов корреспондента, цинично требующего деньги или технику за документы, легко просматривалось и одно из лиц, причастных к подлогу.

Поскольку в этой заметке прямо затрагивалась честь архива, мы решили действовать. В актовЫй зал архива было приглашено около 50 аккредитованных иностранных журналистов, и в течение почти трех часов нам пришлось объяснять все обстоятельства, связанные с появлением публикации.

Имеется машинописная расшифровка магнитофонной записи пресс-конференции¹³. Она говорит о том, что обе участвовавшие в ней стороны, пытаясь разобраться в истории с письмом Тольятти, так и не смогли постичь многие очень важные детали, остающиеся неясными и до сих пор. Корреспондентка «Известий» Э.М.Максимова в заметке о пресс-конференции расценила событие как следствие «архивного пиратства» со стороны Андреуччи¹⁴. Отчаявшись в своих попытках доказать прежде всего итальянским журналистам непричастность к подлогу РЦХИДНИ, автор книги был вынужден обратиться с просьбой прислать все итальянские публикации, связанные с письмом Тольятти, и даже предложил создать некую международную комиссию, которая смогла бы изучить все обстоятельства дела. Идея создания комиссии впоследствии умерла сама собой, поскольку очень быстро исчерпала себя злободневность темы. Что же касается материалов итальянской прессы, то любезная предупредительность итальянцев оказалась сверх всяких мыслимых ожиданий: уже в начале апреля архив имел абсолютно полную подборку прессы, которая, увы, лишь констатировала и интерпретировала на свой лад уже известные факты.

И все же ясность и искренность ответов на многочисленные вопросы журналистов помогли снять с РЦХИДНИ тень подозрений. Во всяком случае, третья версия умерла, не получив дальнейшего развития. Сейчас, по прошествии нескольких лет, когда стерлись из памяти многие детали, но зато прояснился общий план и ход событий, по-прежнему многое, в том числе главное — кто и как совершил подлог, остается неясным. И все-таки открывается больше простора для размышлений.

Еще раз крупным планом посмотрим на события. Первые публикации фальсифицированного текста письма Тольятти вызвали

шок у итальянцев. По свидетельству итальянской прессы, даже друзья Андреуччи после этого заболели, перестали выходить на улицу, пересматривая свои взгляды на прошлое. Левым силам был нанесен мощнейший и неожиданный удар. Прошло несколько дней, прежде чем выяснилось, что текст письма искажен. Искажен в сторону усиления «негуманного» образа Тольятти, но не настолько, чтобы говорить о кардинальном изменении подлинных мыслей автора и его позиций в отношении судеб пленных соотечественников. Однако левые силы ловко использовали сам факт искажений и попытались извлечь максимум политических дивидендов от раны, нанесенной противниками выстрелом в их прошлое. Они начали активную кампанию разоблачения подлога, закрывая ею сам дух и идеи подлинного письма Тольятти.

Что оставалось делать в этой ситуации их противникам? Выстрел письмом был сделан, но враг быстро оправился и перешел в хорошем темпе в наступление. Нужно было отступать. Версия о техническом браке при копировании оригинала письма Тольятти и легкомыслии Андреуччи позволяла более или менее достойно выйти из сражения. Андреуччи был принесен в жертву вымученного отступления, профессор пошел (или был вынужден по каким-то причинам пойти) на самопожертвование. Политика, как свидетельствует письмо Тольятти, была грязным делом в прошлом. Судьба того же письма в наши дни убеждает лишний раз в том, что за десятилетия политика не стала чище и не утратила атрибутов изощренности. Слава историку, способному пусть через годы, но все же донести современникам и потомкам всю мерзость и бесчестность политических интриг.

* * *

Случай с письмом Тольятти, конечно же, не прибавил славы РЦХИДНИ. Впрочем, он скоро был стерт событиями более впечатляющими, связанными уже с внутривнутриполитическими обстоятельствами. Разворачивался процесс в Конституционном суде по так называемому «делу КПСС». Президентская команда со всей серьезностью подошла к подготовке этого процесса. Идея о том, что партия являлась государственной и даже надгосударственной структурой, требовала историко-документального подтверждения, которое в изобилии имелось в архивах. Распоряжением Президента России была создана Специальная комиссия по архивам, в состав которой вошли представители МИД, МБ, МВД, других ведомств, в том числе и Росархива. На Росархив, который в комиссии представляли Р.Г.Пихоя и автор книги, была возложена задача организационного и документационного обеспечения деятельности Комиссии.

Возглавил комиссию один из тогдашних вице-премьеров М.Н.Полторанин, предложивший довольно жесткий режим работы по выявлению, рассекречиванию и копированию документов, а

также весьма своеобразные критерии рассекречивания и процедуру доступа к рассекреченным материалам широкой общественности. Ни автор книги, ни Пихоя не были согласны во многом с тем, что предлагал делать Полторанин, но в то время в правительстве именно он курировал архивы, а, следовательно, мы были его прямыми подчиненными.

После того как рассекреченные секретные и совершенно секретные, а также особой важности архивные документы стали появляться на страницах печати, в стенах Росархива начал мелькать почти всегда нетрезвый бывший диссидент А.Буковский. Вел этот человек себя довольно высокомерно¹⁵, однако именно он поставил перед Специальной комиссией задачу выявления и рассекречивания архивных материалов по истории инакомыслия в СССР.

Это была благородная и сравнительно с другими легко решаемая проблема. Нам открывалась изодренная и мерзкая картина преследования тех, кто в разные годы сумел найти силы и мужество, чтобы говорить правду о нашей истории и современности. Сотни документов были рассмотрены комиссией и стали достоянием общественности. Буковский был одним из первых читателей. Скоро он вооружился сканнером и в течение нескольких дней копировал рассекреченные материалы. 22 июля 1992 г. в комиссию была представлена очередная порция документов для рассекречивания, связанная в основном с так называемым «делом Синявского и Даниэля», известных советских литераторов середины 60-х годов, осужденных после того, как КГБ СССР установил, что один из них — Андрей Синявский — публиковал на Западе повести и рассказы под псевдонимом «Абрам Терц». Синявский был осужден на семь лет лагерей, отсидел большую часть срока, затем был помилован и уехал в Париж, где вместе со своей женой, известным литературоведом М.В.Розановой, основал журнал «Синтаксис».

Рассекречивание шло легко и спокойно, поскольку ни один из документов не содержал каких-либо признаков государственных секретов. Однако внимание автора книги привлек документ, подписанный председателем КГБ СССР Ю.В.Андроповым и датированный 26 февраля 1973 г., за номером 409-А. Андропов докладывал в ЦК КПСС о том, что КГБ СССР проводится работа «по оказанию положительного влияния на досрочно освобожденного из мест лишения свободы» Синявского. Принятыми мерами, сообщал Андропов, удалось скомпрометировать имя Синявского в глазах творческой интеллигенции, в том числе с помощью слухов о его связях с органами КГБ СССР, а через его жену «удалось в выгодном нам плане воздействовать на позиции отбывших наказание Даниэля и Гинзбурга, в результате чего они не предпринимают попыток активно участвовать в так называемом «"демократическом движении"», уклоняются от контактов с группой Якира».

Документ производил странное впечатление. КГБ СССР ходатайствовало перед ЦК КПСС о разрешении Синявскому вместе с семьей выехать на три года во Францию. Не признавая факта со-

трудничества Синявского с КГБ СССР, Андропов сообщал, что в кругах творческой интеллигенции слухи об этом имеются в соответствии с «принятыми мерами». Осознавая, каким может быть резонанс от рассекречивания письма Андропова, автор книги предложил комиссии сохранить имевшийся на нем гриф секретности до лучших времен. Комиссия с этим согласилась.

Однако уже спустя месяц в кабинете автора появилась взволнованно-настороженная Розанова. В ее руках имелась ксерокопия нерассекреченной записки Андропова, представляющая ее сокращенный вариант. Розанова сообщила, что на Западе широко распространяется эта ксерокопия. Она ждала объяснений, которых автор книги в полном объеме ей дать не имел права. В самом деле, в руках Розановой находился доклад КГБ СССР в ЦК КПСС за подлинным номером и с подлинным содержанием, хотя и не с полным текстом. С другой стороны, автор не мог сообщить, что этот доклад рассматривался комиссией и не был рассекречен. Оставалось одно: заявить, что в руках Розановой находится фальшивка.

На этом мы и расстались, вполне, как мне кажется, удовлетворенные состоявшимся разговором.

Увы, события продолжали развиваться дальше. Осенью 1992 г. вместе с Пихоей я был вынужден снова принимать Розанову, теперь уже вместе с Синявским. К этому времени в израильской газете «Вести» на целый разворот под рубрикой «Вчера тайное — сегодня явное» была помещена статья М.Хейфеца «Новые грехи старого Абрама. Андрей Синявский как агент КГБ»¹⁶. Это был приговор, т.к. в конце статьи фигурировала фотокопия злосчастного документа за номером 409-А в его сокращенной редакции. В нем были опущены две очень важные части текста. В первой говорилось: «Вместе с тем известно, что Синявский, в целом следуя нашим рекомендациям, по существу, остается на прежних идеалистических позициях, не принимая марксистско-ленинские принципы в вопросах литературы и искусства, вследствие чего его новые произведения не могут быть изданы в Советском Союзе.

Различные буржуазные издательства стремятся использовать это обстоятельство, предлагая свои услуги для публикации работ Синявского, что вновь может привести к созданию нездоровой атмосферы вокруг его имени».

Во втором изъятom отрывке, касаясь предложения не препятствовать выезду Синявского из СССР, Андропов писал: «Положительное решение этого вопроса снизило бы вероятность вовлечения Синявского в новую антисоветскую кампанию, так как лишило бы его положения "внутреннего эмигранта", оторвало бы от творческой среды и поставило бы в конечном счете Синявского в ряд писателей "зарубежья", потерявших общественное звучание».

У нас не было никакого желания постигать мотивы внутриэмигрантской «разборки», продемонстрированной в этой статье. Но Синявский и Розанова были последовательны в своем требовании получить официальное заключение по существу опубликованного

документа. Экспертиза не требовала больших усилий и интеллекта. Уже через час мы передали гостям докладную записку, подписанную секретарем Специальной комиссии по архивам при Президенте Российской Федерации Н.А.Кривовой. С ее любезного разрешения процитируем часть текста, чтобы читателю все стало ясно. «Указанный документ, — писала Н.А.Кривова, — является подделкой, выполненной с помощью ксерокса, и представляет собой сокращенный вариант подлинной записки номер 409-А от 26.02.73. Из копии подлинного текста вырезаны угловой штамп бланка КГБ, штамп общего отдела ЦК КПСС, первый, второй, третий, шестой, седьмой, девятый абзацы, подпись, вырезки склеены и отсняты на ксероксе. На ксерокопии явно видны следы склеивания и неровности, оставленные при разрезании.

Подлинная записка номер 409-А от 26.02.73 хранится в фондах Архива Президента Российской Федерации. Документ был представлен в Специальную комиссию по архивам при Президенте Российской Федерации для рассекречивания. Специальная комиссия приняла решение сохранить гриф секретности (Протокол номер 14 от 22.07.92)»¹⁷.

Рассказанный случай на первый взгляд может показаться некорректным. В самом деле, неизвестный фальсификатор всего-навсего сократил текст, исключив из него те части, которые свидетельствовали о непричастности Синявского к сотрудничеству с КГБ СССР. Однако можно было бы в таком случае не считать это подлогом только при одном условии: когда существовало бы указание на эту изъятую часть. Поскольку же такого указания не имелось, читателям был предложен никогда не существовавший документ, т.е. подлог, намекавший на связи Синявского с КГБ СССР. Ясно, для чего это было сделано. И точно так же можно догадываться и о том, кто это сделал. Текст, опубликованный в израильских «Вестях», по словам их редактора Э.Кузнецова, был получен им от известного писателя, в прошлом диссидента, В.Максимова. Когда Розанова стала проводить расследование сама, выяснилось, что этот текст был передан Максимова Буковским. Уже после того как стал очевиден его фальсифицированный характер, темпераментная и отчаянно-бескомпромиссная журналистка газеты «Московские новости» Н.Геворкян решила провести собственное расследование. процитируем заключительные слова ее рассказа о заключениях письма Андропова. «Из всех фамилий, фигурировавших выше, один человек стопроцентно читал подлинник в президентском архиве. "Так я ознакомился в архиве с кучей документов, касающихся правозащитного движения. Среди них бумаги о хельсинских группах и о судах над членами этих групп, много документов по делу Щаранского, по делу Синявского и Даниэля, в частности о досрочном освобождении Синявского и обстоятельствах его выезда за рубеж. Надеюсь, все это со временем будет опубликовано..." Владимир Буковский, "Русская мысль" от 31 июля 1992 г.

Я предприняла несколько безрезультатных попыток дозвониться Буковскому в Кембридж. Так или иначе он находится где-то в начале цепочки людей, державших в руках подлинник. Поскольку образ колдующего над ксероксом "липача" несовместим в моем сознании с образом Буковского, то мне было интересно выслушать его версию появления в прессе укороченного варианта записки Андропова... Противно думать, что кто-либо из уважаемых людей причастен к этой некрасивости»¹⁸. И она была, видимо, права.

* * *

С работой Специальной комиссии по архивам при Президенте России связана и еще одна фальшивка. 10 февраля 1993 г. газета Санкт-Петербургского союза журналистов «Час пик» опубликовала сенсационный документ о захоронении в акватории Балтийского моря химических боеприпасов. В предисловии к публикации говорилось: «Тайное всегда становится явным. С пеной у рта доказывали министры и генералы, что СССР затопил у Борнхольма и Лиепай трофейные ОВ* лишь в 1947 г. Но экспедиция по программе "Экобарос", разработанной петербургской ассоциацией "Океанотехника", одобренная всеми министерствами российского правительства, была заморожена академиком Кунцевичем... Тем самым академиком-генералом химических войск, получившим Ленинскую премию за разработку нового бинарного оружия из рук лауреата Нобелевской премии мира М.Горбачева, в бытность последнего Президентом СССР... Программу "Экобарос" Кунцевич потому и затормозил, что результатом обследований затоплений стал бы международный скандал — поверх немецких бомб и контейнеров обнаружались бы советские, с более смертоносными ОВ. Из документа, который мы публикуем ниже, ясно, что военно-промышленный комплекс СССР собирался провести новые, еще более масштабные затопления в 1989—1990 годах»¹⁹.

Документ был озаглавлен «Справка к записке тов. Зайкова Л.И.», имел гриф «Совершенно секретно», визу с подписью Зайкова, тогдашнего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС, рукописную резолюцию неизвестного чиновника «Вернуть в общ[ий] отд[ел]», номер (рп-12/66) а также реквизиты исполнителя (Архипов Д.С.) и авторов — заведующего организационным отделом ЦК КПСС В.Майданникова и заместителя заведующего отделом оборонной работы ЦК КПСС И.Письменника.

«Справка» датирована 19 октября 1989 г. В ней содержались видовые и качественные параметры затопленного в 1945—1978 гг. в акватории Балтийского моря химического оружия СССР, координаты точек затопления, а также предлагалось провести дополнительные захоронения устаревших химических боеприпасов выпус-

---

* Отравляющие вещества.

Сов. секретно

ВН-12/66

Справка к записке тов. Зайкова Л.И.

С 1946 по 1978 г.г. в акватории Балтийского моря силами частей и подразделений КБФ затоплено 356 872 тонны химических боеприпасов и контейнеров с химическими веществами. В том числе:

- 408 565 снарядов калибром 75 и 150 мм, снаряженных ипритом,
- 71 469 авиабомб весом 250 кг., снаряженных ипритом,
- 17 543 авиабомбы, снаряженные адамситом и арсенилом,
- 1564 контейнера весом в 1500 кг., загруженных ипритом,
- 10 420 химических мин калибром 100 мм,
- 7 295 бочек с химическими гранатами,
- 7 860 бочек с газом "Циклон",
- 189 000 кг. цианистой соли.

Затопление боеприпасов производилось на глубине от 100 до 150 метров в двух основных точках - 70 км от базы ВМФ в Лиенае, а также в районе о-ва Бархольм. Точные координаты точек затопления нанесены на навигационные карты ВМФ, утвержденные к применению приказом Главкома ВМФ от 12.07.1985 г. Учитывая прогноз специалистов Главного управления кораблеводства и вооружения ВМФ, НПО-4 "Тайфун" Госкомгидромета СССР, составленной штабом: на карте затоплений химоружия и анализ образцов, поднятых в 1983-1984 г.г., считаю целесообразным провести дополнительные захоронения устаревших химбоеприпасов выпуска 1954-1962 г.г. в точках старых затоплений в течении 1989-90 г.г. Общий вес боеприпасов, подлежащих утилизации - 112 523 тонны. Захоронение предлагается осуществить силами кораблей Калининградской и Лиенпайской баз ВМФ.

«Оригинал» «Справки к записке» Л.И.Зайкова о захоронении химического оружия и ее публикация в газете «Час пик»

Сов. секретно
рп-12/66

Справка к записке тов. Зайкова Л. Н.

С 1946 по 1978 г. в акватории Балтийского моря силами частей и подразделений КБФ затоплено 356 872 тонны химических боеприпасов и контейнеров с химическими веществами. В том числе:

- 408 565 снарядов калибром 75 и 150 мм, снаряженных ипритом,
- 71 459 авиабомб весом 250 кг, снаряженных ипритом,
- 17 543 авиабомбы, снаряженные адамситом и арсенидом,
- 1564 контейнера весом в 1500 кг, загруженных ипритом,
- 10 420 химических мин калибром 100 мм,
- 7295 бочек с химическими гранатами,
- 7860 бочек с газом "Циклон",
- 189 000 кг цианистой соли.

Затопление боеприпасов производилось на глубине от 100 до 150 метров в двух основных точках — 70 км от базы ВМФ в Лиепае, а также в районе о-ва Борнхольм. Точные координаты точек затопления нанесены на навигационные карты ВМФ, утвержденные к использованию приказом Главкома ВМФ от 12.07.1985 г. Учитывая прогноз специалистов Главного управления кораблевождения и вооружения ВМФ, НПО-4 "Тайфун" Госкомгидромета СССР, составленной штабом КБФ карте затоплений химоружия и анализ образцов, поднятых в 1983 — 1984 гг., считаю целесообразным провести дополнительные захоронения устаревших химбоеприпасов выпуска 1954 — 1962 гг. в точках старых затоплений в течение 1989 — 1990 гг. Общий вес боеприпасов, подлежащих утилизации, — 112 523 тонны. Захоронение предполагается осуществить силами кораблей Калининградской и Лиепайской баз ВМФ. Также считаю целесообразным поручить командованию войск химической защиты провести проверку состояния боеприпасов, контейнеров и хранилищ боевых отравляющих веществ, находящихся на вооружении частей и подразделений войск химической защиты и Гражданской обороны. Ответственным назначить тов. Кунцевича А. Д. Подготовить корабли и суда сопровождения Калининградской базы ВМФ для проверки режима плавания и судоходства в районах захоронения химических боеприпасов.

Подготовить справку-план захоронения химических веществ и боеприпасов в акватории Балтийского моря для доклада на Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза не позднее 14.11.1989 г.

Заведующий организационным отделом
ЦК КПСС В. Майданников

Зам. заведующего отделом оборонной работы ЦК КПСС

И. Письменный

19 октября 1989 г.

3 экз.

Исп. Архипова Д. С.

ка 1954—1962 гг. в количестве 112523 тонн. Ответственным за всю операцию или ее часть в «Справке» предлагалось назначить А.Д.Кунцевича.

К моменту публикации «Справки» российского и зарубежного читателя уже трудно было удивить сенсационными материалами из российских архивов. Финансовые дела КПСС, поддержка международного терроризма, организация репрессий, депортаций народов, атомные катастрофы, подмена партией государственных структур, события в Тбилиси, Вильнюсе — это лишь малая толика тем, получивших тогда освещение в печати на основе архивных документов. На этом фоне «Справка» воспринималась как вполне достоверный и подлинный документ, прочитав который оставалось лишь вздохнуть в очередной раз, сокрушаясь над всемогуществом и злой волей военно-промышленного комплекса СССР.

Однако не так думала прокуратура. Публикация повлекла за собой возбуждение уголовного дела, а ксерокопия «Справки» в официальном порядке была направлена в Росархив на экспертизу.

Экспертизу проводили опытные сотрудники бывшего архива Общего отдела ЦК КПСС, много лет имевшие дело с документами, создававшимися в ЦК КПСС, и хорошо знакомые с порядком ведения делопроизводства. Уже 23 февраля 1993 г. ими был подготовлен акт делопроизводственной экспертизы «Справки», безусловно доказавшей ее фальсифицированный характер²⁰. Согласно акту, фальсификатор допустил, по меньшей мере, семь ошибок, изготовляя подлог. Во-первых, в соответствии с содержанием документа должен был иметь высший гриф секретности — «Особая папка», а не «Совершенно секретно». Во-вторых, в делопроизводстве ЦК КПСС никогда не применялся делопроизводственный номер, подобный имеющемуся в «Справке». В-третьих, формула «Справка к записке» никогда в делопроизводстве аппарата ЦК КПСС не использовалась. В-четвертых, оказались недостоверными обозначения должностей и подписи. В 1989 г. в ЦК КПСС не было «организационного» отдела и «отдела оборонной работы», а имелись соответственно Отдел партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС и Оборонный отдел ЦК КПСС. В названных отделах и вообще в аппарате ЦК КПСС в 1989 г. ни Майданников, ни Письменник не работали. В-пятых, содержание опубликованного документа не соответствовало данному ему заголовку, поскольку в таком случае с ним должны были ознакомиться секретари ЦК КПСС, а значит, должен был, согласно правилам ЦК КПСС, стоять адресат — «ЦК КПСС». В-шестых, фальсифицируя документ, автор (или авторы) оказался невнимательным: в тексте дважды проскочило «считаю нецелесообразным», тогда как под документом имеются подписи руководителей двух отделов. В-седьмых, одна из фраз документа: «Подготовить справку-план... для доклада на Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза...» совершенно не соответствовала ни делопроизводственной практике ЦК КПСС, ни устоявшимся в ней фор-

мулам: «справки-плана» как вида документа просто не существовало, так же как и раскрытой аббревиатуры ЦК КПСС.

Немудрящая фальсификация была разоблачена сравнительно быстро. Был понятен ее гуманистический пафос — предупреждение крупной экологической катастрофы, как когда-то говорили, «нагнетанием страстей».

Три вроде бы немудреных подлога исторических документов возникли уже в наше время. Невольно закрадывается сомнение: всего лишь три или только три? Страсть к фальсификациям исторических источников — явление не только давнее, как и, скажем, письменность. Оказывается, она и постоянна. Увы, это не только человеческая непорядочность, не только человеческая слабость, какие бы высокие цели ни преследовали фальсификаторы. Это — порок, нравственный, политический, социальный.

Глава 14.

От злоключений к выводам

В заключительной главе нашей книги мы попытаемся подвести итоги и сформулировать выводы двух уровней. Первый из них — описательный, связанный с конкретным материалом данной книги. Второй — теоретический, обобщающий наблюдения над историей фальсификаций исторических источников за почти три последних столетия российской истории.

Двадцатое столетие дало новый импульс фальсификациям источников по российской истории. «Дневник Вырубовой» как бы задал общий тон большинству таких подлогов — их преимущественно политической направленности. Значительная часть фальсификаций в XX в. оказалась посвящена исторически значимым событиям и лицам. Семья последнего российского императора и ее судьба, Октябрьская революция и ее лидеры, коммунистическое движение и внешняя политика СССР, августовские события 1991 г. и «форосское заточение» М.С.Горбачева — таков лишь небольшой перечень событий и лиц, с которыми в той или иной степени оказались связаны подлоги исторических источников в это время. В русле общих политических устремлений различных общественных сил находились и фальсификации, связанные с древнерусской историей: за ними скрывались и поиски общественных идеалов, и желание по-своему отреагировать на определенные зигзаги политического и идеологического курса советского руководства.

Двадцатый век с присущим ему размахом «озвучивал» подлоги исторических источников в средствах массовой информации. Их изготовление и бытование все больше и больше становились делом интернациональным. В разных странах на разных языках фантастическая международная популярность ожидала «Дневник Вырубовой», «письмо Зиновьева», «Влесову книгу», сфальсифицированные документы об убийстве императорской семьи и др. Подчас не только вера или убежденность в подлинности этих и других подлогов, а политическая целесообразность заставляли «оборонять» их от выступлений критиков или делать все, чтобы умолчать об этих выступлениях. Эта же политическая целесообразность стимулировала изготовление подлогов в кругах российской эмиграции — одно из новых явлений в истории фальсификаций исторических источников по российской истории в XX столетии. В этом тоже, впрочем, не было ничего необычного. Два мира холодно и враждебно смотрели исподлобья друг на друга, подогревая свою ненависть любыми средствами.

Но и внутренние российские процессы создавали почву для подлогов исторических источников. Примечательно, что многие из них имели определенный диапазон, заданный официальной идеологией. Трудно, просто невозможно представить, чтобы Шергин на рубеже 40—50-х годов пошел на подлог исторического источника, который бы, например, свидетельствовал о приоритете скандинавов в освоении Крайнего Севера: его не просто бы немедленно разоблачили как фальсификатора, не просто не поняли бы как патриота, но и применили бы, вероятно, более соответствующие времени средства наказания. Точно так же удивительной, но вполне понятной заданностью отличались и фальсификации Раменского: они точно реагировали на существовавшие в обществе идеалы, а сам он старательно и не без успеха отслеживал все изменения в таких идеалах.

Удивительно, но почти трехсотлетняя история подлогов письменных источников по истории России оказалась на редкость однообразной. Вместе с изменением носителей информации и способов ее закрепления изменялись темы и техника изготовления подлогов. Ксерокс, факс, компьютер сегодня стали обычными орудиями в руках фальсификаторов. Вместе с ростом многообразия подлинных документов расширялся видовой состав подложных исторических источников: появлялись поддельные дневники, мемуары, протоколы и т.д. Средства массовой информации сегодня способны более оперативно, масштабно и назойливо обеспечить подчас скандальное бытование подлогов, эффектно манипулируя с их помощью общественным мнением. Нет никаких сомнений в том, что на определенном этапе подлоги исторических источников стали сферой активного приложения усилий специальных государственных служб. Стало все сложнее «вычислять» их авторов. И все же в целом типология подлогов, механизмы их изготовления и бытования были постоянны, ибо *остается неизменной природа обмана*.

Совокупность изученного материала позволяет нам выделить две своеобразные *формулы фальсификации исторических источников*. Первая формула подлога условно может быть названа *формулой целодостижения*. Она говорит о том, что не существует ни одного подлога исторического источника, автор которого при его изготовлении не преследовал бы каких-либо целей, интересов. Формула может быть выражена следующим образом: автор (инициатор) подлога + изделие-подлог = цели (интересу) подлога. Вторая формула подлога может быть названа *формулой фазирования*. Она показывает, что имеются отдельные, более или менее определяемые моменты в существовании подлогов, характеризующие их развитие как неких общественно значимых явлений. Эта формула может быть представлена в следующем виде: возникновение (инициирование) идеи подлога + изготовление подлога + легализация подлога = бытованию подлога. Первая формула характеризует процесс создания подлога, вторая — его «идеологию» и бытование.

Приведенные формулы дают нам возможность предложить некую типологию фальсификаций исторических источников, характеризующую основные черты этого явления на российском материале.

По характеру возникновения можно выделить подлоги *наведенные* и *очарованные*. *Наведенный подлог* — подлог, заказанный автору фальсификации лицом или группой лиц, организацией. Типичными примерами наведенных подлогов являются изготовленные по указанию Петра I «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Требник митрополита Феогноста», сфальсифицированное по заказу британских политиков «письмо Зиновьева». *Очарованный подлог* — подлог, созданный по инициативе самого его изготовителя. Примерами подобного рода подлогов можно считать изделия Минаева, Сулакадзева, Раменского, Миролюбова. Каждый из этих фальсификаторов, изобретая свои изделия, преследовал вполне конкретные интересы: Сулакадзев удовлетворял свою неумную фантазию, Раменский искал общественного признания, Минаев и Миролюбов подлогами пытались доказать истинность своих историко-литературных концепций.

По способам представления (легализации) подлогов можно выделить фальсификации бинарные, осколочные и кассетные. *Бинарный подлог* представляет собой соединение сфальсифицированного текста и его носителя. Типичными примерами подобных подлогов являются «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Мемуары старицы Марии Одоевской», представляющие собой образцы фальсификации содержания, почерка и носителя. *Осколочный подлог* — фальсификация или текста, или носителя исторического источника. К такого рода подлогам можно отнести изделия Бардина, представляющие собой тексты подлинных исторических источников на сфальсифицированных пергаменных и бумажных рукописях, сфальсифицированные Головиным грамоты с подложными носителями подлинных текстов, «Рукопись профессора Дабелова», «Дипломатические донесения Гримовского», известные только в виде печатного текста. *Кассетный подлог* — совокупность серии самостоятельных подлогов, объединенных тематически или в виде одного общего документа. Примерами подобного рода подлогов являются: «Дневник Вырубовой», включивший наряду с подлинными источниками массу подложных, например, писем; «Акт» обследования библиотеки Раменских, содержащий серию фальсифицированных материалов, в том числе писем, дарственных надписей на книгах и др.

По технике изготовления выделяются подлоги мимикрирующие, скальпированные и скалькированные. *Мимикрирующий подлог* — фальсификация, изготовленная в подражание внешним и внутренним особенностям подлинного исторического источника. К их числу относятся, например, «Требник митрополита Феогноста», «Постановления Политбюро ВКП(б)», «Дневник Вырубовой» и др. *Скальпированный подлог* — фальсификация, представляющая

собой исключение части текста подлинного исторического источника путем его подчистки, замазывания, вырезания и т.д. Примером скальпированного подлога можно считать «письмо Андропова» в ЦК КПСС об Андрее Синявском. *Скальпированный подлог* — фальсификация, основанная на перенесении текста подложного источника в текст подлинного источника, в том числе с помощью подделки почерка. В числе такого рода подделок — запись о Крякутном в тетради Сулакадзева «О воздушном летании», многочисленные поправки Сулакадзева в текстах подлинных рукописей, вымышленные приписки Бардина на сфальсифицированных им рукописях, содержащих подлинные тексты исторических источников.

По способам камуфлирования подлогов можно выделить фальсификации легендированные и нелегендированные. Для *легендированного подлога* характерно наличие подробных или кратких сведений о бытовании фальсификаций до легализации. Такими легендами были снабжены, например, публикации «Песни Мстиславу», «Сказания о Руси и о вешем Олеге», «Влесовой книги», «Дневника Вырубовой», вообще — большинство известных нам подлогов. *Нелегендированный подлог* не имеет сколько-нибудь ясных указаний на его бытование до легализации. Типичным, хотя и достаточно редким, примером нелегендированного подлога является публикация «речи» Екатерины II о секуляризации церковного имущества, в которой отсутствует даже малейший намек на источник ее получения издателем.

По способам легализации можно выделить подлоги текстовые, натурно-демонстрационные и комбинированные. Для *текстовых подлогов* характерно воспроизведение исключительно текстов в виде их публикации или в форме рукописных списков более позднего, чем следовало бы ожидать, происхождения. Таковыми оказались «Прутское письмо» Петра I, «Дипломатические донесения Гримовского», ряд изделий Раменского, представленных в виде машинописных копий. *Натурно-демонстрационный подлог* обладает набором максимально возможных внешних элементов «подлинного» исторического источника. Типичным примером такого подлога является «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Влесова книга».

По приемам введения в общественный оборот выделяются подлоги авангардные, арьергардные и конвойные. Для *авангардных фальсификаций* характерна открытая причастность авторов подлогов к их легализации. В числе таких подлогов — некоторые изделия Бардина и Сулакадзева, «Сказание о Руси и о вешем Олеге», подлоги Раменского. В *арьергардных подлогах* их авторы используют при легализации промежуточные звенья — лицо или группу лиц, не имевших к изготовлению подлогов прямого отношения. Примерами арьергардных подлогов являются «письмо Зиновьева», легализованное разом несколькими английскими газетами, имперское «завещание» Петра I. Для *конвойных подлогов* ха-

рактерно включение фальсификаций при их легализации в состав подлинных исторических источников, которые как бы «охраняют» подлоги. В качестве примера конвойных подлогов укажем на фальсификации Сахарова русских народных загадок и «Сказки об Анкудине».

По способам или характеру общественной реакции на подлоги можно выделить фальсификации двух типов: разоблаченные и реанимационные. *Разоблаченный тип подлогов* — подлоги, фальсифицированный характер которых установлен однозначно и которые исчезли как предмет сколько-нибудь дискуссионного обсуждения. *Реанимационный тип подлогов* — это фальсификации, упрямо актуализирующиеся в тот или иной период своего бытования в качестве «подлинных» исторических источников.

Разоблаченный тип подлогов, в свою очередь, представлен двумя видами: подлогами афронтационными и подлогами аннигиляционными. *Афронтационный подлог* — фальсификация, разоблаченная сразу же после ее легализации. Классический пример афронтационного подлога — «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», разоблаченное практически сразу же после легализации. *Аннигиляционный подлог* — фальсификация, доказанная много позже ее легализации. Примером аннигиляционного подлога является «Рукопись профессора Дабелова», многие годы признававшаяся за подлинный исторический источник, затем вызвавшая бурную дискуссию и окончательно разоблаченная как подлог лишь недавно. Все фальсификации Раменского относятся к аннигиляционному виду подлогов: их большая часть несколько лет принималась на веру и лишь в последние годы оказалась разоблаченной.

Подлоги реанимационного типа также подразделяются на несколько видов. *Ударно-взрывной вид реанимационного подлога* характеризует фальсификации, в отношении которых после легализации возникают резко полярные точки зрения об их подлинности и достоверности, часто основывающиеся больше на чувстве, чем на разуме. Примерами таких подлогов можно считать «Влесову книгу», легализация которой вызвала противоположные реакции, или «письмо» Еремина о Сталине — «агенте охранки». *Аффазивный вид реанимационного подлога* примечателен отсутствием уверенного суждения о его подлинности и воздержанием в дальнейшем от оценок со стороны специалистов. Примером этого вида подлогов можно считать «Сказание о Руси и вещем Олеге» Минаева, привлекшее внимание фактически спустя более чем сто лет после легализации. Для *инверсионных подлогов реанимационного типа* примечательно время от времени краткосрочное бытование представлений о подлоге как о подлинном историческом источнике, несмотря на давно состоявшееся его разоблачение. Типичными примерами такого вида подлогов являются «Дипломатические донесения Гримовского», «Протоколы Сионских мудрецов».

Изученный нами фактический материал позволяет хотя и с рядом оговорок, но все же выявить некоторые закономерности из-

готовления и бытования подлогов, а также их разоблачения. Назовем несколько таких наиболее очевидных закономерностей.

Фальсификатор всегда заинтересован *в публичности* своего изделия. Преследуя определенную цель, он страстно желает быть очевидцем и участником ее достижения. Иначе для него теряет смысл весь процесс «творчества». Об этом свидетельствует подавляющее большинство всех рассмотренных нами подлогов исторических источников.

Легализация подлога близка по времени к моменту его *изготовления*. Можно даже сказать, что она фактически в большинстве разобранных нами случаев почти одновременна с процессом изготовления подлога, а нередко, как, например, с «Влесовой книгой», параллельна, т.е. реально одновременна.

К легализации подлога всегда в той или иной степени бывает *причастен его автор*. Он может промелькнуть как владелец, первооткрыватель подложного исторического источника, «случайный очевидец» его «открытия», успевший скопировать такой «источник», наконец, как простой издатель открытого памятника и т.д. Но он, как правило, обозначает свое прямое или косвенное отношение к легализации подлога.

Легализованный подлог в подавляющем большинстве случаев встречает скептическое отношение, либо молчаливое неприятие со стороны специалистов.

Практически никогда не удается сколько-нибудь корректная проверка камуфляжа подлога: его авторы именно здесь проявляют изобретательность, исключаящую возможность установления действительных фактов бытования подлога до его легализации.

Легендированный подлог в своей основе, как правило, имеет версию, восходящую к чрезвычайным обстоятельствам, связанным с гибелью «оригинала» подлога в результате пожаров, войн, революций и т.д., утратой «оригинала» в результате смерти человека, кражи и проч.

Почти в любом подлоге прослеживается *зависимость его содержания от подлинных исторических источников*. При всех способностях авторов фальсификаций на самые невероятные построения они, с одной стороны, не могут игнорировать наличия реальных фактов прошлого, а с другой — находятся под их подчас неосознанным воздействием. Например, для большинства подлогов древнерусских исторических источников характерно обязательное использование «Слова о полку Игореве», Р.Иванов при фабрикации «Дневника старицы Марии Одоевской» использовал новгородские летописи, актовый материал, «Дневник Вырубовой» включал фактический материал подлинной переписки царской семьи и т.д.

Фальсификатор всегда стремится по возможности *исключить натурно-демонстрационную легализацию подлога*, используя ее только в случае общественного давления. Например, представление на всеобщее обозрение «Соборного деяния на мниха Мартина Армена» являлось не чем иным, как вынужденной реакцией властей

на требование старообрядцев представить подлинник. Точно так же Миролюбов был вынужден пойти на публикацию «фотостатов» «дошечек Изенбека» как одного из «доказательств» подлинности «Влесовой книги».

Объем подлога не является показателем его подлинности. Мы встречаем значительные по объему фальсификации, например, «Соборное деяние на мниха Мартина Арменина», «Дневник старицы Марии Одоевской», «Дневник Вырубовой», «Влесова книга», «Акт» обследования библиотеки и архива Раменских и др., и фальсификации незначительного объема — «Рукопись профессора Дабелова», «Песнь Бояну» Сулакадзева, «письмо Зиновьева» и проч.

Точно так же и «жанр» подлога, т.е. вид документа, под который он представляется, не является показателем его подлинности. Среди фальсификаций имеются подлоги в форме летописей, грамот, литературных сочинений, протоколов, писем, дневников, мемуаров и проч.

Существует прямая взаимосвязь между автором (инициатором) подлога и целью, «интересом», который преследует подлог и который в большинстве случаев может быть установлен. И наведенные, и очарованные фальсификации всегда узко заданы симпатиями, убеждениями, увлечениями их авторов.

Практически все рассмотренные нами подлоги на той или иной стадии своего бытования после легализации вызвали подозрения, как только они попадали в сферу внимания серьезных исследователей, и в конечном итоге оказывались разоблаченными.

Обозначенные закономерности создания, бытования и разоблачения фальсификаций исторических источников дают нам возможность использовать их при выявлении до сих пор не установленных подлогов.

Но, прежде чем изложить некоторые обнаруженные правила такого выявления, выскажем еще несколько общих суждений. Фальсификатор при изготовлении своего изделия всегда исходит из *принципа его максимального правдоподобия*. Однако ему по-разному удаются элементы такого правдоподобия, представленные неким множеством. Традиционализм или оригинальность их ни в коем случае не являются показателями подлинности или фальсифицированного характера исторического источника. Вместе с тем суммарный анализ всех элементов способен обнаружить подлог по совокупности противоречащих подлинности признаков. Иначе говоря, наличие хотя бы одного противоречащего подлинности признака свидетельствует больше в пользу подложности источника, нежели его подлинности. Можно сказать, что подлог *всегда «фонит»* нестыковкой, противоречиями своего содержания с действительными фактами прошлого, известными из подлинных источников, спорными внешними признаками, неопределенностью камуфляжа, неоднозначной общественной реакцией после легализации. Наличие такого «фона» является одним из признаков под-

лога. Собственно говоря, в ряде случаев именно этот «фон» является основным доказательством подлога, поскольку нам не известно ни одного случая самопризнания автора фальсификации в совершенном подлоге, а примеры обнаружения авторизованных подготавливаемых материалов фальсификаций редки.

Формула фазирования позволяет определить этот «фон» на ее четвертой стадии — стадии бытования. Она обеспечивает уже по общественной реакции выявление афронтационных и инверсионных подлогов и, исключив их из числа подлинных исторических источников, позволяет обратить внимание на подлоги аннигиляционные, афазивные и ударно-взрывные, а также на источники, вызывающие какие-либо иные подозрения, связанные с их подлинностью. В отношении последних на этой стадии фазирования следует помнить два правила. Правило первое. *Легализованный источник имеет большую вероятность быть подложным, чем источник нелегализованный.* Правило второе. *Наличие спорных суждений о подлинности источника в большей степени свидетельствует о его фальсифицированности, чем о подлинности.*

Третья стадия фазирования исторического источника связана с изучением приемов, способов его легализации. На этой стадии следует использовать также несколько правил. Правило первое. *Нелегитимизированный источник вызывает больше подозрений в подложности, чем легитимизированный.* Правило второе. *Отсутствие возможности натурно-демонстрационного знакомства с источником в большей степени свидетельствует о его подложности, чем о подлинности.* Третье правило. *Легитимизация источника, исключающая возможность проверки хотя бы какой-то части фактов его бытования до легализации, свидетельствует о его фальсифицированном характере больше, чем о подлинности.*

Вторая стадия фазирования исторического источника, связанная с изучением приемов и способов его создания, предполагает знание по меньшей мере одного правила. *Наличие хотя бы одного бесспорного признака, позволяющего подозревать подлинность источника на основе результатов анализа приемов и техники его изготовления и содержания, в большей мере свидетельствует о его фальсификации, чем о его подлинности.*

На первой стадии фазирования формула фазирования пересекается с формулой целедостижения, т.к. и в том, и в другом случаях предполагается анализ источника с точки зрения его идейной направленности, авторства. Здесь также действуют несколько правил. Правило первое. *Всегда имеющаяся взаимосвязь между автором (инициатором) источника и идейной направленностью («интересом») последнего дает возможность, определив один из этих элементов (автора или «интерес»), установить другой.* Иначе говоря, установленная взаимосвязь между автором (инициатором) источника и его идейной направленностью дает возможность поставить вопрос о заинтересованности в его фальсификации больше, нежели о его естественном происхождении как регулятора общественно значи-

мых процессов, возникшего синхронно с ними. Правило второе. *Слагаемые формулы целедостижения обеспечивают установление любого неизвестного элемента из составляющих эту формулу при условии гипотетической или точной известности двух других.* Иначе говоря, наличие взаимосвязи между любыми из двух элементов этой формулы в большей степени говорит о подложности источника, нежели о его подлинности.

В истории подлогов исторических источников каждый из элементов формул целедостижения и фазирования представляет самостоятельный интерес, поскольку они по-своему характеризуют не только ту или иную фальсификацию, но и подлог как общественно значимое явление. В них — и косвенное отражение состояния исторических знаний на момент изготовления подлогов и в процессе их бытования, и свидетельства о подчас оригинальных личностях, которым нередко не была чужда искра таланта. И все же цели подлогов, их бытование — наиболее интересные аспекты изучения фальсификаций. С этой точки зрения все остальное является вторичным, вспомогательным. Так, например, определение автора подлога способно углубить представление о его «интересе». Установление приемов и техники изготовления фальсификации является всего лишь условием доказательства подлога и показателем уровня исторического знания фальсификатора. Датировка подлога позволяет расширить и уточнить его цели и т.п. После же легализации подлога даже его первоначальная цель становится вторичной в сравнении с последующим, часто уже независимым от интересов изготовителя, бытованием. Оно отражает уже некие явления и процессы новых этапов общественного развития, которые то безжалостно разоблачают фальсификации, то начинают их активно востребовать. Бытование подлогов, их подчас неожиданная реанимация много времени спустя после разоблачения отражают две особенности человеческого мышления: склонность к мифологии и политизированность. Как результат искусственного конструирования исторических источников подлоги, являясь своеобразным историческим сочинением, в некотором роде превосходят собственно исторические труды: догадки и гипотезы последних в фальсификациях представлены подчас яркими, но вымышленными «доказательствами». В силу этого они выглядят необычайно привлекательно — в этом их магическая сила, воздействующая прежде всего на обывателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX вв. М., 1996. Издание второе. Отдельные фрагменты настоящей книги были опубликованы автором в сокращенном виде. См.: *Козлов В.П.* Но был один, который не стрелял // *Родина.* 1998. № 1. С. 67—72; *он же.* Ночью и внезапно // Там же. № 2. С. 81—82; *он же.* Дошечки Изенбека // Там же. № 4. С. 32—36; *он же.* Искусство подлога: Мифы Раменских // *Тверская старина.* 1998. № 16—17. С. 38—59.

² Антисоветские подлоги: История фальшивок. Факсимиле и комментарии. М., 1926.

³ *Мавродин В.В.* Против фальсификации истории географических исследований // *Известия Всесоюзного географического общества.* М.—Л., 1958. Т. LXC.

⁴ *Творогов О.В.* «Влесова книга» // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. XLIII. Л., 1990.

⁵ *Сергеев А.А.* Об одной литературной подделке: (Дневник А.А.Вырубовой) // *Историк-марксист.* 1928. № 8. С. 16—172.

⁶ См., напр.: *Кон Норман.* Благословение на геноцид... Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990.

Глава 1.

Разочарованный Ильич

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 27078. Л. 1—5

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Рижский курьер. 1921. 20 августа. № 291.

⁵ Неидентифицированная вырезка из эмигрантской газеты обнаружена нами в фонде А. фон Лампе (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 17), который письмо Ленина определил как «Апокриф?».

⁶ *Амиантов Ю.Н., Степанов В.Н.* Подлог // *Правда.* 5 июня 1990. № 156 (26239).

⁷ Об одном из образчиков такого подлога ленинского документа свидетельствует вырезка из белоэмигрантской газеты «Русская правда», хранящаяся в архиве А. фон Лампе (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 346 об.—348). Это «письмо» Ленина от 16 ноября 1923 г. в ЦК ВКП(б) с признанием неудачи политики партии в отношении союза рабочих и крестьян и обвинением партийных верхов в бюрократизме и презрении к народу. В комментариях к публикации неизвестный автор сделал главный вывод, следующий из «письма» Ленина: «Как можно видеть из этого письма, проклятый сифилитик, который сам заварил всю кашу и своими неисполнимыми обещаниями "социалистического рая" поднял народ разрушать свою собственную Родину, теперь забил отбой и советует "товарищам" ради спасения их власти и жизни не злить народ своим "генеральством" и держаться поосторожнее».

Глава 2.

«Директивы» Коминтерна о подготовке мировой революции

¹ В настоящей главе документы цитируются по публикации: Антисоветские подлоги: История фальшивок. Факсимиле и комментарии. М., 1926.

² Там же. С. 45—47. Несколько иной вариант «письма» был опубликован в белоэмигрантской газете «Возрождение». Вырезка этого письма сохранилась в архиве А. фон Лампе. См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 512.

³ Об обстоятельствах легализации «письма» дает представление интервью редактора газеты «Дейли Мейл» Т.Марлоу газете «Обсервер». Согласно его показаниям, о письме он узнал 23 октября, за два дня до его легализации, из записки своего «старого и верного друга», который сообщил также, что премьер-министру Макдональду это письмо известно, но он «старается избежать его опубликования». С целью дискредитации позиции Макдональда «старый и верный друг» просил Марлоу сделать так, чтобы «письмо» стало известно всем крупным английским газетам. Одновременно он сообщал, что копия «письма» направлена в МИД, МВД, Адмиралтейство и Военное министерство Великобритании. См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 33. Л. 276.

⁴ Антисоветские подлоги. С. 47—48.

⁵ Там же. С. 49—50.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 121—132.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Там же. С. 132.

¹⁰ Там же. С. 50—51.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Там же. С. 51—53.

¹³ Там же. С. 52.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 475. Л. 1; Д. 481. Л. 1.

¹⁷ Антисоветские подлоги. С. 54—55.

¹⁸ Там же. С. 64.

¹⁹ Там же. С. 64—65.

²⁰ Там же. С. 68—69.

²¹ Там же. С. 70—74.

²² Там же. С. 55—58.

²³ Там же. С. 58.

²⁴ Там же. С. 59.

²⁵ Там же. С. 60.

²⁶ Там же. С. 75—76.

²⁷ Там же. С. 77—79.

²⁸ *Gill Bennet*. A most extraordinary and mysterious business: The Zinoviev Letter of 1924 // *Historians*, LRD. № 14. February, 1999.

²⁹ Антисоветские подлоги. С. 112—114.

³⁰ Там же. С. 105—111.

³¹ Там же. С. 116—118.

³² Там же. С. 12—14.

³³ Там же. С. 160—161.

³⁴ Там же. С. 162—164.

³⁵ В этом смысле можно признать, что на протяжении ряда лет шел постепенный процесс совершенствования подлогов. В архиве фон Лампе сохранилась вырезка публикации одной из ранних фальсификаций документов Коминтерна, помещенной в неидентифицированной эмигрантской газете за 17 сентября 1921 г. под заголовком «Надзор Коминтерна за уполномоченными Совнаркома» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 424). Приведем его текст полностью.

«Б.Ю.Р.О.

Западно-Европейского

Секретар. Пропаганды.

Особо секретно.

Копия.

Западно-Европейскому Секретариату

Оперативный отдел.

Ц.И.К. III-го Интернационала, заслушав доклад Агитотдела и Политической Коллегии, настоящим предлагает Секретариату и всем входящим в него отделам и группам принять к руководству нижеследующее: 1) Всем агентам, специально командированным с приказами, по литерам ЛВ, ЛГ, ЛД, надлежит оказывать полное содействие. Настоящие агенты командированы Коминтерном с особыми поручениями чрезвычайной важности. 2) Немедленно по прибытии на территорию, подлежащую ведению Секретариата, миссий, групп и отдельных лиц, уполномоченных Совнаркомом для организации комитетов помощи голодающим Поволжья, учреждать самые точные наблюдения за личным составом миссий и групп, а также за всеми теми общественными организациями и эмигрантскими группами, с которыми указанные лица будут входить в общение. 3) Организация внутреннего наблюдения обязательна. 4) Надлежит вести самый подробный дневник каждому из прикомандированных людей. Сводки дневников ежедневно не позже 10 вечера должны быть направлены с особым курьером до первого пункта, откуда возможна радиопередача или прямой провод. 5) Группы переходного типа, находящиеся в неофициальном ведении агентуры Секретариата, надлежит особо тщательно контролировать во все время пребывания указанных миссий и групп за границей, так как удобным посредником между эмиграцией и отдельными лицами, входящими в миссии, могут явиться члены именно этих переходного типа организаций. 6) Для установления внешнего наблюдения надлежит обратиться за содействием к местным организациям или же в частные детективные бюро. 7) Экстренные расходы по проведению данного задания надлежит отнести непосредственно на счет Агитотдела.

Заведывающий Агитотделом

Н у а р т о в а

Секретарь К а т а н ь я н.

Примитивизм этого подлога очевиден. В 1921 г. в Коминтерне не существовало «Западно-Европейского секретариата пропаганды» и его «Бюро», «Оперативного отдела» «Ц[ентрального] и[сполнительного] к[омитета] III Интернационала», «Агитотдела», «Политической Коллегии» — соответственно были Западно-Европейский секретариат, Исполнительный комитет, Агитационно-пропагандистский отдел. См.: *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997. С. 7—60.

Глава 3. Литературное изнасилование А.А.Вырубовой

- ¹ Дневник А.А.Вырубовой // Минувшие дни. 1927. Декабрь. С. 5—76; 1928; Январь. С. 73—108; Февраль. С. 89—120; № 4. С. 87—124.
- ² Там же. Декабрь. С. 6.
- ³ Там же. С. 9.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Вырובה А.А.* Страницы из моей жизни. Париж, 1923.
- ⁶ Сведения об этом со ссылкой на Бахметьевский архив Колумбийского университета сообщил автору Б.В.Ананьич.
- ⁷ См.: Возрождение. 1928. 11 февраля.
- ⁸ Там же. 23 февраля.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Mercure de Françe*, 1928. 1 апреля.
- ¹² *Горин П.О.* Об одной вылазке бульварщины // Правда. 1928. 11 марта.
- ¹³ Фальшивка под видом исторического документа: Что говорят о «Дневнике» Вырубовой // Вечерняя Москва. 1928. 13 марта.
- ¹⁴ По поводу «Дневника Вырубовой» // Красная газета. 1928. 15 марта.
- ¹⁵ *Мамет Л.* «Минувшие дни» // Пролетарская революция. 1928. № 3/74. С. 231—232.
- ¹⁶ *Шестаков А.* «Минувшие дни» // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 276—277.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 33. Л. 238—239.
- ¹⁸ Сведения об этом со ссылкой на фотокопию «записки» Сергеева, хранящуюся в коллекции А.И.Кирпичникова, сообщил автору Б.В.Ананьич.
- ¹⁹ *Сергеев А.А.* Указ. соч. С. 16—172.
- ²⁰ Там же. С. 163.
- ²¹ Там же. С. 164.
- ²² Там же. С. 170.
- ²³ Там же. С. 172.
- ²⁴ Вечерняя Москва. 1928. 13 марта.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 621. Л. 62—63.
- ²⁶ Там же. Л. 64—66.
- ²⁷ Там же. Л. 4.

Глава 4. «Постановления» кремлевских мудрецов

- ¹ *Lovental M., McDowel J.* The Stalin Resolutions and the Road to World War II // *San Jose Studies*. November 1980. P. 78—104. Подробную библиографию см.: *Вишлеев О.В.* О подлинности «Постановлений Политбюро ВКП(б)», хранящихся в зарубежных архивах // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 51—55.
- ² Bundesarchiv (Koblenz). Serie: L-58/61, R-58/63.
- ³ Bundesarchiv (Potsdam). Auswertiges Amt, Adjutantur des Führers. O. 50. Film № 15676, Aufnam. E. 691890 — E. 691927.

⁴ Институт Гувера, коллекция Б.И.Николаевского, ящик 778, папки 11—12; ящик 775, папка 4. Опубликовано в кн.: *Николаевский Б.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 415—502.

⁵ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 44.

⁶ Там же. Л. 60—61.

⁷ Там же. Л. 153.

⁸ Там же. Л. 23—24.

⁹ Там же. Л. 57—58.

¹⁰ Там же. Л. 95.

¹¹ Там же. Л. 101.

¹² Там же. Л. 3—4.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 196.

¹⁵ Там же. Л. 55.

¹⁶ Там же. Р-58/61. Л. 180.

¹⁷ Там же. Р-58/63. Л. 110—111.

¹⁸ Там же. Р-58/61. Л. 88—89.

¹⁹ Там же. Р-58/63. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 191.

²¹ *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 413.

²² *Вишнев О.В.* О подлинности. С. 54—55.

²³ См.: там же. С. 52—53.

²⁴ Там же. С. 54.

²⁵ *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 413.

²⁶ Там же.

²⁷ *Вишнев О.В.* О подлинности. С. 54.

²⁸ *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 413.

²⁹ Там же. С. 414.

Глава 5. «Сибирский Пимен», или Несостоявшееся открытие гения В.И.Анучина

¹ *Анучин В.И.* Встреча // Литературный современник. 1940. № 1. С. 5—10.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 115. Л. 20.

³ *Анучин В.И.* Переписка с Владимиром Ильичем // Ленинский путь. 1941. 21 января.

⁴ Литературная газета. 1941. № 1.

⁵ Правда. 1941. 1 января.

⁶ *Вилькошевский П.В.* Письма А.М.Горького к В.И.Анучину // Труды Самаркандского государственного педагогического института им. А.М.Горького. Самарканд, 1942. Т. IV.

⁷ Сибирские огни. 1941. № 1.

⁸ Там же. С. 134.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 139—140.

- ¹³ Там же. С. 139.
- ¹⁴ Там же. С. 137.
- ¹⁵ Там же. С. 134.
- ¹⁶ Там же. С. 133.
- ¹⁷ Там же. С. 135.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Азадовская Л.* История одной фальсификации // Новый мир. 1965. № 3. С. 213—229.
- ²⁰ *Яковлев Б.* Ленин в Красноярске. М., 1965. С. 14.
- ²¹ *Азадовская Л.* Указ. соч. С. 228, прим. 6.
- ²² Там же. С. 215.
- ²³ Там же. С. 216.
- ²⁴ Там же. С. 216—217.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 218.
- ²⁷ Там же. С. 218, 219.
- ²⁸ *Никитин Е.Н.* Был ли фальсификатором В.И.Анучин // Новый мир. 1993. № 4. С. 247—249; *он же.* Семейная честь или истина? // Там же. 1994. № 11. С. 247—249 (ответ К.М.Азадовскому на его статью в «Литературной газете» от 20 апреля 1994 г.); *он же.* Письма М.Горького к В.И.Анучину. (История одной публикации) // Неизвестный Горький. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1995. С. 171—175.
- ²⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 14. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 115. Л. 20.
- ³¹ Там же. Л. 21.
- ³² Там же. Л. 20.
- ³³ Там же. Д. 47. Л. 14. В архиве Ленина сохранилась телеграмма Анучина из Томска 25 апреля 1920 г. (машинописная копия) на имя Ленина следующего содержания: «Томский отдел Центропечати запретил перепечатывать твою (подч. нами. — В.К.) речь [о] единоличном управлении предприятий и задачах Интернационала. Прошу телеграфно отменить контрреволюционное запрещение. Анучин». Ленин дал поручение «расследовать» факт запрещения (там же. Ф. 2. Оп. 1. № 13712).
- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1. Л. 5—6.
- ³⁵ Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 229. Л. 1—4.
- ³⁶ Там же. Л. 5—5 об.
- ³⁷ *Никитин Е.Н.* Письма М.Горького. С. 172.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 512. Л. 6—7.
- ³⁹ Там же. Л. 10.
- ⁴⁰ Там же. Л. 20.
- ⁴¹ *Азадовская Л.* Указ. соч. С. 229.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Линецкая Р.* Письма В.И.Анучина к С.Е.Кожевникову // Сибирские огни. 1963. № 10. С. 166, 168 и др.
- ⁴⁴ Там же. С. 166.
- ⁴⁵ Там же. С. 168.
- ⁴⁶ Ныне он хранится в РГАЛИ (Ф. 879).
- ⁴⁷ *Линецкая Р.* Указ. соч. С. 166.

Глава 6.
«Древностелюбивые проказы» новейшего времени

- ¹ *Бадигин К.* У истоков русской морской культуры // Красный флот. 1952. 8, 9 января.
- ² *Он же.* Путь на Грумант. М., 1953.
- ³ Там же. С. 254—255.
- ⁴ Там же. С. 279.
- ⁵ Там же. С. 280.
- ⁶ Там же. С. 279.
- ⁷ Там же. С. 280.
- ⁸ Там же. С. 281.
- ⁹ Там же. С. 279.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 280.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 284.
- ¹⁴ *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 82—83.
- ¹⁵ *Лунач В.С.* Русский флот — колыбель величайших открытий и изобретений. М., 1952.
- ¹⁶ *Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954. С. 25.
- ¹⁷ *Бадигин К.* По студенным морям. М., 1956.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 104.
- ²⁰ *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 9—91.
- ²¹ Там же. С. 83.

Глава 7.
«Дощечки Изенбека», или Умершая Жар-птица

- ¹ Цит. по: *Творогов О.В.* «Влесова книга». С. 171.
- ² *Лесной С.* «Влесова книга» — языческая летопись доолеговой Руси (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1. С. 8—25.
- ³ Там же. С. 9.
- ⁴ *Творогов О.В.* «Влесова книга». С. 180.
- ⁵ Там же. С. 235, 237.
- ⁶ *Лесной С.* История русов в неизвращенном виде. Мюнхен, 1957. Вып. 6. С. 607—630.
- ⁷ Там же. Вып. 10. С. 1115—1116.
- ⁸ *Жуковская Л.П.* Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 141—144.
- ⁹ *Лесной С.* «Влесова книга». С. 20—21.
- ¹⁰ *Он же.* Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. Виннипег, 1964. С. 227—294.
- ¹¹ *Он же.* «Влесова книга».
- ¹² Там же. С. 28.
- ¹³ Там же. С. 30.
- ¹⁴ *Кобзеев И.* О любви и нелюбви // Русская речь. 1970. № 3. С. 49.

- ¹⁵ Скурлатов В., Николаев Н. Тайнственная летопись: гипотеза на проверке. «Влесова книга» — подделка или бесценный памятник мировой культуры? // Неделя. 1976. № 18. С. 10.
- ¹⁶ Документ или подделка? // Там же. № 33. С. 7.
- ¹⁷ Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202—205.
- ¹⁸ Жуков Д. Тысячелетие русской литературы // Огонек. 1977. № 13. С. 29.
- ¹⁹ Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»: Письмо в редакцию // Литературная Россия. 1977. № 49. С. 19; Скурлатова О. Загадки «Влесовой книги» // Техника молодежи. 1979. № 12. С. 55—59; Жуков Д. Из глубины тысячелетий // Новый мир. 1979. № 4. С. 281.
- ²⁰ Жуковская Л.П., Филин Ф.П. «Влесова книга...»: Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С. 117.
- ²¹ Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? // В мире книг. 1981. № 10. С. 70—73.
- ²² Подробную библиографию см. в: Творогов О.В. «Влесова книга». С. 173—178.
- ²³ Творогов О.В. Что стоит за «Влесовой книгой»? // Литературная газета. 1986. 16 июля. С. 5.
- ²⁴ Он же. «Влесова книга». С. 172.
- ²⁵ Используется по: Творогов О.В. «Влесова книга».
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Творогов О.В. Когда была написана «Влесова книга»? // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры: Сборник статей. М., 1988. Ч. 2. С. 144—195.
- ²⁸ Цит. по: Творогов О.В. «Влесова книга». С. 222.
- ²⁹ Там же. С. 228.
- ³⁰ Там же. С. 232.
- ³¹ Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1996. С. 155—185.
- ³² Грицков В.В. Сказания русов. М., 1992. Ч. 1. Влесова книга.
- ³³ Он же. Тайна «Влесовой книги» // Наука и религия. 1993. № 7.
- ³⁴ Белякова Г.С. О «Влесовой книге» и славянских древностях («Влесова книга» — реальность или мистификация?) // Русская Старина. 1990. Вып. 1. С. 184—191.
- ³⁵ Асов А.И. Комментарии к «Влесовой книге» // Русские веды. М., 1992. См. также: Наука и религия. 1992. № 10; 1993. № 3, 4, 10. См. также, очевидно, его же публикацию с предисловием «академика» Ю.К.Бегунова: Бус Кресень. Влесова книга. Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 247—307.
- ³⁶ Влесова книга: Перевод и комментарий Александра Асова. М., 1995.
- ³⁷ Козлов В.П. Тайны фальсификации. С. 155—185.
- ³⁸ Влесова книга. С. 208.
- ³⁹ Там же. С. 215.
- ⁴⁰ Там же. С. 240.
- ⁴¹ Здесь и далее они воссоздаются по работе: Творогов О.В. «Влесова книга».
- ⁴² Цит. по: Творогов О.В. «Влесова книга». С. 247.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 248.

⁴⁶ Там же. С. 249.

⁴⁷ Подробнее см.: *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. С. 208—220.

Глава 8. «Величайший секрет» И.В.Сталина

¹ Тайны истории. Век XX. Был ли Сталин агентом охранки? Сборник статей, материалов и документов. М., 1999. С. 214—215. Здесь и далее анализируются и цитируются материалы, помещенные именно в этом издании.

² Там же. С. 216—217.

³ Там же. С. 22—29.

⁴ Там же. С. 275—364.

⁵ Там же. С. 17—18.

⁶ Там же. С. 26—27.

⁷ Там же. С. 30—45.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Там же. С. 221—224.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ Там же. С. 230.

¹² Там же. С. 240.

¹³ Там же. С. 241—243.

¹⁴ Там же. С. 243—244.

¹⁵ Там же. С. 244—245.

¹⁶ Там же. С. 245—248.

¹⁷ Там же. С. 249.

¹⁸ Там же. С. 255.

¹⁹ Там же. С. 256—260.

²⁰ Там же. С. 260.

²¹ Там же. С. 261.

²² Там же. С. 265—274.

²³ Там же. С. 321.

²⁴ Там же. С. 321—325.

²⁵ Там же. С. 325—327.

²⁶ Там же. С. 331—334.

²⁷ Там же. С. 340—345.

²⁸ Там же. С. 345—347.

²⁹ Там же. С. 348.

³⁰ Там же. С. 355.

³¹ Там же. С. 356.

³² Там же. С. 357.

³³ Там же. С. 360.

³⁴ Там же. С. 363.

³⁵ Там же. С. 63.

³⁶ Там же. С. 371.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 386.

³⁹ Там же. С. 389.

⁴⁰ Там же. С. 394—409, 419—422.

⁴¹ Там же. С. 427—441.

⁴² См., например: *Серебрякова З.П.* Так был ли Сталин агентом охраны? // Черемушки. 1990. № 1 (2). Автор здесь определен, наивен или излишне хитрит, когда заявляет: «И если удастся неопровержимо доказать, что Сталин еще до революции был тщательно замаскированный враг, то это несомненно поможет объяснить его дальнейшие преступления и даже ужасы кровавого террора».

⁴³ *Хечинов Ю.* Сталин был агентом царской охраны // Известия. 1997. 19 сентября.

⁴⁴ *Фельштинский Ю.* Еще раз о Сталине, агенте охраны // Известия. 1997. 2 октября.

⁴⁵ *Перегудова З.И.* Был ли Сталин агентом охраны? // Общая газета. 1997. 9—15 октября. С. 15.

Глава 9. Миф против мифа, или «Свидетельства очевидца» об убийстве царской семьи

¹ *Соколов Н.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

² Подробнее см.: *Радзинский Э.* «Господи... Спаси и усмири Россию»: Николай II: жизнь и смерть. М., 1993; *Павлова Т.Ф.* Лжецаревич из Багдада // Совершенно секретно. 1991. № 7. С. 28—29.

³ Далее используется и цитируется по изданию: Как погибла царская семья. Показания члена Уральского областного исполнительного комитета, бывшего австрийского военнопленного И.Л.Мейера. Пер. с немецкого П.А.Коновницына. 2-е изд. Б.м., 1977.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ *Соколов Н.* Указ. соч. С. 117.

¹⁰ Как погибла царская семья. С. 4.

¹¹ *Соколов Н.* Указ. соч. С. 118.

¹² Как погибла царская семья. С. 4.

¹³ *Соколов Н.* Указ. соч. С. 119, 132.

¹⁴ Как погибла царская семья. С. 4.

¹⁵ *Соколов Н.* Указ. соч. С. 121.

¹⁶ Как погибла царская семья. С. 4.

¹⁷ *Соколов Н.* Указ. соч. С. 124.

¹⁸ Как погибла царская семья. С. 20—21.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Там же. С. 25.

²² Перечень всех материалов, связанных с убийством и находившихся на закрытом хранении, см. в: *Радзинский Э.* Указ. соч. С. 491—492.

²³ *Соколов Н.* Указ. соч. Между с. 48 и 49.

²⁴ Там же. Между с. 128 и 129.

²⁵ Письма царской семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. Здесь же помещены и 4 из 6 фотокопий документов, приложенных к «воспоминаниям Мейера».

²⁶ Правда, по не совсем ясному свидетельству, известно, что «воспоминания Мейера» и приложенные к ним «документы» рассматривал германский суд, установив, что все они — подделки. См.: *Время и мы*. 1986. № 92. С. 220—221.

²⁷ *Последние дни Романовых: Документы, материалы следствия, дневники, версии*. Свердловск, 1991. С. 182.

²⁸ Как погибла царская семья: Свидетельство очевидца И.П.Мейера. М., 1990.

²⁹ *Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX веков*. М., 1994. С. 186—192.

Глава 10.

«Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «Акте» драматической судьбы Раменских

¹ Обратить в пользу для потомков... Публикация, предисловие и примечания Михаила Маковеева // *Новый мир*. 1985. № 8. С. 195—213; № 9. С. 218—236.

² Там же. № 8. С. 196.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. № 9. С. 218.

⁹ Там же. С. 221.

¹⁰ Там же. С. 225.

¹¹ Там же. № 8. С. 206.

¹² Там же. С. 207.

¹³ Там же. С. 211.

¹⁴ Там же. № 9. С. 228.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ *Дилигенская Н.* Дар коммуниста // *По ленинскому пути*. 1961. 22 октября.

¹⁷ *Раменский А.* У истока находки: Новое сообщение о ленинском документе // Там же. 12 ноября.

¹⁸ *Курприн О.* Сквозь время, огонь и войну // *Красная звезда*. 1961. 9 декабря.

¹⁹ Статья Маковеева фактически впервые обозначила все «следы», или «версии», обширных связей Раменских. Любопытно, однако, два обстоятельства. Во-первых, будущий публикатор «Акта» ни слова не упоминает о нем (он еще не «найден» на чердаке дома в Павловском Посаде). Во-вторых, очевидно, именно поэтому автор вынужден был сделать оговорку относительно достоверности приводимых им сведений: «Как и все, что берет свое начало где-то в туманной старине, — пишет он, — так и жизнь этой удивительной династии со временем обросла своими легендами и преданиями. Сейчас, конечно, очень трудно установить с бесспорной точностью, какие из этих семейных поверий целиком соответствуют историческим фактам, а какие — плод домыслов и предположений. Поэтому разум-

нее всего подробно рассказать о достоверном и лишь попутно упомянуть о весьма правдоподобном, но еще не доказанном».

- ²⁰ Горская М. Новые страницы истории // Ржевская правда. 1963. 11 декабря.
- ²¹ Аметистов А., Булатов Б. Пахари нивы народной // Сельская новь. 1966. № 8. С. 9—10.
- ²² Веселина М. В поисках ленинских материалов // Учительская газета. 1963. 5 января.
- ²³ Никитин А. Реликвии рода Раменских // Звезда. 1964. 19 августа.
- ²⁴ Куприн О. Указ. соч.
- ²⁵ Маковеев М. 200 лет они сеяли вечное // Ржевская правда. 1969. № 21. 5 февраля.
- ²⁶ По ленинскому пути. 1963. 14 июля.
- ²⁷ Булатов Б. В гостях у мужественного земляка // Смена. 1965. 28 сентября.
- ²⁸ Аметистов А., Булатов Б. Указ. соч.
- ²⁹ Соловейчик С. На берегу Итомли // Известия. 1984. 5 ноября.
- ³⁰ Маковеев М. Указ. соч.
- ³¹ Дилигенская Н. Находка в Мологине // Литературная газета. 1962. 27 декабря.
- ³² Цявловская Т.Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.—Л., 1966. С. 5—30.
- ³³ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 345.
- ³⁴ Горская М. Гордимся таким человеком // Ржевская правда. 1963. 26 ноября.
- ³⁵ Ржевский городской архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 140. Л. 46—58.
- ³⁶ Там же. Л. 53.
- ³⁷ Краснобородько Т.И. История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго»). Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 272.
- ³⁸ Юность. 1979. № 6. С. 116.
- ³⁹ Булатов Б., Петров В. Шел парнишке в ту пору лишь семнадцатый год // Смена. 1962. 16 февраля.
- ⁴⁰ Дилигенская Н. Находка в Мологине.
- ⁴¹ См., например, его цитирование: Шиповский С. 200-летие династии Раменских // Учительская газета. 1963. 5 января.
- ⁴² Б/а. Коммунист остается в строю // Новая жизнь. 1963. 25 апреля.
- ⁴³ См. прим. № 34.
- ⁴⁴ Раменский А. Партиец ленинского призыва // Новая жизнь. 1965. 26 сентября; он же. Слово о друге // Смена. 1974. 24 сентября.
- ⁴⁵ См. прим. № 27.
- ⁴⁶ Ржевский городской архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 140.
- ⁴⁷ Там же. Л. 46.
- ⁴⁸ Никитин А. Тайна мологинской сторожки // Звезда. 1964. 20 сентября.
- ⁴⁹ Он же. Реликвии рода Раменских.
- ⁵⁰ Ржевский городской архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 135. Л. 38—40.
- ⁵¹ Там же. Л. 144.
- ⁵² Булатов Б. России верные сыны // Ленинец. 1968. 24 и 27 августа.

- ⁵³ Кузнецов Ф. Дом на Лялином озере // Комсомольская правда. 1968. 2 октября.
- ⁵⁴ Ржевский городской архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 140. Л. 11—22.
- ⁵⁵ Там же. Д. 135. Л. 143.
- ⁵⁶ Там же. Д. 140. Л. 22.
- ⁵⁷ Б/а. Судьбы необыкновенные: О династии учителей Раменских // Ржевская правда. 1977. 10 марта.
- ⁵⁸ Соловейчик С. Указ. соч.
- ⁵⁹ См., например: Пьянов А.С., Ильин М.А. Пушкинские места Верхневолжья. М., 1972. С. 44—49. Впрочем, легенда о Раменских в конце концов заслужила книгу «Династия учителей Раменских», автором которой стал... М.Маковеев.
- ⁶⁰ Кибальник С. Мнимый Пушкин // Литературная газета. 1986. 28 мая; Татаринцев А. Вокруг Радищева // Там же; Перпер М. Письмо, которого не было // Там же; Толмачев А. Болоты против «Болотова» // Там же; Лобач-Жученко. По следам Марко Вовчок // Там же; Гурвич С., Птушкина И. Когда обращаться к специалистам? // Там же.
- ⁶¹ Краснобородько Т.И. Указ. соч. С. 269—281.
- ⁶² Карамзин Н.М. Известия о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Сочинения Карамзина. М., 1820. Т. 9. С. 123—124.
- ⁶³ Обратить в пользу для потомков // № 8. С. 211.
- ⁶⁴ Там же. С. 195.
- ⁶⁵ Там же. № 9. С. 234—236.
- ⁶⁶ Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1994. С. 7.
- ⁶⁷ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1.
- ⁶⁸ Обратить в пользу для потомков // № 8. С. 208—210.
- ⁶⁹ Шторм Г. Потаенный Радищев: Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1965.
- ⁷⁰ Ржевский городской архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 135. Л. 43—45.
- ⁷¹ Там же. Л. 50—56.
- ⁷² Там же. Л. 50.
- ⁷³ Там же. Л. 42, 150.
- ⁷⁴ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983.
- ⁷⁵ Козлов В.П. Тайны фальсификации. С. 155—185.

Глава 11. Форосский «дневник» Анатолия Черняева

¹ Форос, август—91: Дневник помощника Президента Анатолия Черняева // Известия. 1991. 30 сентября.

² В своих мемуарах «Шесть лет с Горбачевым» (М., 1993), основанных и на дневниковых записях, А.С.Черняев в целом передает события в Форосе в соответствии с опубликованным в «Известиях» «дневником» (дополняя его рядом подробностей). Однако, описывая путч, он делает многозначительную оговорку: «Я в затруднении: сколько писать об этом? ...Я могу зафиксировать, что многое из того, о чем я догадывался, подтвердилось. И ни в одном из описаний и "анализов" (из тех, что попадались на глаза) я не обнаружил достойных внимания опровержений того, о чем я говорил в своих двух интервью (Саше Безыменской для журнала "Шпигель", Ал.Любимову на ТВ для "Взгляда") и в публикации из дневника в "Тайм" и "Известиях"».

Глава 12.
«Приказ» о ликвидации саботажа в Украине

- ¹ *Марочкин В.* Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев... // Литературная Украина. 1992. 27 февраля.
- ² *Пирог Б.* Письмо в редакцию // Там же. 5 марта.
- ³ Там же.
- ⁴ *В.З.* «Выслать в отдаленные края всех украинцев...» // Народная газета. 1994. № 36.
- ⁵ *Сергиенко В.* Злосчастные фальшивки // Правда Украины. 1994. 4 октября.

Глава 13.
На ловца и зверь бежит

- ¹ *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. М., 1994.
- ² *Максимова Э.М.* Пять дней в Особом архиве // Известия. 1990. 17 августа.
- ³ Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 89.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Здесь и далее автор пользуется обзорами итальянской печати, готовившимися сотрудницей РЦХИДНИ Н.Дроздовой и хранящимися в архиве автора (далее — Дроздова Н.).
- ⁷ Дроздова Н.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Хранится в архиве автора и в РГАСПИ.
- ¹⁴ *Максимова Э.М.* Указ. соч.
- ¹⁵ Спустя несколько лет в своей книге Буковский попытался нарисовать своеобразный обобщенный портрет российского архивиста образца 1992—1993 гг. В его представлении это — жалкое детище советского строя, раб, привыкший подчиняться только силе, трусливый и жадный до денег, человек, который в мрачной архивной хранилище, показывая свою значимость, стремится всячески унижить пользователя. «Великий гуманист», оплакивающий гибель 60 миллионов соотечественников, утомленный попытками получить доступ в российские архивы, вдруг с вожденным наслаждением мечтает расстреливать архивистов группами. Замысел, достойный человека, который в послеавгустовской чахарде и эйфории смог увидеть среди архивистов России лишь типажи А.С.Грибоедова и М.Е.Салтыкова-Щедрина.
- ¹⁶ *Хейфец М.* Новые грехи старого Абрама: Андрей Синявский как агент КГБ // Вести. 1992. 11 сентября.
- ¹⁷ Цитируется по экземпляру, хранящемуся в архиве автора.
- ¹⁸ *Геворкян Н.* Этот знакомый запах липы // Московские новости. 1993. 3 января.
- ¹⁹ Химическое оружие в Балтийском море // Час пик. 1993. № 5.
- ²⁰ Один из экземпляров хранится в архиве автора.

Оглавление

Введение	3
<i>Глава 1.</i> Разочарованный Ильич	7
<i>Глава 2.</i> «Директивы» Коминтерна о подготовке мировой революции	16
<i>Глава 3.</i> Литературное изнасилование А.А.Вырубовой	37
<i>Глава 4.</i> «Постановления» кремлевских мудрецов	49
<i>Глава 5.</i> «Сибирский Пимен», или Несостоявшееся открытие гения В.И.Анучина	62
<i>Глава 6.</i> «Древностелюбивые проказы» новейшего времени	78
<i>Глава 7.</i> «Дошечки Изенбека», или Умершая «Жар-птица»	87
<i>Глава 8.</i> «Величайший секрет» И.В.Сталина	106
<i>Глава 9.</i> Миф против мифа, или «Свидетельства очевидца» об убийстве царской семьи	124
<i>Глава 10.</i> «Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «Акте» драматической судьбы Раменских	137
<i>Глава 11.</i> Форосский «дневник» Анатолия Черняева	172
<i>Глава 12.</i> «Приказ» о ликвидации саботажа в Украине	176
<i>Глава 13.</i> На ловца и зверь бежит	181
<i>Глава 14.</i> От злоключений к выводам	200
Примечания	209

КОЗЛОВ Владимир Петрович
Обманутая, но торжествующая Клио
Подлоги письменных источников
по российской истории в XX веке

Редактор *Л.Елифанова*
Художественное оформление *А.Сорокин*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н.Галанчева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 1.12.2000.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 14,0. Уч.-изд.л. 17,2. Тираж 2000 экз. Заказ № 953

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121009, Москва, Шубинский пер., 6